

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫК РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

МОСКВА
"НАУКА"
1994

Книга публикуется при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
инициативный проект 93-06-10941:
"Логический анализ языка:
Речевые действия. Истина и истинность"

Редакционный совет:

член-корреспондент РАН Н.Д. АРУТЮНОВА (председатель)
доктор философских наук В.В. ПЕТРОВ
кандидат филологических наук Н.К. РЯБЦЕВА
академик Ю.С. СТЕПАНОВ

Ответственные редакторы:

член-корреспондент РАН Н.Д. АРУТЮНОВА
кандидат филологических наук Н.К. РЯБЦЕВА

Рецензенты:

кандидат филологических наук Е.В. КРАСИЛЬНИКОВА
доктор филологических наук Л.П. КРЫСИН

Редактор издательства В.С. МАТЮХИНА

Л69 **Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.:
Наука, 1994. — 188 с.
ISBN 5-02-011227-5**

Очередной, седьмой выпуск издания "Логический анализ языка" посвящен соотношению слова и дела — речевой и неречевой деятельности. Анализируются особенности речевого поведения, свойства речевых произведений, а также ключевые коммуникативные концепты. Особое внимание уделено "языку" молчания, чувств, этикета, ритуалов, традиций и его роли в культурном контексте.

Для широкого круга лингвистов, логиков, философов, психологов, культурологов.

Л 460200000-174 249-94, II полугодие
042(02)-94

ББК 81

Logical Analysis of Language. The Language of Speech Acts.

The seventh volume of "Logical Analysis of Language" is devoted to the relationship between words and deeds — verbal and non-verbal activity. The book goes into the peculiarities of speech behaviour, pragmatic qualities of the products of speech acts, and key concepts of communication. Special attention is paid to the "languages" of silence, traditions, feelings, etiquette, rituals and their role in the cultural context.

For a wide circle of linguists, logicians, philosophers, psychologists, antropologists and sociologists.

ISBN 5-02-011227-5

© Коллектив авторов, 1994

© Российская академия наук, 1994

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий выпуск включает материалы конференции "Язык речевых действий", состоявшейся в мае 1993 г. в Институте языкознания РАН.

Каковы были ее цели? Почему ее проблематика была сформулирована в терминах речевых действий, а не речевых актов? Как представляется, теория речевых актов близка к завершению. Она дала лингвистике многое: понятие перформатива, выявившее отношения слов и дел, связанное с ним понятие локуции, иллокутивных сил, перлокуций. Теория замкнулась. Ее метаязык закрыт, но материал не исчерпан. Теория должна быть раздвинута, и один из возможных путей ее расширения состоит в более последовательном использовании моделей действий и моделей ментальных актов в анализе речевой деятельности человека.

Сам язык сближает слова и дела. Так, во французском языке *il fit 'он сделал'* означает также 'он сказал'; русские частицы *де, дескать*, маркирующие чужую речь, включают глагол *делать*: *дескать* = 'сделав сказать'. В языках распространены перифрастические обозначения речевых действий, в которые входит глагол *делать*: *делать объявление/заключение/утверждение/сообщение* и пр. Многие глаголы могут равно относиться к речевому и неречевому действию: *обманывать* и *преддавать* можно и словом, и делом, точно так же как можно *помочь* другому и речами, и действиями. Традиционная медицина лечит *действиями*, психоанализ — *словами*. Речеповеденческие предикаты имеют в большинстве случаев двойную денотацию: *хитрить* и *вводить в соблазн (заблуждение)*, *унижать* и *обижать* суммируют слова и дела. И те и другие становятся причиной одних и тех же психических реакций: радости и печали, огорчения и веселости, ненависти и любви.

Есть области, в которых вся совокупность действий сводится к речи. Это политика и дипломатия, управление и юриспруденция, дело- и судопроизводство. В них стерлась граница между письменными и устными речевыми действиями: *делать заявление, выразить протест, заключать договор (соглашение), выносить вердикт, давать предписание, заключать мир* и пр. И тем и другим свойственны *намерения, мотивы, цели* — явные и скрытые, *результаты* — прямые и косвенные, *следствия, побочные эффекты, оценки* — *утилитарные и этические*. И те и другие могут быть намеренными и нечаянными. Человек несет ответственность и за речевые, и за неречевые действия: и те и другие могут служить основанием для обвинения, и те и другие нуждаются в оправдании.

И речевые, и неречевые действия развертываются во времени. Временные отношения между ними могут получать содержательную интерпретацию. И речевые, и неречевые действия имеют начало и конец. Они могут быть законченными и незаконченными. Для тех и других вырабатываются стратегии осуществления, объединяющие речевые и неречевые акции: слово стимулирует действие, действие — слово. Тем самым слово входит в контекст жизни, и это придает ему целеориентированность: речевые действия необходимо включают иллюкативную силу.

Несмотря на аналогию слов и дел, высказываний и поступков, речевые действия глубоко специфичны. Важнейшей прагматической чертой речевых действий является их адресованность. Речевое действие обращено к "другому" — личному или социальному адресату. Оно входит в контекст человеческих отношений — межличностных и социальных. Чтобы речь стала действием, должны быть удовлетворены соответствующие требования. Речь, сказанная "в пустоту", не является действием.

Между речевым актом и действием существует обратная связь. Свойства высказываний влияют на моделирование поведенческих акций: им приписывается адресованность и семиотичность. Этикет, ритуал, вежливость характеризуют как речевое, так и неречевое поведение человека. Межличностные отношения структурированы по модели речевого взаимодействия. Таким образом, высказывание, обращенное к "другому", регулярно приобретает статус поведенческого акта, а поведенческий акт, рассчитанный на восприятие его "другим", всегда семиотичен.

Важнейшей онтологической чертой, отличающей речевые действия от неречевых, является наличие в них пропозиционного содержания — полного или редуцированного: пропозиция служит "орудием" действия. Иллюкативная сила речевого действия тесно связана с содержанием пропозиции. При этом одни цели, такие, например, как инструкции, приказы, просьбы и т.п., требуют полного и четкого выражения, другие же не нуждаются в ясном смысле, а иногда даже его избегают (ср. "говорение языками").

Благодаря наличию у речевых действий пропозиционального содержания они могут получать наряду с утилитарной и этической истинностную оценку. Действия лишены параметра истинности. Аналогом истинностной оценки может считаться оценка действия по его адекватности действительности. Более очевидна применимость к действиям понятия ложности. Можно обмануть другого как словами, так и делами. И слова, и дела будут в этом случае одинаково фальшивыми. Далеко не всегда поступки и поведение человека соответствуют его природе. Неподлинность действий аналогична лживости речей. Важнее, однако, то, что и высказывания, и действия соотносятся с некоторой нормой, правилом: высказывание должно удовлетворять требованию истинности, действие — этическому или практическому предписанию. Это позволяет говорить и о правде слов, и о правде дел.

Точно так же как адресованность речи влияет на интерпретацию межличностных поведенческих акций, значение, присущее речевым актам, переносится на действие: действию придается смысл. По аналогии с речевыми актами — в терминах значения говорят и о неречевых действиях; ср.

вопросы типа: *Что значит ваш поступок? Что это означает? Как следует понимать ваши действия? Какой смысл так поступать?* Действие осмысливается через его цель, эксплицируемую в пропозициональной форме.

Теперь поставим вопрос так: всякая ли пропозиция имплицитно содержит иллокутивную силу, которая, объединяясь с ней, создает речевое действие? По-видимому, нет. Истинные общие суждения об устройстве Вселенной, такие, например, как *В сутках двадцать четыре часа* или *Земля имеет форму шара*, наименее приспособлены к соединению с иллокутивными силами, а следовательно, к непосредственному вхождению в контекст жизни. Они, однако, легко включаются в контекст ментальной деятельности. В нем они получают функциональные характеристики. Суждения становятся *аксиомами, посылками, тезисами, гипотезами, подтверждениями, опровержениями, доказательствами, теоремами, доводами и выводами, мотивировками, аргументами и контраргументами* и т.п. Ментальный акт, пока его содержание не стало общей истиной, не освобожден от мыслящего субъекта: установка на истину не может избежать диалогичности. Функции ментальных актов оказали глубокое влияние на формирование иллокутивных сил, отвечающих таким видам речевой деятельности, которые направлены на вывод — принятие решения, вердикт, компромисс и пр. (ср.: спор, полемика, дискуссия, судебное разбирательство).

Итак, речевые действия имеют черты общности с неречевыми действиями, с одной стороны, и с ментальными актами — с другой. С первыми их сближает прежде всего целеориентированность, со вторыми — наличие пропозиционального содержания. Речевые действия выполняют роль посредника между ментальной и реальной деятельностью человека, образуя вместе с ними единый комплекс. Поэтому дискуссия, предметом которой стали речевые действия, вошла в одну серию с двумя другими конференциями, первая из которых была посвящена моделям действий, вторая — ментальным актам*.

Разговор о речевых действиях и о речевой деятельности человека невозможен без обращения к культурным контекстам, с одной стороны, и к социальной коммуникации — с другой. Соответствующие проблемы обсуждались на конференции, но не получили на ней достаточного освещения. Они ждут более развернутой дискуссии.

Н.Д. Арутюнова

Редколлегия выражает глубокую благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за финансовую поддержку проекта "Логический анализ языка: Речевые действия. Истина и истинность" и сообщает, что предыдущий выпуск издания — "Логический анализ языка: Ментальные действия" (М.: Наука, 1993) — был опубликован благодаря финансовой поддержке РФФИ указанного проекта.

* См.: Действие: лингвистические и логические модели: Тез. докл. конф. М., 1991; Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992; Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

ГРАММАТИКА РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В.Г. Гак

РЕЧЕВЫЕ РЕФЛЕКСЫ С РЕЧЕВЫМИ СЛОВАМИ

Мы называем речевыми словами лексические единицы (глаголы, существительные), обозначающие речевые действия: *говорить, спросить, слушать; речь, слово, вопрос* и т.п. В данной статье рассматривается несобственное переносное употребление подобных лексических единиц. Последние приобретают переносное значение в двух случаях. В первом случае формируется переносное употребление самого слова, характеризующее его определенной дистрибуцией. Так, глагол *говорить*, относясь к неодушевленному субъекту, может значить 'свидетельствовать о чем-л.': *Этот факт говорит о многом*, — либо 'проявляться': *В нем говорила гордость*. Лексема *слово* может значить твердое обещание: *дать слово*. Во втором случае речевые слова могут сохранять свое собственное значение, но употребляются они в определенных структурах, которые мы называем здесь речевыми рефлексами (РР) и которые используются в речи не с номинативными целями, а для организации модально-коммуникативной рамки высказывания. Представляя собой косвенные высказывания, они выражают не собственно речевые действия, но различные обстоятельства речевого акта, выполняя речеорганизующие (дискурсивные), модальные, аргументативные функции. Обычно они выступают как реакции на высказывание собеседника, на ситуацию, о которой идет речь, либо на собственную речевую интенцию. К таким речевым рефлексам относятся, например: *Что ты такое говоришь?; Кому ты это говоришь?; И не говори!; Кому говорят!; Что за вопрос!; И не спрашивай!; Скажешь тоже!; Вот сказал так сказал!; Не то слово* и т.п. Подобные языковые образования выступают как рекуррентные речевые единицы, имеющие тенденцию к фразеологизации. Синтаксический статус их может быть весьма различен. Это могут быть вводные слова (*вообще говоря, скажем, говоря откровенно* и т.п.), слова, занимающие позицию модуса в сложном предложении (*где это слышно, чтобы...*), но очень часто они представляют собой обособленные реплики междометного характера, находящиеся в начале, середине или конце предложения либо образующие отдельную реплику.

Речевые рефлексy с речевыми словами являются, по-видимому, языковыми универсалиями, но они вместе с тем и национально специфичны. что является дополнительным аргументом в пользу необходимости их изучения. Так, известные латинские РР *Dixi; Dixi et salvavi animam meam;*

Horribile dictu не имеют точных эквивалентов в других языках и обычно приводятся в латинской форме. Фразеологизированные РР часто имеют в других языках эквиваленты, не содержащие речевых слов. Вот некоторые французские соответствия русских РР с речевыми словами: *короче говоря* — *breif*; *строго говоря* — *pour être exact*; *это как сказать* — *ça dépend*; *ничего сказать!* — *c'est du propre!*; *не скажи!* — *pas si sûr!* Порой в эквивалентах в других языках обнаруживаются конверсивы: *Уходи, тебе говорят* — *Dehors, tu entends* (дословно: *ты слышишь?*); *Скажите на милость* — *Demandez un peu* (дословно: *спросите-ка*).

Иногда точное значение РР может вызвать сомнение и у носителей языка. Так, реплика Иисуса в ответ на вопрос Пилата: — *Ты царь иудейский?* — *Ты говоришь* (Лук., 23, 3) — многими интерпретируется как "это твои слова, не мои", т.е. не как вполне утвердительная, хотя она представляет собой традиционную для той эпохи формулу подтверждения, что, в частности, недвусмысленно вытекает из современного перевода Нового Завета (Слово жизни. М., 1992): — *Ты царь иудеев?* — *Да, как ты и говоришь*, — *ответил Иисус* (Лук., 23, 3).

Далее мы остановимся на вопросах формирования РР, их структурных особенностях и функциях в коммуникации.

Косвенные высказывания образуются в силу различных факторов: нарушения правил языкового общения (в частности, постулатов количества и релевантности), семантических транспозиций (в частности, избыточности и невозможности дословной интерпретации высказывания), функциональной транспозиции грамматических категорий и модальных слов. Речевые рефлексы создаются главным образом вследствие избыточного употребления речевых слов, а также ввиду невозможности интерпретирования их в прямом значении. Возьмем простейший пример: — *Скажите, пожалуйста, как пройти к музею имени Пушкина?* Здесь глагол *скажите* полностью сохраняет свое значение, но он избыточен, так как тот же вопрос мог бы быть задан и без него: *Как пройти к музею?..* Согласно общему семиотическому закону всякий избыточно употребленный в данной ситуации элемент выполняет строевую или стилистическую функцию. В данном случае *скажите* служит средством организации дискурсивной рамки (оформляя зачин высказывания) и подчеркивания вежливости. В обычном диалоге, когда собеседники слышат и слушают друг друга, нет необходимости во фразах типа: *Я говорю тебе; Что ты мне говоришь* и т.п. Акт речи представляет собой передачу информации, и как всякий глагол "давания" глагол речи имеет обычно три актанта: говорящий, адресат и объект (разговора). Уточнение любого из этих актантов в нормальном диалоге является избыточным, и высказывание в целом получает переносное значение, поскольку оно не может интерпретироваться в прямом значении. Например, *Кому ты это говоришь?*, сказанное собеседнику, не может быть интерпретировано в прямом значении, так как говорящий знает, что речь обращена к нему и он слышит, что ему говорят. Высказывание становится избыточным семантически, приобретает переносное значение и служит для того, чтобы подчеркнуть, что говорящий знает и так суть того, о чем ему говорят.

Аналогично реплика *Вы с кем разговариваете?* не может восприниматься в буквальном смысле, поскольку говорящий отлично знает, кто с ним разговаривает, и данное речение, семантически избыточное, представляет уже не вопрос, но "одергивание" собеседника.

Речевые рефлексы могут содержать глаголы в любых грамматических формах: обобщенно-личной — *Ничего не скажешь!*, в инфинитиве — *Что тут говорить!*, в пассивной — *Этим все сказано*, в прошедшем времени — *Вот сказал так сказал*, в настояще-будущем — *Скажете тоже!*, в императиве — *Скажите пожалуйста*.

Вместе с тем РР, нередко представляя собой своеобразные фразеологизмы, могут обладать формальными признаками, отличающими их от свободных словосочетаний и словоупотреблений в прямом значении. Прежде всего им свойственно интонационное обособление. РР произносится всегда с иной интонацией, нежели речение в свободном употреблении. Ср.: *Что ты говоришь?* (при переспросе, когда говорящему действительно неясно, что ему было сказано) и *Что ты говоришь!* (выражение неожиданности, недоумения, несогласия). Признаком РР может быть отсутствие дополнения при глаголе: *Спрашиваешь!*; *Скажешь тоже!* (ср.: *Ты ему скажешь тоже, чтобы он пришел*); наличие эмоциональных частиц: *Ну это еще вопрос!*; *Что за вопрос!*; *Что и говорить!*; специфические видовые формы: *Не скажи!* может быть понято только в переносном смысле (выражение удивления), тогда как *Не говори!* может пониматься и в прямом значении (запрещение говорить); изменение порядка слов (ср.: *С кем вы разговариваете?* может быть истолковано как обычный вопрос и *Вы с кем разговариваете?* скорее воспринимается как осуждение за непочтительность).

Обычно модус предшествует диктуму: *Я хочу спросить тебя, придешь ли ты завтра*. Постпозиция модусного элемента, когда содержание речи уже изложено, приобретает переносное значение и служит для подчеркивания иллокутивной силы высказывания: приказа, настойчивости, ср.: *Кто разбил окно, я тебя спрашиваю*; *Идите сюда, я вам говорю*.

Семантические функции РР весьма разнообразны. В целом их можно разделить на следующие группы (за недостатком места мы вынуждены отказаться от подробного семантического анализа каждого РР, что представляет, однако, самостоятельный интерес, особенно для выявления параметров акта речи и речевой деятельности):

1. РР, выполняющие фатическую функцию: установление контакта, контроль связи. Говорящий сообщает сам: *Я тебе скажу, что...*; *Послушай-ка*; *Слышь...* Говорящий вызывает собеседника на разговор: *Можно у вас спросить...*; *Скажите, пожалуйста...*; *Скажи-ка*. Контроль связи: *Вы меня слышите?*; *Ты слушаешь?*; *Говори, говори, я слушаю*. Как слово-паразит, использующееся с этой же целью, в разговорной речи употребляется *слышь*.

2. РР, вносящие уточнения в форму и содержание речи. Обычно в этой функции выступают вводные слова: *вообще (короче, иначе, честно, строго) говоря*; *говоря откровенно*; *кстати сказать, так сказать*;

скажем; скажу я вам; словом сказать; с позволения сказать (выражает извинение или отрицательное отношение); можно сказать, по правде говоря (сказать); сказать (говоря) по правде; правду сказать (подчеркивает истинность излагаемого и признание чужой правоты); иными словами. Иногда вводный элемент полностью лексикализуется, о чем свидетельствует отклонение от обычных норм сочетаемости: словом сказать, признаться сказать.

Уточнение может выражаться путем ссылки на чужое или общепринятое мнение: как говорят, как говорится. Вводные элементы часто сочетают уточнение с субъективным отношением: мало сказать выражает недостаточность оценки, боюсь сказать — неуверенность.

3. Наиболее многочисленная группа РР, выполняющая иллокутивную функцию (подчеркивает отношение — положительное или отрицательное — к излагаемому факту или собеседнику).

Целая гамма РР передает значение согласия, уверенности: И не говори(те)!: Что и говорить!: И то сказать; Не спрашивай!; Спрашиваешь!; Право слово!; Что за вопрос!; Кто говорит!; Ничего не скажешь!; Нечего сказать; Нечего говорить; Золотые слова!; Не то слово!; Вот те слово свято (подтверждение); Слов нет. Согласие может сочетаться с отрицательным отношением. Таково Нечего сказать! (выражает недовольство). РР типа Ничего не скажешь; Нечего сказать и т.п. приобретает значение уверенности в силу того, что факт или его оценка настолько ясны и разумеются сами по себе, что их незачем и обсуждать (Тут уж нечего сказать). Поэтому любые вопросы и суждения избыточны, и на почве этой избыточности возникает значение уверенности. Уверенность может быть высказана и вопреки другим возможным мнениям: Как (там) ни говори...; Что ни говори.

Разумеется, каждый из этих РР имеет свои оттенки значения и условия употребления. Например, Ничего не скажешь употребляется обычно после описания качеств объекта в значении "к этому нечего добавить".

Сомнение выражают РР: (Ну это еще) как сказать; (Ну) это еще вопрос!

Недоумение передается выражениями: (Да) что ты говоришь!; Где (это) слыхано...; Слыханное ли дело...; Вот вопрос так вопрос!; Спрашивается! РР Шутка ли сказать выражает удивление по поводу значительности чего-либо.

Большую группу составляют РР, выражающие несогласие, возражение, отказ: Что ты такое говоришь?; Да что ты говоришь!; Легко сказать (о чем-либо сложном); Кому ты это говоришь?; Не сказать чтобы... (смягченное возражение); Кто сказал? (= конечно нет); Не скажи(те)!; Я молчу, но...; Скажешь тоже!; Спроси чего-либо полегче (отказ отвечать); Говори сколько хочешь; Болтай, болтай!; Бреешь! Речевой рефлекс Врешь имеет два значения: несогласие, протест и уверенность в себе (Врешь, от меня не уйдешь; Сказал!; Вот сказал так

сказал! (с оттенком удивления)). Выражения типа *Говори сколько хочешь* приобретают значение возражения по той причине, что говорящий настолько несогласен с тем, что ему говорят, что он не хочет и слушать доводы собеседника.

Некоторые РР выражают угрозу, обычно они связаны с запрещением собеседнику говорить: *Поговори у меня!*; *Поговорить захотелось!*; *Разговорчики!*; *С кем вы разговариваете!*; *Попробуй, скажи еще хоть что-нибудь!*; *Молчать!*

РР могут выражать категоричность. Обычно в этой функции избыточно употребляется глагол *говорить*: *Я тебе говорю...*; *Говорю тебе!*; *Я тебе русским языком говорю!*; *Кому говорят!*; *Я тебя спрашиваю!*; *Слушай, что тебе говорят!* Эти РР усиливают иллокутивную функцию директивного речевого акта.

Некоторые РР подчеркивают определенность выражаемого содержания, непреложность самого факта. Обычно их внутренняя форма основывается на том, что о данном деле больше и говорить незачем. Таковы: *Вот и весь разговор!*; *Больше не о чем говорить!*; (*Вот и*) *весь сказ!*; *Что долго разговаривать!*; *Этим все сказано.*

4. Оценка и критика собеседника. Говорящий может давать оценку в процессе коммуникации своему собеседнику и самому себе. Обычно дается отрицательная оценка собеседнику: критикуется неясность его выражений, неуместность его высказываний, невозможность договориться с ним. Нередко говорящий подчеркивает, что вообще с таким человеком и разговаривать не стоит. Отметим некоторые из таких оценочных РР: *Ты у меня спрашивал это (ты мне говорил это) уже десять раз!*; *Что ты хочешь этим сказать?*; *И ты мне это говоришь?* *Тебя не переговоришь!*; *Ты заговариваешься!*; *Договорились (ничего сказать)!!*; *Скажешь тоже!*; *Вот изрек!*; *Сказал так сказал!*; *Что ты болтаешь?*; *Что ты такое городишь (мелешь, плетешь)?*; *И слышать не хочу* (т.е. отказываюсь обсуждать); *С тобой невозможно разговаривать!* *О чем с тобой говорить?*; *Ну что еще скажешь?*; *Странные вещи ты говоришь!*; *Мы говорим на разных языках!*; *Помолчал бы ты лучше.*

Напротив, себе самому говорящий склонен давать положительную оценку, подчеркивая правильность своих суждений: *Я же говорил!*; *А что я говорил?*; *Слушай меня!*; *Слушай старших* (шутливо); *Слушай, что тебе говорят!*; *Ты мне еще скажешь спасибо!*; *Спасибо скажете.*

Многие из этих РР не основываются на ситуативной избыточности, но тем не менее представляют собой устойчивые коммуникативные речения. Детальный анализ РР может позволить охватить и систематизировать все стороны модально-дискурсивной рамки речевого действия. В заключение отметим, что в аналогичной функции нередко выступают не только речевые слова, но и слова, относящиеся к сфере знания и восприятия (например, зачин: *Знаешь, что...* или аргументатив *Видите ли*). Восприятие, мышление (знание) и речь суть этапы единого мыслительно-речевого процесса, этапы взаимосвязанные и постоянно переходящие друг в друга.

ЧУЖАЯ РЕЧЬ (ПЕРЕСКАЗЫВАНИЕ) В БАЛКАНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В большинстве естественных языков существуют специальные структуры для сообщений о событиях не прямо, а с точки зрения другого человека. Адресат такого речевого акта вступает в прямые контакты с говорящим и в косвенные с другим лицом, знакомым ему или незнакомым. Существование этого третьего лица определяет и отношение говорящего к сказанному.

С другой стороны, всякий речевой акт сам по себе уже необъективен. "Слово языка — полужужое слово", — писал М.М. Бахтин о слове в романе. И далее: "Язык это не нейтральная среда, которая легко и свободно переходит в интенциональную собственность говорящего, — он населен и перенаселен чужими интенциями" [3, 106—107]. В пародии на мудрецов острова Ланута (в книге "Путешествия Гулливера") Дж. Свифт так иронизировал над стремлением ученых своего времени создать объективный универсальный язык: "Мне часто случилось видеть двух таких мудрецов, подобно нашим разносчикам согнувшихся под тяжестью огромных мешков. Когда они встречались на улице, они опускали наземь груз, открывали мешки, вынимали то одну, то другую вещь и так разговаривали целый час. Потом складывали все предметы в мешок, помогали друг другу поднять груз на плечо и прощались". Слова-вещи, сами по себе объективные (и тяжелые!), не суть слова. Всякое представление о мире, выраженное речью, имеет диалогическую основу. Диалогичен и язык науки: развиваясь вместе с наукой, он отражает смену концепций. То же самое происходит с культурой. Развивающаяся культура диалогична, застоявшаяся — монологична. Она сводится к воспроизведению мира вещей, постепенно переставая быть культурой. Это — противопоставление мира идеологии, образуемого кристаллизованными, мертвыми понятиями, миру живых идей.

Речь, будучи средством общения, предполагает существование "другого". "Другой" может быть как адресатом, так и источником информации. Эти два вида присутствия "другого" взаимосвязаны. Например, говорящий может цитировать информанта, чтобы этим подчеркнуть достоверность передаваемой информации или, наоборот, чтобы снять с себя ответственность за то, что он говорит. Кроме того, "другой" своим присутствием влияет на речевое поведение говорящего. Это "соучастие" выражается в "театрализации" речи, которая проявляется разными способами: включением "другого" в "микродраму" средствами прямой и косвенной речи, модификацией значения слова, интонацией и "эмоциональным накалом" [2, 45].

В устной речи, при прямой коммуникации, заметную роль играет мимика. В письменном языке, требующем большей точности в распределении ролей прямых и непрямых участников речи, мимика и интонация не играют непосредственной роли, но каждый язык имеет свои средства, чтобы включить "другого" в речь. Ими могут быть специальные

знаки, указывающие на присутствие "другого". Например, в русском языке эту функцию выполняют слова *дежкать, мол*, особенно, хотя и не только, в художественном тексте: они создают своеобразный "коктейль" речи говорящего и речи "другого".

Существование разных планов говорения может отражаться в форме глагола, модифицируя, например, наклонение. Это происходит в итальянском языке при условном наклонении в наст. времени (со значением настоящего и будущего) и в прош. времени. Например:

(1) *Alcuni dicono che Gianni arriverà stasera* → *Gianni arriverebbe stasera, secondo alcuni* 'Говорят, что Джанни придет сегодня вечером → Джанни, по мнению некоторых, вероятно, придет сегодня вечером'.

(2) *Fonti ben informate sostengono che Andreotti si trova già in Svizzera* 'Согласно хорошо информированным источникам, Андреотти уже находится в Швейцарии'.

(3) *Secondo alcuni, Andreotti si troverebbe (vs. si trova) già in Svizzera* 'По мнению некоторых, Андреотти, видимо, уже находится в Швейцарии'.

(4) *Andreotti, sarebbe stato (vs. è stato) visto passeggiare a Berna* 'Андреотти как будто уже видели в Берне'.

(5a) Secondo indicazioni convergenti, più della metà dei russi *avrebbero risposto "sì"* alle due domande cruciali della scheda referendaria, la prima sulla fiducia e la quarta sulle elezioni legislative anticipate 'Судя по некоторым признакам, более половины русских, по-видимому, ответят "да" на два главных вопроса референдума: на первый — о доверии президенту и на четвертый — о досрочных перевыборах законодательной власти'.

(5б) Secondo gli ultimi dati diffusi dall'amministrazione presidenziale (47 regioni su 88), più del 60 per cento degli elettori registrati ha preso parte alla consultazione. Alla prima domanda, quella sulla fiducia a Eltsin, *ha risposto positivamente il 61,8 per cento dei votanti*. La politica economica del presidente e del governo *ha ottenuto l'approvazione del 56,25 per cento dei votanti* 'Согласно последним данным, сообщенным администрацией президента, в 47 округах из 88 более 60% зарегистрированных избирателей приняли участие в референдуме. На вопрос о доверии Ельцину 61,8% избирателей дали положительный ответ. Экономическая политика президента и правительства получила одобрение 56,25% голосующих'.

Примеры (5a) и (5б) взяты из одной и той же итальянской газеты (*Corriere della Sera*), сообщавшей о российском референдуме 25 апреля: в газете от 26 апреля (5a) рядом с модальными словами (*secondo indicazioni*) употребляется условное наклонение (*più della metà dei russi avrebbero risposto "sì"*), так как результат российского референдума был еще неизвестен и можно было сделать о нем только предположения; в газете же от 27-го (5б), когда результат был уже известен, данные передаются в индикативе (*più del 60% degli elettore... ha risposto positivamente. La politica... del presidente... ha ottenuto l'approvazione...*).

Употребление условного наклонения очень распространено среди журналистов. Оно позволяет иногда сказать то, что в индикативе было бы недопустимо законом и правилами общественного поведения, и играет особую роль в языке судебных актов. Существует богатая судебная литература об отношении между условным наклонением (не предполагаю-

цим вины подсудимого) и индикативом (основывающимся на презумпции, что подсудимый виноват). Частично сходное явление обнаруживается и в русском языке. В судебных документах XVII в. частица *де* употреблялась, как отметила Л.Е. Лопатина, и для отграничения речи говорящего от авторской, и для того, чтобы сигнализировать о "близости к оригиналу, точности в передаче чужой речи" [5, 61]. И в том и в другом языке имеются средства, чтобы отличить то, что говорит подсудимый, от заключений судей.

Здесь речь пойдет об особенностях передачи чужой речи в балканославянских языках. В болгарском и македонском так называемое пересказательное наклонение (медиативное, четвертое, не-свидетельское наклонение, или *evidential modality*), распространившееся относительно недавно, является живым и продуктивным способом выразить не-свидетельское отношение говорящего к содержанию речи. Фактически пересказательное наклонение ("преизказно наклонение") указывает, что говорящий рассказывает не то, что было с ним или что он видел собственными глазами, а передает то, что он узнал или услышал от других лиц. Следовательно, он указывает на "отсутствие уверенности в достоверности сообщаемого" [4, 338] или, так как говорящий не является прямым свидетелем описанных событий, на то, что он не несет ответственности за передаваемое сообщение [10, 90].

Пересказательное наклонение распространено во всех стилях речи (кроме, естественно, научного) и, несмотря на то что фактически оно употребляется в ограниченном количестве глагольных времен, может относиться ко всем временам с основной аориста и имперфекта.

Как свидетельствует приводимая ниже парадигма [11, 286], пересказательное наклонение выражается формой, очень близкой к перфекту, т.е. формой активного причастия на *-л*, но в отличие от перфекта в 3-м лице вспомогательный глагол обычно отсутствует.

3 л. ед. ч.	Повест.	Перфект	Пересказ.
Аорист	ходи	ходил е	ходил
Имперф.	ходеше	ходил е	ходил
Плюскв.	беше ходил	бил е ходил	бях ходил
Буд. в прош.	щеше да ходи	щял е да ходи	щял да ходи.

Пересказательное наклонение связано с повествовательными временами тем, что оно употребляется в повествовании; к перфекту оно близко, как мы уже отметили, своей формой. С другой стороны, перфект употребляется при соотнесении прошлого с настоящим и исключается в повествовании. Ниже приводятся примеры (6—9), где форма глагола указывает на пересказательное значение. Как можно видеть, сравнивая эти примеры с русскими переводами, пересказательное наклонение употребляется, чтобы сообщить об отдельных событиях или о чередовании событий; в повествовании, кроме того, оно может относиться и к прошлому, и к настоящему:

(6) *Бил едно татко, си имал три сина. Слушал на некое место имало вода да се измие, да стане млад. Тој бил доста стар. И рекол на синоие:*

"Абре синко, така и така, слушам *имало* вода на некое место, ама многу далеку *било*. Кој *ке* може од вас да иди ми донеси да се измијам, да станам млад?" Најголемиот син *рекол*: "Татко, *јас ке* одам" (Македонски народни волшебни приказни / Отв. ред. Танас Вражиновски. Скопје, 1986. С. 139) '*Жил-был* человек (отец), у которого *было* три сына. Он *слышал*, что в каком-то месте *есть* такая вода, что когда человек в ней моется, то он молодеет. Он *был* очень стар. И *сказал* сыновьям: "Дети мои, так и так, я слышал, что в каком-то месте *есть* вода, но она *находится* очень далеко. Кто из вас сможет пойти и принести этой воды, чтобы я помылся и стал молодым?" Старший сын *сказал*: "Отец, я пойду" '.

(7) Там, казват, *търсели* постоянно работници и добре *плашали* (Велков, пример из [4, 338]) '*Там, говорят, ищут* всегда рабочих и хорошо платят'.

(8) — Имам още двама брата. Единият е шестнайсетгодишен, другият — тринайсет. Малкият засега разнася само позиви, а по-големият е член на младежкото ни дружество и работи добре. На изборния ден се *дигнал* сам, още в три часа сутринта, да разлепя афиши и карикатури. Но го *хванали* някакви шайкаджии и така го *напердашили*, че два дни не можа да си мпгдне врата (Караславов, пример из [4, 336]) '*У меня есть* еще два брата. Одному шестнадцать лет, другому — тринадцать. Младший разносит делеши, старший — член общества молодежи и работает хорошо. В день выборов он *встал* в три часа, чтобы расклеить афиши и карикатуры. Но какие-то разбойники *поймали* его и *избили* так, что он два дня не мог двигаться'.

(9а) В онова време аз бях извадил една песен за гръцките владици в Търново. Като новост, тя се *преписваше* и *ходеше* от ръка на ръка. Ядосан владиката, виква ме една вечер късно и накарва митрополитския ясякчия да ме запре в една одая, там, дето си запирали кокошките. Нецо подир час и половина от запирането ми клисарят на черквата и слуга на митрополията дядо Кольо *дойде* и *попита*, вечерял ли съм, и на отговора ми "не съм" *донесе* ми малко хлебец и маслинки, вода и една угарка от воценица и ми *каза*: "Вечеряй скоро, дорде не е догоряла свещта" (П.Р. Славейков [1, 217]).

(9б) До ушитс на гръцкия владика почналия да долитат думи на обидна песен. Тази песен се *преписвала* и *ходела* от ръка на ръка. С помощта на заптието всесилният фанариот хванал автора на песента — и го затворил при кокошките си.

Нещо подир час и половина от "арестуването" при бунтовника тайно *дошел* старият черковен клисар дядо Кольо и го *попитал*, дали е вечерял. След малко клисарят му *донесъл* хлебец, няколко маслинки, вода и запалена воцена угарка. "Вечеряй бързо", *казал* му той, "дорде не е догоряла свещта" (Л. Владикин [1, 217]).

Пример (6) взят из македонской сказки. В фольклоре пересказательное склонение проявляет все свои семантические признаки: оно указывает на отдаленность событий, описываемых "по преданию". Как видим, здесь глаголы соотносимы только с повествовательными формами, так как ими

выражается последовательность событий и они не имеют ничего общего с моментом речи (как в перфекте). В примере (7) пересказательное наклонение связано с тем, что говорящий передает чужую речь и хочет подчеркнуть, что не отвечает за чужие слова. В примере (8) формы на -л позволяют говорящему "определить свою роль по отношению к сообщаемому и служат своего рода средством конкретизации сообщения о событии и о том месте, которое занимает говорящий как лицо, узнавшее о событии лишь опосредованно" [4, 336]. В примерах (9) сравнивается употребление изъявительного и пересказательного наклонений. В (9а) события описываются человеком, принимавшим в них участие; в (9б) — те же самые события передаются другим лицом. Как можно видеть сравнивая выделенные слова в (9а) и (9б), пересказательное наклонение оправдывается только положением говорящего.

Здесь подразумевается некая "эпистемическая оговорка" [10, 236], основывающаяся на том, что говорящий ограничивается пересказыванием того, что он слышал от другого человека; таким образом, пересказательное наклонение противопоставляется повествовательному (индикативу).

Спрашивается, каким образом пересказательное наклонение связано с перфектом. Что у них общего? В лингвистической традиции, вслед за Ю.С. Масловым, считалось, что это — разные, грамматически омонимичные явления (см. [4, 325]) и поэтому их нужно рассматривать отдельно, как формы самостоятельные в грамматическом отношении. Только недавно лингвисты стали смотреть на глагольные формы на -л болгарского и македонского языков как на проявление одного феномена. Было высказано мнение, что между пересказательным наклонением и перфектом не может быть принципиального различия, так как их выражает одна форма, тем более что не всегда вспомогательный глагол в 3-м лице опускается [8; 9].

Дело в том, что перфект и пересказательное наклонение близки также семантически. Как известно, семантический признак перфекта состоит в том, что он указывает на сохранение результата описанного события к моменту речи (см., в частности, [7; 6]). Иными словами, перфект — не время, а вид (aspect) глагола; пересказательное наклонение тоже не время, а, скорее, модус [11], так как оно выражает отношение говорящего к речи. И то и другое подразумевает некоторое умозаключение со стороны говорящего; в перфекте оно состоит в том, что событие рассмотрено с точки зрения момента речи, в пересказательном же наклонении эпистемическая оговорка касается момента речи, в который говорящий определяет свое отношение к событию. В.А. Фрийдман, вслед за Р. Якобсоном, называет эти формы глагола на -л "неопределенными", противопоставляя их определенным, т.е. наст. времени, аористу и имперфекту: "Прошедшее определенное обозначает события, засвидетельствованные говорящим в определенное время, прошедшее неопределенное обозначает события, не локализованные в определенной точке времени — в этом заметны следы его старой перфектной функции, и события, о которых говорящему было сообщено, безотносительно к их временной ориентации" [9, 17]. Предложение *Toj беше в Скопје* значит: я уверен,

что в какой-то момент в прошлом он был в Скопле. Предложение *Toj бил во Скопје* значит, что, может быть, он был в Скопле, но без уверенности со стороны говорящего. Во всяком случае, здесь глагол не дает никакой информации относительно времени описанного события.

Таким образом, в болгарском и македонском языках различаются разные формы глагола: формы, относящие события к определенному времени, и формы, выражающие отношение (модальное, эпистемическое, эмоциональное) говорящего к событию. Первые не маркированы, вторые — маркированы и возникают на основе глагольных форм (временных и видовых) первых. Перфект и пересказательное наклонение, основанные на имперфекте и аористе, обозначают не события, а умозаключения говорящего относительно событий.

В этом переходе от актуальности к модальности нельзя исключить если не какое-то влияние, то сближение балканославянских языков (особенно македонского, по мнению Фридмана [8]) с турецким, где частица *-miş* маркирует окончание прош. времени глагола (так называемый *miş-past*). Среди маркированных значений, которые могут быть выражены этой формой (пересказание, неопределенность, указание на то, что событие произошло в незнакомом месте), не исключается и перфект, т.е. указание на то, что событие прошлого рассмотрено с точки зрения момента речи.

В балканославянских языках тоже, как мы отметили, развились наклонения двух типов. Активное причастие (из старославянского активного причастия на *-л*) является только признаком маркированности. Частица 3-го лица вспомогательного глагола может указывать на актуальность результата и таким образом выражать значение перфекта. Если причастие на *-л* не дополняется вспомогательным глаголом, обычно выражается не актуальность результата, а отчуждение говорящего.

Из этого нельзя заключить, что формы перфекта и пересказательного наклонения производятся одна от другой и что пересказательное наклонение восходит к перфекту, утратившему вспомогательный глагол в 3-м лице. Как мы уже сказали, это разные реализации одного и того же явления, т.е. маркированности глагола вследствие некоторого умозаключения со стороны говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1978.
2. *Арутюнова Н.Д.* Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. *Демина Е.И.* Пересказательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
5. *Лопатина Л.Е.* Средства организации текста при передаче чужой речи (на материале судебных документов XVII в.) // Восточные славяне: Языки. История. Культура: К 85-летию академика В.И. Борковского. М., 1985.
6. *Маслов Ю.С.* Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
7. *Comrie B.* Aspect. Cambridge; London; New York, 1976.
8. *Friedman V.A.* On the semantic and morphological influence of Turkish on Balkan Slavic // Papers from the fourteenth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society. Chicago, 1978.

9. Friedman V.A. An outline of Macedonian language. L., 1993.
10. Gribble C.E. Reading Bulgarian through Russian. Ohio, 1985.
11. Lindstedt Jouko. On the semantics of tense and aspect in Bulgarian // Slavica Helsingiensia. Helsinki, 1985.

Ю.П. Князев

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ИХ СЛЕДСТВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ

В работе рассматриваются глаголы речи, входящие в выделенную Ю.С. Масловым группу глаголов "непосредственного эффекта": *говорить/сказать, просить/попросить, приглашать/пригласить*. Работа состоит из двух частей. В первой уточняются понятия, характеризующие соотношение между действием и его последствиями. Во второй описываются особенности функционирования этого класса глаголов.

Непосредственный результат, косвенные эффекты и цель действия

Термин "результат действия"* употребляется в двух основных значениях — более широком и более узком. В качестве результата действия, с одной стороны, можно рассматривать всякие его последствия, как-либо сказывающиеся на субъекте действия, его объекте или ситуации в целом [13, 195]. С другой стороны, наличие у действия результата (его "результативность") связывается обычно лишь с одной разновидностью последствий действия — фиксированным "внутренним пределом", достижение которого влечет за собой естественное завершение действия и наступление некоторого итогового (конечного) состояния, ср.: "Результат — это такой предел, которого достигает направленный на него процесс" [3, 36]. Именно такой результат, заложенный в значении предельных глаголов (называемый "непосредственным" [11, 277] или "естественным" [18, 66—67]), имеется в виду при выделении семантического компонента "действие имело результат" в конкретно-фактическом (точечном) значении глаголов сов. вида (*переписывал — переписал*) и в результативных подтипах общефактического значения глаголов несов. вида (*Я решал и не такие задачи; К тебе кто-то приходил*) [6, 15].

У глаголов сов. вида, образованных от неопредельных глаголов несов. вида, такого рода взаимосвязь между пределом, результатом и итоговым состоянием различным образом нарушается. Примером могут служить делимитативные и пердуративные глаголы, у которых внутренний предел либо вообще отсутствует (*поспать, пролежать*), либо заведомо не достигается (*попахать* в отличие от *вспахать*) [12, 14]. Они обозначают "двойной переход: вначале от отсутствия действия к действию, названному

* "Действие" здесь — общее название глагольных значений.

глаголом, а затем от этого действия, занявшего определенное время, вновь к его отсутствию в более позднее время" [1, 79]. Отсутствие же действия если и можно рассматривать в качестве особого подтипа итоговых состояний, то лишь с известной долей условности. Фактически в это время что-то происходит, но это "что-то" не предопределяется значением глагола. В этом отношении *Он поспал два часа* не отличается от *Он спал два часа*, где употреблен типичный неопределенный глагол. Иначе говоря, однозначный непосредственный результат у таких глаголов отсутствует.

Помимо непосредственного результата действие может иметь последствия, которые, хотя и вызваны этим действием, не полностью им детерминированы. Ср.: *По ж и в в Москве, особенно в близости с семьей, он чувствовал, что падает духом* (Л. Толстой). Такие последствия можно назвать косвенными эффектами действия. Они могут сочетаться с непосредственным результатом. Так, уборка квартиры помимо непосредственного результата (наведение порядка) может иметь своим следствием, скажем, обнаружение потерянных ранее вещей. Акцент на косвенных эффектах действия особенно характерен для употреблений глаголов несов. вида — как предельных, так и неопределенных — в общефактическом значении: *В трезвом состоянии мозги его работали великолепно, не зря же он к о н ч а л физмат* (пример из [7]); *Кто с и д е л на моем стуле и сдвинул его с места! Кто л о ж и л с я в мою постель и смял ее!* (Л. Толстой). Связь между действием и его косвенными эффектами может быть и не столь очевидной: — *Выпейте воды, — п р о - ш е п т а л он Гане. — И не глядите так. [...] Видно было, что он п р о г о в о р и л это без всякого расчета, без всякого особенного замысла, так, по первому движению, но слова его произвели чрезвычайное действие* (Ф. Достоевский).

С последствиями действия связано и понятие цели: "в прототипическом случае целью является изменение свойства или состояния объекта" [16, 72], т.е. достижение действием его внутреннего предела. Ср. в знаменитом определении значений видов у Л.П. Размусена: "Глагол совершенного вида, как кажется, означает первоначально действие, как достигающее своей цели (своего предела)" [19]. Характерно и то, что Г. Гэрей использовал для обозначения действий, имеющих внутренний предел, термин *telic* 'целевой', получивший затем широкое распространение [9]. Вместе с тем цель и предел (непосредственный результат) явно относятся к разным компонентам в толковании глаголов целенаправленной деятельности: цель ассоциируется с намерением выполнить действие, а результат — с самим действием. Поэтому можно осуществить действие и не достигнуть желаемой цели; обозначение таких ситуаций является одной из функций конструкций с частицей *было*: *Захар, с подносом в руках, н а к л о н и л с я б ы л о поднять булку, но, присев, вдруг увидел, что обе руки заняты и поднять нечем* (И. Гончаров); *Мама с ь е з д и л а б ы л о с Анисьей в собес в Приозерск, но собес был уже навеки и безнадежно закрыт* (Л. Петрушевская).

Расхождение между целью и непосредственным результатом осу-

ществленного действия возможно в тех случаях, когда оно выполняет промежуточные, вспомогательные функции. К таким действиям относится и произнесение слов (выражение мыслей и чувств словами), которое не всегда является самоцелью.

Речевые действия "непосредственного эффекта"

Ю.С. Маслов, выделивший этот класс глаголов, относил к нему такие пары, как *говорить/сказать, просить/попросить, требовать/потребовать, обещать/пообещать, хвалить/похвалить*. Их особенностью является то, что они — независимо от вида глагола — не могут мыслиться как оставшиеся "безуспешными", "неэффективными": можно *делать, но не сделать работу, но нельзя делать, но не сделать замечание* [12, 62].

В чем же источник их результативности? Представляется, что в этом отношении рассматриваемые глаголы неоднородны и распадаются по крайней мере на две группы.

Одна из них включает глаголы, допускающие перформативное употребление, равносильное выполнению действия, обозначаемого этим глаголом: *Прошу; Обещаю; Приглашаю*. Такие действия не могут быть реализованы частично, поскольку просьбы или обещания вступают в силу в тот момент, когда они сформулированы [2], что служит внутренним пределом этих действий. Достигнутость предела сохраняется и в общефактическом употреблении таких перформативов (*Меня приглашали; Мне обещали*): нельзя сказать, что факт приглашения или обещания имел место, если соответствующее действие (воплощенное в речевом акте) не достигло естественной конечной точки, в которой наступает его результат.

Другую группу составляют глаголы *говорить, хвалить, ругать*, обозначающие акт сообщения как действие, не имеющее внутреннего предела. При их употреблении в сов. виде они допускают только внешнее ограничение: количество сообщаемой информации либо "определенная мера порицания или одобрения, которая считается достаточной для проявления этих действий как таковых" [21, 50]. Значение, выражаемое в данном случае, близко к делимитативному или одноактному. При таком понимании их "эффективность" имеет ту же природу, что и "эффективность" непрелюдных ("нецелевых") глаголов, которым, по словам Г. Гэрея, "не нужно дожидаться достижения цели для того, чтобы обозначаемое ими действие представлялось осуществленным: действие это реализуется сразу же, как только начнется" [9, 347]: если человек начал говорить, то он уже хоть что-то сказал.

Учитывая эти различия, едва ли можно безоговорочно относить обе эти группы глаголов к одной (результативной) разновидности общефактического значения, как это обычно делается [6; 15].

Не менее важным основанием для дифференцированного подхода к рассматриваемому классу глаголов является различие в целях речевого действия. В соответствии с анализом этих глаголов в работах [14; 4; 5; 8] целью глаголов сообщения (и некоторых групп перформативных глаголов, которые здесь не затрагиваются) является передача знания, тогда как

целью глаголов, выражающих просьбы, приказания, обещания, предупреждения, является помимо этого и указание на возможность либо необходимость выполнения или невыполнения каких-либо действий; ср. толкование ассертивного компонента глагола *просить*: 'X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал P' [8, 127].

Имплицитное таким образом действие может иметь свои начальную и конечную точки, причем его начало не может совпадать с моментом речи, когда произносится перформативное высказывание: *Приглашаю тебя завтра в кино*. Следствием этого является возникновение двух новых точек отсчета: начало и конец имплицитного действия. Результат таких речевых действий сохраняется до тех пор, пока имплицитное ими действие выполняется или может выполняться (т.е. не достигнута его конечная точка).

Особые проблемы возникают в том случае, если перформативные глаголы этого типа выступают в дескриптивном употреблении для обозначения единичного речевого действия в прошлом, поскольку дополнительные точки отсчета могут различным образом соотноситься с временем наблюдения ситуации. Не случайно в русском языке существует не менее пяти стандартных способов обозначения таких ситуаций:

1. Формы прош. времени сов. вида (*Нас пригласили*), употребляющиеся обычно в том случае, если время наблюдения предшествует выполнению имплицитного действия: *Еще позавчера при последней встрече они договорились, что он придет сегодня к восьми часам* (В. Богомолов), — либо одновременно с ним: *Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить пренеприятное известие: к нам едет ревизор* (Н. Гоголь). В обоих случаях результат речевого действия сохраняется. Редким исключением является пример, приводимый в другой связи [15, 41]: *Почему ты не пришел? Мы же с тобой условились*. Употребление в данном случае глагола сов. вида, хотя необходимость в договоренности уже отпала, можно мотивировать тем, что, по мнению говорящего, сила договора еще сохраняется.

2. Формы прош. времени несов. вида в общефактическом значении (*Нас приглашали*), употребляющиеся обычно тогда, когда имплицитное действие не осуществилось: *Договаривались встретиться в субботу вечером хоть на полчаса, но что-то помешало* (М. Рощин), — либо действие уже осуществилось и необходимость в нем отпала: *Вот видишь! Я же тебя предупредил* (но ты не послушался, и дело приняло нежелательный оборот). Таким образом выражается неактуальность результата речевого действия, разобщенность действия с моментом речи [20; 15]. Иногда считается допустимым употребление их в фазе, предшествующей действию. Так, по мнению М.А. Шелякина, в ситуации ожидания гостей можно употребить и формы несом. вида: *Вы пригласили али / пригласили еще кого-нибудь?* [22, 82].

3. Претеритальные формы конструкций с причастиями на *-н*, *-т* (*Мы были приглашены*), которые могут употребляться и тогда, когда имплицитное действие еще не начало осуществляться: *Продащица была*

предупреждена, что из горсовета может кое-кто нагрянуть в этот день. Поэтому она была очень осмотрительна, основательно высовывалась из ларька и смотрела направо и налево (Ф. Искандер), — и тогда, когда оно уже осуществляется: Рита, которая все понимала, тихо злилась — она решила, что Сережа был приглашен на юг для нее, и теперь все происходящее расценивала как измену (Ю. Трифонов), — и тогда, когда действие уже совершилось: Мы возвращались с Карлушей от Лихаревых, где встречали Новый год. Я был приглашен на вечер как Олечкин наставник (Н. Кузьмин). Конкретная интерпретация определяется, в частности, причинно-следственными отношениями в дискурсе. В целом же эти формы нейтральны по отношению к актуальности/неактуальности результата действия.

4. Перфектные формы конструкций с причастиями на -н, -т (Мы приглашены), использующиеся в тех случаях, когда имплицитное действие не начало осуществляться: "Маркони" мне крикнул из рубки: — Сень, ты не забыл — мы к "деду" приглашены (Г. Владимов); Бороду о беца и другой предмет, а пока он сидит в учительской и читает (В. Каверин), — или начало выполняться, но еще не закончилось: Я приглашен, чтобы вы имели вид комендантского патруля, и то, что от меня требуется, сделаю! (В. Богомолов). Такие формы всегда предполагают актуальность результата, а поскольку они характеризуются ненарративностью, возможность воздействия на них контекста ослаблена (см. о них также [10]).

5. Формы наст. времени несов. вида (Нас приглашают), имеющие наиболее ограниченную сферу употребления; они могут использоваться только до тех пор, пока действие не начало выполняться: Тебе приказы в ают срочно вернуться: Нас приглашают погостить в деревне. В работе М. Я. Гловинской [7] этот тип употребления назван "настоящим непосредственно предшествующего действия" и обуславливается тем, что "между данным событием и моментом речи не было другого, отменяющего его события, и поэтому в момент речи результат этого действия остается в силе". В этой связи можно заметить, что чаще всего таким "отменяющим событием" является, видимо, выполнение самого имплицитного действия: если человек уже пришел в гости, он не может сказать: Меня приглашают в гости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т.Г. Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке // ВЯ. 1993. № 1.
2. Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформатив в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.
3. Бондарко А.В. Лимитативность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
4. Вежицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
5. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

6. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
7. Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.
8. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
9. Гэрэй Г.Б. Глагольный вид во французском языке // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
10. Князев Ю.П. Конструкции с русскими причастиями на -и, -т в семантической классификации предикатов // ВЯ. 1989. № 6.
11. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
12. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
13. Маслов Ю.С. Перфектность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
14. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
15. Падучева Е.В. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение // ВЯ. 1991. № 6.
16. Падучева Е.В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
17. Падучева Е.В. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // ВЯ. 1993. № 1.
18. Плузган В.А. Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). М., 1992.
19. Размусен Л.П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журн. М-ва нар. просвещения. 1891. Т. 277.
20. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
21. Шелякин М.А. Предельные и непредельные глаголы несовершенного вида // Вопросы русской аспектологии. Тарту, 1978. Вып. 3.
22. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.

М.А. Кронгауз

ТЕКСТ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧАСТНИКОВ В РЕЧЕВОМ АКТЕ

Семантическая классификация глаголов речи

Одной из наиболее стандартных семантических задач является структурирование семантических полей: описание дифференциальных и интегральных признаков и непосредственно классификация слов данного семантического поля, основанная на описанных признаках.

Очевидно, что эта задача актуальна и для глаголов речи. Классификацию глаголов речи можно строить на основании многочисленных признаков, выделяемых при сравнении различных глаголов. Например, глаголы *шептать*, *кричать*, *вопить* и некоторые другие противопоставлены по признаку громкости, глаголы *гнусавить*, *сюсюкать* и т.п. — по способу произнесения, а точнее, по способу искажения речи. Но эти и многие другие признаки локальны и характеризуют достаточно небольшие группы глаголов.

Принципиальной задачей следует считать обнаружение наиболее общего и иерархически важного семантического признака, который бы лег в основу классификации. Несмотря на определенные трудности выделения семантического поля глаголов речи (подробнее см. об этом [1]), ясно, что их неотъемлемым свойством оказывается связь со звучащим текстом или, в вырожденном случае, с бессмысленным звуком. А это означает, что в их толковании в каком-либо виде присутствует соответствующий компонент.

Это интегральное для глаголов речи свойство может стать прообразом универсального классифицирующего признака, поскольку роль этого компонента в значении разных слов весьма различна. Именно поэтому в настоящей работе в качестве основного дифференцирующего признака для глаголов речи предлагается способ концептуализации ими текста, или, более широко, то, как в них концептуализируются главные компоненты речевого акта: текст и сами коммуниканты, точнее, отношения между говорящим, адресатом, а иногда и лицом, являющимся темой сообщения.

Итак, именно эти характеристики должны лечь в основу семантической классификации глаголов речи. Причем умозрительные семантические выводы подтверждаются конкретными языковыми свидетельствами: контекстной сочетаемостью глаголов (в том числе моделью управления) и их словообразовательным потенциалом.

Настоящая работа во многом опирается на идею семантической мотивированности особенностей грамматического поведения слов, выдвигаемую А. Вежибицкой (в том числе и в [4], [5]). В более общем виде можно сказать, что семантические различия лексем должны проявляться на поверхностном уровне, а именно в их парадигматическом, или морфологическом, и синтагматическом, или синтаксическом, поведении. Иными словами, если в языке существует регулярное противопоставление лексем по значению, то оно, скорее всего, выражается в регулярном различии словоизменятельной или словообразовательной парадигм или в регулярном различии в сочетаемости (в том числе и в модели управления) данных лексем. При этом чем важнее для языка и универсальнее семантическое противопоставление, тем грамматичнее и очевиднее поверхностные различия. Так, семантическому противопоставлению видов в русском языке соответствуют различия в словоизменятельной парадигме глаголов и четкие сочетаемостные ограничения.

С другой стороны, морфологические и синтаксические различия могут служить весомым аргументом в подтверждение существования различий семантических и, во всяком случае, достаточным поводом для поиска семантической интерпретации данного явления. В работе [1] предлагается, в частности, семантическая интерпретация различий приставочных парадигм глаголов речи. В настоящей статье также используется понятие приставочной парадигмы, а участие бесприставочного глагола в той или иной приставочной словообразовательной модели рассматривается как важный аргумент в пользу отнесения его к определенному семантическому классу.

Как уже сказано, текст может играть очень разные роли в семантическом представлении глаголов речи. Так, если сравнить глаголы *соврать*, *обмануть* и *оклеветать*, то легко заметить, что все они так или иначе связаны со лживым текстом, или неправдой, но первый представляет собой наиболее чистый пример порождения такого текста, а у двух других семантический компонент "текст" играет вспомогательную роль. На первый план (точнее, в ассертивную часть толкования) для них выдвигается изменение ментального состояния адресата, его знаний или мнения о чем-либо, а лживый текст является средством достижения этой цели. В этом случае можно говорить об иллюзии или даже перлюзии в смысле Дж. Остина [3] и теории речевых актов. Интересно отметить, что глагол *оклеветать* подразумевает, что главным в речевом акте оказывается не сам текст и даже не адресат, а лицо, по поводу которого данный текст порождается. Этот глагол фактически устанавливает отношение между говорящим, неким лицом и адресатом (в общем случае — общественным мнением), а в качестве инструмента для установления такого отношения используется текст с особыми характеристиками ("неправда").

Иначе говоря, существуют глаголы, концептуализирующие речевой акт таким образом, что в фокусе внимания оказывается отношение между говорящим и текстом, и глаголы, для которых главным следует считать отношение между говорящим и другими лицами, в частности и прежде всего адресатом речевого акта.

Такое противопоставление возможно также между близкими однокоренными глаголами или даже в рамках одной лексемы. Достаточно сравнить: *И мертвые губы шепнули: "Грена..."* и *Пойдем пошепчемся* или *Это скорее оскорбительно, а не обидно, если у тебя за спиной шепчутся на твой счет и над тобой хихикают*. Для первого примера принципиален тот факт, что слово произнесено шепотом или тихо, а для двух остальных примеров ни громкость речи, ни способ произнесения никакого значения не имеют. Глагол *шептаться* устанавливает между собеседниками определенные, почти интимные отношения и по значению приближается к глаголу *сплетничать*. Соответственно в третьем примере специальное отношение (а именно своего рода влияние) устанавливается и между говорящими и лицом, являющимся предметом сплетни.

Аналогичное соотношение значений имеет место и для различных употреблений глагола *кричать*, в толковых словарях распределяемых по разным значениям: *Кричите, вас не слышно* и *Вы не имеете никакого права кричать на меня*. В первом случае следует говорить о порождении "громкого" текста и при глаголе возможно прямое дополнение со значением "текст" или придаточное, содержащее прямую или косвенную речь: *Эту фразу нельзя кричать; Он кричал, что большие не хотят жить*. Во втором случае громкость речи, по-видимому, также подразумевается, однако содержание высказывания, его ассерция заключаются в агрессивном воздействии одного лица на другое. Это воздействие осуществляется посредством текста, и в модели управления говорящий (активное лицо) выражается им. падежом, а адресат (пассивное, а в данном случае и

"страдательное" лицо) — вин. падежом при предлоге *на*. Сам текст для этого значения глагола *кричать* в рамках управления никак невыразим. Нельзя **кричать что-то на кого-то*.

Здесь уместно подвести промежуточный итог. Глаголы речи, отдельные значения, а иногда даже отдельные употребления могут быть разбиты на два класса в зависимости от того, как данный глагол концептуализирует речевой акт и конкретно сам текст.

К первому классу относятся глаголы, устанавливающие отношение между говорящим и текстом, и в основном это глаголы порождения текста (часто они обозначают искажение нормального текста по разного рода параметрам, например: *ворчать, тараторить, гундосить, врать* и т.д.). Роль говорящего выражается при этих глаголах существительным в им. падеже, а текст, как правило, вин. падежом существительного или неопределенного местоимения (*Он проворчал в ответ что-то невнятное*), но может вообще отсутствовать на поверхностном уровне, т.е. присутствовать в глаголе имплицитно: *Обещал не врать, а опять соврал*. В принципе при этих глаголах допустима валентность адресата речи: *Ты мне опять наврал*.

Ко второму классу относятся глаголы речи, устанавливающие отношения между говорящими и другими лицами — адресатом или лицом, являющимся предметом сообщения. Это прежде всего глаголы, обозначающие воздействие субъекта (для глаголов речи — говорящего) на окружающий мир и окружающих людей. Текст для них играет вспомогательную роль своего рода инструмента, с помощью которого осуществляется это воздействие. Соответствующая валентность также может быть выражена или не выражена: *Петр ругал меня и Петр ругал меня нехорошими словами*.

Подтверждением данного семантического противопоставления служат, в частности, регулярные различия в приставочной парадигме глаголов речи. Впрочем, поскольку участие бесприставочного глагола в приставочных моделях определяется большим количеством тонких семантических факторов, удобнее рассмотреть более компактные семантические группы глаголов. В следующем разделе анализируется словообразовательное поведение глаголов грубости, шулки, лжи и просто речи.

Приставочный анализ глаголов речи

Глаголы агрессивной речи: *ругать vs грубить*. Если вначале речь шла о глаголах, о глагольных значениях и даже различных употреблениях, то далее будут рассмотрены только бесприставочные глаголы и даже более общо — глагольные словообразовательные гнезда. Именно в пределах словообразовательного гнезда хорошо заметны отличия двух упомянутых классов глаголов.

Словообразовательное поведение бесприставочных глаголов порождения текста во многом напоминает словообразовательное поведение глаголов созидания (*творить, делать* и т.д.), а глаголы речевого воздействия часто следуют тем же приставочным моделям, что и глаголы воздействия неречевого. Причем те и другие модели четко противо-

поставлены друг другу, так что глаголы порождения текста допустимы только в одних моделях и недопустимы в других, а глаголы речевого воздействия — наоборот. Надо заметить и то, что сами приставки проясняют и подчеркивают отдельные аспекты семантики бесприставочного глагола, так что роль текста в приставочных глаголах становится даже более очевидной, чем в бесприставочных.

Пожалуй, наиболее активно сочетаются с приставками глаголы, которые достаточно условно можно объединить в группу агрессивно-отрицательной речи.

Центральным, судя по приставочным парадигмам (ср. также модели управления), оказывается противопоставление между глаголом *ругать*, а также примыкающими к нему *бранить* и, более эпизодически, *критиковать*, *лаять* и нек. др., обладающими специфическими чертами, с одной стороны, и глаголом *грубить* и примыкающими к нему *хамить* (хотя этот глагол иногда "склоняется" и ко второму классу: *обругать*, *обхамить*), *дразнить*, с другой стороны.

С семантической точки зрения это и есть описанное выше противопоставление. Значение глаголов типа *ругать* состоит прежде всего в характеристике отношений или взаимодействия между двумя лицами, а значение глаголов типа *грубить* — прежде всего в характеристике действия субъекта (для глаголов речи, — в характеристике текста). Глаголы первого типа присоединяют в качестве прямого объекта лицо, подвергаемое речевому воздействию (*ругать*, *бранить кого-либо*), а глаголы второго типа имеют синтаксическую валентность в дат. падеже на адресата высказывания (*грубить*, *хамить*, *дерзить кому-либо*).

Для определения словообразовательного потенциала глаголов и самих приставочных моделей необходимо учесть также статусные отношения между субъектом и адресатом речи (см. об этом [2]). Так, глаголы *дерзить*, *хамить* заведомо невозможны в ситуациях, требующих более высокого статуса "говорящего". При этом *дерзить* подразумевает более низкий статус того, кто дерзит, по отношению к тому, кому дерзят. Все это накладывает дополнительные ограничения на приставочную парадигму.

В данном случае можно ограничиться рассмотрением наиболее значимых рядов приставочных глаголов и соответственно словообразовательных моделей.

1. *Выбранить*, *выругать* (*кого-либо за что-либо*), а также *выговорить* с несколько иными синтаксическими свойствами (*кому-либо за что-либо*), но нельзя *выгрубить, *выхамить, **выдерзить кого-либо*. Эта словообразовательная модель близка к модели, представленной "чистыми" глаголами воздействия, например *вытороть*.

2. *Обозвать*, *облаять*, *обругать* (*кого-либо*); и хотя невозможно *обгрубить и *обдерзить, совершенно нормально *обхамить кого-либо*. Эту словообразовательную модель можно дополнить словосочетанием с глаголом неречевого действия: *облить кого-либо грязью*, которое в переносном значении приобретает речевую характеристику и полностью вписывается в этот ряд.

3. *Отбранить, отругать (кого-либо)*, но невозможно **отгрубить, *отхамить, *отдерзить кого-либо*. В качестве близкой словообразовательной модели с глаголами неречевого действия можно указать глагол *отлупить*

4. *Разбранить, разругать, раскритиковать, распечь (кого-либо за что-либо; что-либо)*, но, конечно же, невозможно **разгрубить, *расхамить, *раздерзить кого-либо*. Ср. также *разнести в пух и прах* как неречевое и как речевое действие.

Наиболее нейтральным выражением отрицательного отношения и отрицательного речевого воздействия является ряд 1 с приставкой *вы-*. Значение ряда 3 отличается от него сильным ограничением на статус: и участников речевого акта (хотя, возможно, в некоторой степени оно характерно и для ряда 1). *Отругать* может только старший младшего, учитель ученика, начальник подчиненного и т.д. Это же статусное ограничение сохраняется и для ряда 4, но здесь подчеркивается отрицательное отношение не к самому адресату, а к результату его действий (работе, сочинению и т.п.) и речевое воздействие направлено, скорее, на это: *Раскритиковать Петрова за его действия*, но также *Раскритиковать новую книгу Петрова*. Все эти три ряда объединяет и пресуппозиция существования объективной причины, вызвавшей отрицательное отношение к адресату речи (его действия, предшествовавшие акту речи, неправильные с точки зрения субъекта речи).

Вследствие всех указанных выше семантических условий (в том числе и статусных ограничений) невозможны глаголы типа **расхамить, *выдерзить, *отгрубить*.

Словообразовательная модель, характерная для ряда 2, заведомо не имеет никаких статусных и причинных ограничений (ср. добавление к этому классу глаголов *облаять* и *обхамить*, да и *обругать* может кто угодно кого угодно и без всякого повода), но, по-видимому, несет в себе дополнительное значение непосредственного морального вреда, причиняемого адресату речи.

Существуют также две приставочные модели для глаголов порождения текста, не допускающие глаголов воздействия.

5. *Нагрубить, надерзить, нахамить (кому-либо)*, но невозможно **наругать, *набранить*. В качестве иллюстрации можно привести примеры и с глаголами созидания (правда, с определенным оценочным сдвигом в значении): *натворить, наделать (Что ты наделал?)*.

6. *Сгрубить, схамить*, но невозможно **сругать, *сбранить*. Ср. также неречевые глаголы *сотворить, сделать*.

Ряд 6 (*сгрубить, схамить*) является наиболее нейтральным способом сообщения о порождении субъектом текста (или о совершении действия) определенного рода. Эти глаголы допустимы без всякого адресата: *Вчера он опять схамил* (ср. с глаголами другого ряда: *Вчера я удачно сострил, скаламбурил* и т.д.). Впрочем, они погружаются также и в контекст диалога в качестве ответной реплики: *В ответ он сгрубил*. В этом контексте окказионально возможно и *сдерзил*, абсолютно недопустимое

без адресата, поскольку дерзость в равной степени характеризуется "качеством" текста и более высоким статусом адресата. Хамство и грубость остаются таковыми всегда, а дерзость может не быть дерзостью, будучи адресована другому лицу.

Глаголы ряда 5 означают фактически просто совершение данного действия по отношению к конкретному лицу (опущение адресата невозможно: **Вчера он нагрубил*), причем необязательно в диалоге.

Анализ приставочных парадигм этих глаголов позволяет распространить полученные выводы и на глаголы шуток, лжи и просто речи, хотя в этих случаях мы не всегда имеем дело с достаточно представительным языковым материалом.

Глаголы шуток, лжи и обычной речи. На первый взгляд кажется достаточно неожиданным и семантически плохо интерпретируемым различие приставочных парадигм следующих пар: *лгать* — *врать*; *шутить* — *остричь*; *говорить* — *сказать*. Почему возможно *оболгать* (*оклеветать*) человека и нельзя *обоврать и, напротив, возможно *провратиться* и невозможно *пролгаться? Я могу спросить: "Почему ты наврал мне?", но нельзя подставить в это предложение *налгать* (это слово употребляется только в контекстах *много*, *с три короба* и т.д.). Почему возможно *вышутить* (*высмеять*) человека, *подшутить над товарищем*, но нельзя *выюстричь, *выязвить, *подостричь и т.д. и, напротив, можно *состричь* (*скаламбурить*, *съязвить*, *съехидничать* и т.д.), но никак не удается *сишутить?

Объяснение этому "странному" факту в действительности уже было дано выше при анализе пар типа *ругать* — *грубить* (ср. с теми же приставками: *выругать*, но *выгрубить и, напротив, *сругить*, но *сругать). Это противопоставление вполне укладывается в разбиение глаголов речи по семантическому принципу на два класса: "глаголы текста" и "глаголы взаимодействия или воздействия с помощью речи". Так, *остричь*, *скаламбурить* и т.д. означает порождать тексты определенного жанра или типа, возможно, по отношению к кому-то (но это вторично). Точно так же *врать* означает порождать ложные тексты, а *грубить* — грубые и т.д. К этому же классу относится и глагол "просто речи": *сказать* (просто породить текст).

Глаголы же типа *шутить*, во всяком случае в приставочном виде, означают прежде всего не 'порождать тексты особого рода (шутки и т.д.)' (это вторично), а 'воздействовать на мир с помощью речи'. Для глаголов *бранить*, *ругать* субъект речи воздействует на собеседника, адресата речи. Для глаголов же *лгать*, *клеветать*, *шутить* характеризующим является отношение между субъектом и предметом речи (но не самим текстом), т.е. лицом, по поводу которого лгут, шутят, на которого клеветают. Эти и некоторые другие семантические нюансы определяют различие приставочных парадигм внутри двух главных классов.

Впрочем, разделение это недостаточно строгое, и можно говорить лишь о тяготении того или иного глагола к одному из двух классов (ср. *солгать* как *соврать*; *обхамить* как *обругать* и т.д.). Наиболее непосле-

довательно и, можно сказать, сумбурно ведет себя глагол *говорить*. Он оказывается способным присоединяться к совершенно различным по своим семантическим характеристикам классам глаголов. Это и позволяет считать его более или менее универсальным заместителем глаголов всякой (разных типов) речи. Тем не менее следует отметить его явное тяготение к классу глаголов воздействия как на предмет речи, так и на адресата (ср. *наговорить на кого-либо*, *оговорить кого-либо*, а также *отговорить*, *разговорить*, *уговорить*, *выговорить кому-либо за что-либо*, *подговорить* и т.д.).

Заключение

В заключение можно сказать, что одним из основных семантических противопоставлений для глаголов речи следует считать семантическую ориентацию либо на текст, т.е. на отношение между говорящим и текстом, либо на взаимодействие говорящего с лицами и объектами внешнего мира посредством речи. Таким образом, речь идет о противопоставлении "глаголов текста" и "глаголов воздействия с помощью речи": *врать — лгать*, *острить — шутить*, *грубить — ругать*, *сказать — говорить* и т.д. Это семантическое противопоставление реализуется в различных поверхностных явлениях, а именно в синтагматическом и парадигматическом поведении слов. Так, в настоящей работе в качестве основных языковых свидетельств данного противопоставления привлекались сведения о модели управления и приставочной парадигме глаголов.

Статус этого противопоставления должен еще уточняться, поскольку некоторые глаголы при определенном тяготении к одному из классов допускают в каких-то употреблениях другую интерпретацию. Довольно очевидно, что в отдельных бесприставочных глаголах в принципе заложены обе возможности, а их реализация зависит от конкретных условий (ср. *кричать что-то* и *кричать на кого-то*; *много и весело шутить* и *подшутить над кем-то*). В частности, конкретная модель управления и конкретная приставка могут реализовать одну из этих возможностей. Именно поэтому приставочные глаголы легче распределять по указанным классам. Так, *говорить* — практически универсальный глагол, *проговорить* же относится уже только к классу глаголов текста, тогда как *подговорить*, *отговорить*, *разговорить* и мн. др. — это глаголы воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кронгауз М.А. Семантика русского глагола и его словообразовательные возможности // Russian Linguistics. 1993. N 17.
2. Крысин Л.П. О социальном компоненте лексических значений // Wiener slawistischer Almanach. 1983. Bd. 11.
3. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
4. Wierzbicka A. English speech act verbs: a semantic dictionary. Sydney; New York, 1987.
5. Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В НЕПЕРФОРМАТИВНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЯХ

Перформативные глаголы (ПГ) благодаря возросшему к ним в последние десятилетия интересу оказались достаточно хорошо изученными в своей перформативной ипостаси (см. обзор свойств ПГ и библиографию в работе [1]). Вместе с тем неперформативные употребления ПГ остаются в тени. В данной статье рассматриваются два типа неперформативных употреблений ПГ. Первый тип — квазиперформатив — является производным от перформативного употребления, второй — перфектное состояние — от дескриптивного. Оба этих типа сохраняют связь с однократным речевым действием (просьба, напоминание, приглашение и под.), которое может быть названо соответствующим иллокутивным глаголом (*попросил, напомнил, пригласил*) или осуществлено посредством его (однократного) использования (*прошу, напоминаю, приглашаю* и т.д.). Употребления типа *Стоит и просит...; Да он только обещает...* считаются семантическими дериватами ПГ со своим собственным лексическим значением и в данной работе не рассматриваются.

Квазиперформативы

Считается, что при переводе из 1-го лица в 3-е ПГ утрачивает свойство перформативности, превращаясь в описание речевого акта (РА). Однако есть один тип употребления формы 3-го лица, который при определенных условиях сохраняет существенные черты перформатива:

- (1) *Петя благодарит Вас за книгу.*
- (2) *Мама желает вам счастливого пути.*
- (3) *Генерал приказывает вам остаться.*

Здесь отсутствует непосредственный контакт Субъекта (благодарности, пожелания, приказа) и Адресата, который является одним из главных условий речевого (диалогического) режима вообще (см. [4]) и "настоящего" перформативного употребления в частности. Если бы контакт был возможен, Субъект сам осуществил бы РА и это было бы перформативное высказывание (*Благодарю вас за книгу; Желаю вам счастливого пути* и т.д.). Поскольку прямого контакта Субъекта и Адресата нет, РА оказывается как бы разорванным в пространстве и во времени; он распадается на две части: сначала происходит РА "соглашения" (РА'), когда Субъект поручает Посреднику осуществить этот РА от его лица (*Скажи/передай, что я желаю/извиняюсь/приглашаю/прошу...* и т.д.), а затем — РА "передачи" (РА"), когда Посредник осуществляет РА за Субъекта. Таким образом, передача информации Субъектом происходит в рамках РА', а получение ее Адресатом — в рамках РА": РА (Субъект—Адресат) → РА' (Субъект—Посредник) & РА" (Посредник—Адресат).

Прямым наследником РА является РА", в котором, при его повер-

ностной реализации, Посредник устраняется: он становится Говорящим, ср. примеры (1) — (3). В РА" по сравнению с РА (с собственно перформативом) меняется только лицо Субъекта — 1-е на 3-е. Но все другие характерные черты перформативного употребления сохраняются: 1) адресат во 2-м лице; 2) обязательное наст. время глагола. Это неудивительно — ведь РА" и является с о в е р ш е н и е м (а не описанием!) соответствующего речевого действия, хотя и не самим Субъектом, а его уполномоченным. Поэтому данный тип употребления ПГ мы назвали квазиперформативным, а глагол в таком употреблении — к в а з и п е р ф о р м а т и в о м (КП).

Какие ПГ допускают квазиперформативное употребление (КПУ) и от чего это зависит? В первую очередь — от характера адресата. В принципе адресат есть у всех иллокутивных глаголов, что вытекает из самой природы РА. Но место, занимаемое адресатом в семантической структуре ПГ, может быть разным, что позволяет разделить ПГ на два типа.

Глаголы первого типа не допускают КПУ. Это глаголы, у которых Адресат — это только адресат; он выполняет единственную роль — роль слушающего в данном РА, т.е. роль получателя информации. Такой адресат можно назвать т р и в и а л ь н ы м: это некий "неспецифицированный" слушающий или даже аудитория. Показательно, что А. Вежбицкая [8] для обозначения такой аудитории использует в толкованиях соответствующих глаголов (например, *declare, insist, state, stress* и под.) компонент 'people'. В коммуникативном фокусе этих глагов — пропозициональное содержание (его истинность (*утверждаю*), ложность (*отрицаю*), важность (*подчеркиваю*) и т.д.) и/или выражение внутреннего состояния Субъекта (*каюсь, возражаю, протестую* и т.д.).

Интересно, что большинство глаголов с тривиальным семантическим Адресатом не имеют адресата среди своих поверхностных синтаксических актантов: **утверждаю/отрицаю/протестую вам* и т.д. А те, которые имеют эту синтаксическую позицию (*признаюсь вам*), не требуют ее заполнения.

У глаголов второго типа одному синтаксическому актанту — адресату — соответствуют в семантической структуре две (или больше) семантические роли. Референт адресата является в данном РА не просто слушающим, но и участником еще какой-то ситуации (или даже нескольких ситуаций), относящейся к до- или послеречевым отношениям коммуникантов, например: *X приказал Y-у сделать P* = 'X сказал Y-у, чтобы Y сделал P'; Y — Адресат, Исполнитель, а также Субъект должностования. Такой адресат, который совмещает в себе несколько ролей, можно назвать н е т р и в и а л ь н ы м.

Именно класс глаголов с нетривиальным адресатом является "поставщиком" КП.

В коммуникативном фокусе таких глаголов может быть: установление определенных отношений между Субъектом и Адресатом (ср. *обещаю, прошу, приказываю, запрещаю*); продолжение отношений, установленных или возникших ранее, до РА (ср. *доношу, докладываю, прошу прощения, благодарю*); воздействие на чувства Адресата (*уверяю, умоляю, заклин-*

наю). Некоторые КП предполагают реакцию Адресата, например согласие или отказ в ответ на приглашение или предложение; благодарность за совет или просто его принятие или непринятие. Во всех этих случаях Адресат — конкретное, определенное лицо. Причем это лицо "незаменимо" для данного РА: если вы провинились перед каким-либо человеком, то и извиниться должны именно перед ним, тогда как, например, признаться в чем-либо можно кому угодно, так сказать "на площади" (как это намеревался сделать герой "Преступления и наказания"). Разумеется, по прагматическим соображениям выбор аудитории для РА с тривиальным адресатом тоже может быть ограничен (в конечном итоге Раскольников сделал свое признание все-таки не на площади, а в конторе квартального надзирателя). (А. Вежбицкая [8] обозначает такого Адресата, например у глаголов *advise, ask, assure, require*, компонентом 'you').

В отличие от тривиального адресата, поверхностно-синтаксическое выражение которого либо невозможно, либо необязательно, нетривиальный адресат, особенно при дескриптивном употреблении глагола, обычно синтаксически выражен — во всяком случае, он выразим: для него имеется синтаксическая позиция (исключения вроде *Я требую, чтобы вы ушли*, когда адресат-слушающий невыразим, единичны).

Различия между двумя описанными типами ПГ, впрочем, не следует абсолютизировать. Многие ПГ в одних употреблениях попадают в один класс, в других — в другой. (А. Вежбицкая в таких случаях использует в толкованиях альтернативу 'you/people', например для глагола *confirm*), ср.: *Он поклялся отцу, что отомстит за брата* = 'принял обязательства перед конкретным лицом' и *Он поклялся отомстить за брата* = 'сообщил о своих намерениях некоторой аудитории'.

Ниже приводится список глаголов с нетривиальным адресатом (т.е. глаголов в принципе допускающих КПУ) с распределением по семантическим рубрикам; в конце рубрики приведены — для сравнения — глаголы с тривиальным адресатом, не допускающие КПУ. Мы используем рубрики, предложенные Ю.Д. Апресяном [1], где дается более детальная, чем остиновская, классификация ПГ, причем осуществленная специально на материале русского языка. Ряд глаголов, приведенных в [1], мы исключаем из рассмотрения. В основном это остиновские экзерситивы и вендлеровские оперативы (*санкционировать, накладывать вето, осуждать (на пять лет), деконсировать, капитулировать, отпускать (грехи), назначать, посвящать (в рыцари)* и под.): действия, выражаемые этими глаголами, не являются чисто речевыми — они либо имеют неречевые составляющие, либо требуют специальных полномочий у говорящего, а иногда вообще совершаются только юридическими лицами. В любом случае эти действия нельзя "передать" через посредника (передается не РА, а сами полномочия), и поэтому они не представляют интереса с точки зрения возможности КПУ. Итак, нетривиальный адресат имеют:

— специализированные сообщения и утверждения: *докладывать, доносить, заявлять, извещать, напоминать, объявлять, подтверждать, уведомлять, уверять, но не отрицать, подчеркивать, провозглашать, свидетельствовать, удостоверить, утверждать;*

— обещания: *гарантировать, давать обещание, давать слово, заверять, клясться, обещать, обязываться;*

— просьбы: *заклинать, молить, просить, умолять, ходатайствовать;*

— предложения и советы: *вызывать (на дуэль), предлагать 1, приглашать, призывать (к согласию), рекомендовать 1, советовать;*

— предупреждения и предсказания: *предостерегать, предупреждать, предрекать, предсказывать;*

— требования и приказы: *наказывать (кому-л. что-л.), поручать, предлагать 2, приказывать, ставить условие, требовать, но не настаивать;*

— запреты и разрешения: *воспрещать, запрещать, позволять, разрешать;*

— одобрения: *благословлять, рекомендовать 2, хвалить, но не одобрять;*

— осуждения: *проклинать;*

— прощения: *прощать;*

— речевые ритуалы: *благодарить, желать удачи, извиняться, поздравлять, приветствовать, прощаться, соболезновать;*

— социализированные акты (разных типов): *брать назад свое слово, возвращать (кому-л.) слово, освобождать (кого-л. от слова), посвящать (стихотворение), поручать, но не отвергать, отказываться (от наследства), отречься (от престола), сдаваться, снимать (предложение).*

В группах признания, согласия и возражения вообще нет глаголов с нетривиальным адресатом.

Наличие нетривиального адресата — это необходимое, но не достаточное условие КПУ. Дело в том, что не любое речевое действие уместно и допустимо поручать посреднику. Причины ограничений могут быть разные. Так, с трудом "передаются" через посредника речевые действия, содержащие перлокутивную компоненту, т.е. предполагающие воздействие на чувства, волю и т.д. адресата (*заклинать, умолять, хвалить, проклинать*). Во всяком случае, в передаче рассчитывать на перлокутивный эффект уже не приходится: *Он тебя проклинает*. По-видимому, не передаются приветствия и прощания (*Петя с вами прощается*). Очевидно, что некоторые РА, например соболезнования или комиссивы (особенно "сильные", как *клясться, присягать*), можно выполнить только лично.

Итак, принципиальная связь КПУ со 2-м лицом адресата получает естественное объяснение. Обратимся теперь ко второму свойству КПУ — это обязательное наст. время глагола. В принципе в ситуации КПУ естественно предположить возможность употребления наряду с формой НСВ. НАСТ формы СВ. ПРОШ — ведь Субъект уже что-то сказал Посреднику, т.е. совершил какое-то речевое действие в прошлом. Действительно, есть глаголы, которые допускают СВ. ПРОШ, так что тест на допустимость СВ. ПРОШ разделяет КП на две группы.

Для "парадигматических" КП употребление СВ. ПРОШ вместо НСВ.

НАСТ невозможно. К таковым относятся глаголы специализированных сообщений (*Х извещает вас/напоминает вам* и т.д.), речевые ритуалы (*Х благодарит вас / поздравляет вас* и т.д.) и нек. др., ср.: *Петя благодарит вас за книгу/приглашает тебя на день рождения, но *Петя поблагодарил вас за книгу/пригласил тебя на день рождения*. Разумеется, СВ. ПРОШ этих глаголов допустимо в других контекстах, но не в квазиперформативном.

Невозможность прош. времени означает, что данный РА не может считаться совершенным полностью — законченным, осуществившимся достигшим результата, — пока его содержание не "дошло" до Адресата, т.е. он не может быть совершен в отсутствие Адресата. Причины невозможности прош. времени для разных глаголов различны. Так, для глаголов сообщения прош. время невозможно потому, что результат сообщения — 'Адресат знает, что Р', и этот результат нельзя считать достигнутым, пока Адресат не узнал, что Р: *Иванов напоминает вам, что завтра собрание* ≠ *напомнил. Глаголы, выражающие речевые ритуалы, не употребляются в прош. времени в ситуации КПУ потому, что они предполагают специфическое воздействие на Адресата, вытекающее из природы ритуала, и, следовательно, соответствующий РА не может быть совершен в отсутствие Адресата: *Петя желает вам счастливого пути* ≠ *пожелал.

Однако есть, как это ни странно, глаголы, допускающие употребление в форме СВ. ПРОШ в квазиперформативной ситуации, когда Адресат еще не знает содержания высказывания Субъекта. Употребление формы СВ. ПРОШ означает, что Посредник считает РА уже состоявшимся, а его результат — уже существующим, несмотря на то что Адресат еще об этом не осведомлен, ср.: *Командир приказывает (≈ приказал) вам остаться; Мама запрещает (≈ запретила) тебе есть мороженое*. СВ ПРОШ допускает глаголы требований, приказов, запретов и разрешений, но не только они (ср.: *Он посвящает/посвятил это стихотворение вам*).

Отношения (между Субъектом и Адресатом) и состояния (Субъекта и Адресата), вызываемые к жизни речевыми актами этой группы, возникают, начинают существовать уже с момента осуществления Субъектом своей "части" РА, поскольку в эти отношения вовлечены кроме Субъекта и Адресата другие лица. Так, приказы и запреты предполагают контроль за исполнением, а следовательно, и "контролеров". Поэтому приказ и запрет начинают существовать с момента произнесения (ср.: *Я запрещаю Пете есть мороженое*); другое дело, что выполнены они могут быть только после сообщения непосредственно Адресату — "исполнителю". Вообще, чем выше иерархический (социальный, возрастной и т.д.) статус Субъекта, тем больше вероятность, что Посредник сочтет его "часть" РА полноценным и завершенным РА, ср.: (кладовщику) — *Директор попросил вас срочно оформить документ*; (директору) — *Кладовщик просит вас подписать эту бумагу* (? *попросил*).

Подчеркнем, что форма НСВ. НАСТ у глаголов этой подгруппы, так же как и у парадигматических КП, является "квазиперформативной" (поскольку означает, что Адресат впервые узнает содержание РА от

Посредника, так что формы НСВ. НАСТ и СВ. ПРОШ не синонимичны, а дают Посреднику возможность выбора: совершить РА от лица Субъекта (НАСТ) или сообщить о нем Адресату как об уже состоявшемся (ПРОШ).

Перфектные состояния

Перфектное состояние (ПС), как оно понимается в работах [5; 6], возникает в результате моментального перехода (в нашем случае — в результате совершения РА) и сохраняется (= является актуальным) в момент речи или, при нарративном режиме, в момент наблюдения:

(4) *Меня вызывают в военкомат.*

(5) *Петя приглашает Машу на именины.*

(6) *Бабушка просит Петю приехать.*

Как видно из примеров, глагол в форме НСВ. НАСТ передает содержание РА, совершенного ранее (до момента речи), и одновременно обозначает состояние-результат.

ПС отличаются от КП по крайней мере в трех отношениях.

Во-первых, у иллокутивного глагола в значении ПС в позиции адресата возможна форма любого лица: 1-го, ср. (4); 3-го, ср. (5) и (6), и даже 2-го (если адресат уже знает содержание РА), ср.: *Ты не можешь идти в кино, ведь тебя же вызывают в военкомат.* Семантический актанта Адресат, игравший принципиальную роль в перформативном и квазиперформативном употреблении ПГ, здесь отсутствует — есть Субъект состояния, кореферентный Адресату ранее состоявшегося РА.

Во-вторых, у ПС в отличие от КП форма НСВ. НАСТ входит в квазисинонимическое соотношение с формой СВ. ПРОШ, что, как показано в работах [5; 6], естественно и даже обязательно для ПС (если соответствующий глагол вообще входит в видовую пару), ср.:

(4') *Меня вызвали в военкомат.*

(5') *Петя пригласил Машу на именины.*

(6') *Бабушка попросила Петю приехать.*

Различие между НСВ и СВ состоит в том, что форма НСВ грамматическим способом передает значение актуальности содержания РА и актуальности итогового состояния в момент речи — это ассертивный компонент значения НСВ перфектного состояния (см. [6]); между тем в форме СВ актуальность передается имплицатурой, выражающей перфектное значение, а имплицатура может легко подавляться контекстом, ср.: *В своем письме бабушка попросила Петю приехать, и он выехал в тот же день* (в момент речи уже не имеет места состояние "просит").

В-третьих, НСВ. НАСТ глагола ПС, в отличие от КП, легко переводится в НСВ. ПРОШ, т.е. это употребление ПГ не является дейктическим.

М.Я. Гловинской употреблением типа *Мне предлагают... /Меня зовут...* была дана акциональная интерпретация, а именно: они рассматриваются как обозначение "события, которое... осуществилось до момента речи... причем близко к нему или непосредственно перед ним" [2, 112].

Различие между статальной и акциональной интерпретацией данной формы касается, скорее, акцентов, чем существа, поскольку при статальной интерпретации форма НСВ тоже включает указание на ранее совершенное действие, только этот "акциональный" компонент имеет неассертивный статус. Статальная интерпретация представляется все-таки предпочтительной, поскольку акциональная интерпретация не позволяет объяснить, почему не все прошлые действия, результат которых сохраняется актуальность до момента речи, могут быть обозначены формой НСВ, т.е. почему, например, нельзя сказать *Я нахожу кошелек* в значении 'я нашел кошелек и имею его в момент речи'. Статальная же интерпретация с самого начала исходит из того, что форма НСВ обозначает состояние у глаголов с определенным лексическим значением.

Значение ПС могут иметь как квазиперформативные глаголы (но не все!), так и глаголы с тривиальным адресатом (и тоже не все).

Из квазиперформативной группы значение ПС могут приобретать те глаголы, у которых результатом РА является не только информационное состояние Адресата ('Адресат знает содержание РА'), какое есть у всех глаголов РА, но и какие-то более специальные, не-информационные, например модальное — типа 'может', 'должен'; так,

Тебя вызывают в деканат =

1) Субъект хочет, чтобы Адресат сделал Р;

2) Субъект сказал или дал знать об этом Адресату (до момента речи);

3) Адресат знает, что (1);

4) Адресат должен сделать Р (состояние, длящееся в момент речи).

У *вызывать* не-информационный компонент — 'Адресат должен сделать Р', у глагола *приглашать* — 'Адресат может сделать Р'.

В общем случае результатом РА данного типа является установление отношений между Субъектом и Адресатом, которые имеют определенный интервал актуальности; например, в случае приказа (*Командир приказывает нам возвращаться*) этот интервал продолжается от момента его отдачи до начала выполнения или до момента, когда он должен быть выполнен (ср. [3]).

Чисто информационные глаголы (*извещать, предупреждать, напоминать* и под.) не имеют значения ПС, поскольку результат соответствующего РА — только информационное состояние адресата; никаких специфических отношений между Субъектом и Адресатом глагол не подразумевает. Так, нельзя сказать: *Петя предупреждает меня/напоминает мне, что завтра занятий не будет*, если он уже предупредил/напомнил.

З а м е ч а н и е. Если говорящий держит в руках письмо или записку от Субъекта и пересказывает содержание текста третьему лицу или вообще пересказывает содержание только что полученного (прочитанного) письменного текста, то он может употребить форму НСВ. НАСТ любого перформативного глагола, в том числе и чисто информационного: — *Ну, что пишет Петя? — Да вот, предупреждает мать, что у него нет денег на дорогу* Однако это не ПС, а особое употребление, близкое к перформативному. Наст. время ПП объясняется здесь тем, что момент отправления сообщения отождествляется с моментом его получения (настоящим) в силу того, что Дж. Лайонз назвал "дейктической проекцией" (см. [579]). В нарративном режиме время может быть и прошедшим: *Получили телеграмму: Петя предупредил, что денег на дорогу у него нет.*

Не приобретают значения ПС и речевые ритуалы — *поблагодарил, извинился* и т.п.: в их лексической семантике также нет специфического "послереечевого" состояния Адресата или Субъекта.

В то же время значение ПС могут иметь многие глаголы с тривиальным адресатом, не допускающие КПУ (например, *отрицает, утверждает, настаивает, возражает, отвергает, поддерживает, признает, отказывается*), а также и неперформативные глаголы, ср.: *Х объясняет это тем, что У*.

Все глаголы ПС объединяет то, что они являются — в перформативном употреблении (если оно есть, а если нет — в дескриптивном, ср.: *Я объясняю это тем, что...*) — выражением в речи некоторого внутреннего состояния Субъекта, т.е. вообще имеют стивную, а не акциональную доминанту. Показательно, что многие из этих глаголов либо не имеют парного СВ (*отрицает, утверждает*), либо СВ имеет "непарное" значение (*возражает, настаивает*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3.
2. Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.
3. Князев Ю.П. Речевые действия: их следствия и особенности обозначения // Наст. сб.
4. Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета: (В поисках инварианта видового значения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 5.
5. Падучева Е.В. К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола // НТИ. Сер. 2. 1989. № 12.
6. Падучева Е.В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
7. Lyons J. Semantics. L.: Cambridge univ. press, 1977.
8. Wierzbicka A. English speech act verbs. Sydney, etc.: Acad. press, 1987.

Е.В. Падучева

ВИД И ВРЕМЯ ПЕРФОРМАТИВНОГО ГЛАГОЛА

1. Перформативным (по Дж. Остину [7]) называется такое употребление глагола речи, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом речевого действия, например: *Благодарю вас!; Прошу прощения!; Я прощаюсь!* (но не *Я здороваюсь!*) (см. описание перформативных глаголов русского языка в работе [1]). Обычно это употребление в 1-м лице наст. времени несов. вида (НСВ), и если с Адресатом, то в форме 2-го лица.

Глагол называется перформативным, если он допускает перформативное употребление. Перформативный глагол в перформативном употреблении называют перформативом.

Известно, что видовое значение НСВ перформатива не является акту-

ально-длительным [1, 220]. Возникает вопрос: является ли это "перформативное" значение НСВ уникальным, или же все-таки оно встречается и за пределами перформативов?

У всех глаголов значение вида и времени зависит от контекста. Один из важных параметров контекста — точка отсчета: при диалогическом режиме интерпретации грамматического времени (см. о режимах интерпретации [4]) точкой отсчета — для одновременности, предшествования или следования — служит момент речи (МР), а при нарративном — некий воображаемый момент: момент наблюдения или наст. время наблюдателя. Так называемое настоящее историческое (*Приходит он и видит; Иду я и думаю*) — это настоящее нарративное; по характеру точки отсчета оно не отличается от прошедшего нарративного (*Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова*): в обоих случаях МР отсутствует.

Другой существенный параметр контекста — статичность vs динамичность речевой ситуации. При обычном диалогическом общении МР, как правило, неподвижен: наст. время говорящего не смещается относительно описываемых им событий, поскольку нормально во время речи ничего не происходит — в момент речи время не движется, и несущественно, является ли МР точкой или интервалом. Иное дело динамическая речевая ситуация, например ситуация синхронного репортажа. Здесь наст. время говорящего все время смещается относительно изображаемых событий: события из настоящих становятся прошлыми. Наст. время говорящего может смещаться и на протяжении одного высказывания. В этом случае существенно, что МР — интервал.

Сколько бы ни было параметров контекста, существенных для интерпретации видо-временной формы обычного глагола, перформативный глагол вводит еще один: у перформативного глагола видо-временное значение зависит, помимо всего прочего, от лица: перформативный глагол допускает перформативное употребление только в 1-м лице, а в не-1-м лице имеет другие значения. Поэтому в примерах (2), (3), с перформативным употреблением глагола, наст. время имеет ощутимо иное значение, чем в (1)*:

- (1) *Благодарю вас за теплый прием!*
- (2) *Он благодарит вас за теплый прием.*
- (3) *Он благодарит своих хозяев за теплый прием.*

Заметим, что когда говорится, что перформативное употребление требует 1-го лица Субъекта, имеется в виду денотативное 1-е лицо, а не грамматическое: говорящий может по разным причинам отказываться от своего права называть себя в 1-м лице, как в известном приветствии гладиаторов *Ave Caesar, morituri te salutant* или в формулах типа *Редакция с вами прощается, до новых встреч!* (ср. также: *С вами говорит ученый секретарь Института точной механики*).

И последнее предварительное замечание — о семантической деривации. Глагол *просить* перформативный. Однако он имеет лексическое

* Неперформативным употреблениям перформативных глаголов посвящена статья Г.И. Кустовой и Е.В. Падучевой в настоящем сборнике.

значение, при котором он не является перформативным, — многократного повторения просьбы: *Два часа просил у него покататься на велосипеде; Со вчерашнего дня прошу его вернуть лампочку.* В этом значении *просить* ведет себя иначе: имеет актуально-длительное значение и не входит в тривиальную видовую пару с *попросить*. Аналогично для *проклинать* (*проклинал ее всю дорогу*) и мн. др.

II. Видо-временное значение русского перформативного глагола (в перформативном употреблении) можно отождествить с тем "моментальным" (instantaneous) значением, которое Дж. Лич [8] выделяет — в качестве одного из возможных — у английской видо-временной формы простого настоящего, Simple Present (которая противопоставлена форме настоящего продолженного — прогрессива, Present Continuous). Как отмечает Лич, моментальное значение возникает у простого настоящего в следующих трех четко очерченных контекстах (примеры мы приводим русские, поскольку механизм образования моментального значения не зависит от языка):

1) в контексте прямого репортажа (*Мяч уходит на угловой*);

2) в контексте автокомментария, когда говорящий сопровождает свои собственные действия пояснениями, называя их словами — идентифицирует для слушателя; типичная ситуация для такого рода употреблений — это разного рода демонстрации, например показ фокусов (*Я беру карту и заворачиваю ее в платок*), кулинарные советы по телевизору (*Ставлю сковородку на слабый огонь*) и т.п. В более размытом варианте та же ситуация имеет место в примерах: *Я беру у вас эту книгу на неделю; Я обращаюсь за советом именно к вам* (которые приводятся в работе [3, 112] с другой интерпретацией). Автокомментарий отличается от репортажа принципиальным 1-м лицом субъекта;

3) наконец, то же видо-временное значение у перформатива: *Прошу у вас прощенья за вчерашнее.*

Попытаемся теперь отделить в этих употреблениях формы НСВ НАСТ значение граммемы времени от значения граммемы вида.

Во всех трех контекстах граммема времени имеет значение самое обычное для диалогического режима: действие одновременно с МР, и потому время настоящее. Таким образом, значение формы времени у перформатива ни в какой мере не является уникальным. Единственное отличие репортажа и автокомментария от перформативного употребления — в том, что в первых двух контекстах одновременность с МР неточная: действие в строгом смысле может произойти и до и после МР. Так, в ситуации репортажа комментатор, как известно, иногда ошибается, в частности потому, что он говорит о незавершившихся событиях, беря на себя риск неверного прогноза. В контексте высказывания *Я беру у вас эту книгу*, строго говоря, вообще неясно, в какой момент говорящий совершил свое действие, поскольку в МР книга может еще находиться в доме владельца и даже у него в руках. Как пишет о моментальном настоящем Лич, "в большинстве случаев событие происходит не в точности в тот момент, когда про него идет речь: наст. время передает скорее субъективную, нежели объективную одновременность с моментом

речи", см. [8, 3]. При перформативном употреблении, естественно, одновременность события с МР абсолютная, что и понятно: событие и акт речи в этом случае тождественны.

Что же касается в и д о в о г о значения перформатива, то оно, конечно, необычно: НСВ обозначает завершённое действие, т.е. если глагол парный — а перформативные глаголы обычно парные (ср. немногочисленные исключения — *отрицать, утверждать*), — то можно сказать, что НСВ имеет значение СВ: сказав *Благодарю вас!*, человек тем самым п о б л а г о д а р и л. Такое употребление формы НСВ, однако, тоже не ограничено контекстом перформативного употребления: не говоря о тождестве значения НСВ перформатива с НСВ репортажа и автокомментария, то же видовое значение имеет форма НСВ в контексте настоящего нарративного. Во всех этих ситуациях значение законченности у формы НСВ порождается одним и тем же параметром контекста. Каков же этот параметр?

Начнем с перформатива. Наст. время перформатива выражает, как это естественно для диалогического режима, одновременность с МР. Язык различает, однако, два вида одновременности (противопоставление двух видов одновременности было продемонстрировано в работах [5; 6]). Возьмем, например, предложение с обстоятельством времени. В нем выражается одновременность референциального интервала ситуации с референциальным интервалом обстоятельства; при этом интервал обстоятельства может быть включенным и объемлющим по отношению к референциальному интервалу ситуации. Соответственно различаются два вида обстоятельств времени:

(1) *Вчера в 10 часов я лежал на диване. Вдруг раздался звонок.*

(2) *В прошлом году я лежал в больнице с воспалением легких. Меня навещал мой школьный друг.*

В (1) обстоятельство задает в к л ю ч е н н о е время: референциальный момент обстоятельства включен в референциальный момент глагола: говорящий лежал на диване до и после 10 часов. В (2) обстоятельство задает о б ъ е м л ю щ е е время, референциальный момент глагола составляет лишь часть референциального момента обстоятельства — в данном случае из контекста ясно, что говорящий лежал в больнице не весь прошлый год. Т о ч н о е время является разновидностью объемлющего.

Различение двух типов обстоятельств существенно во многих отношениях. Например, тип одновременности влияет на временную анафору в тексте: в (1) референциальный интервал ситуации "раздался звонок" задается обстоятельством из 1-го предложения, а в (2) референциальный интервал ситуации "меня навещал друг" задается не обстоятельством, а референциальным интервалом глагола из 1-го предложения. Далее, в (2) можно добавить обстоятельство длительности (*В прошлом году я два месяца лежал в больнице*), а в (1) — нет. В (2) обстоятельство можно поставить в конец предложения, а в (1) — нет и т.д.

Возвращаемся теперь к семантике "перформативного" значения НСВ (в контекстах типа *Прошу прощенья*) в его противопоставленности более

обычному — актуально-длительному значению. Как легко видеть, здесь то же противопоставление, что и в предложениях с обстоятельством времени: при актуально-длительном значении вида момент речи работает как включенный интервал, а при перформативном употреблении момент речи задает объемлющий интервал. Отсюда у НСВ перформатива возникает значение завершенности действия, свойственное, вообще говоря, сов. виду (то же в контексте репортажа или автокомментария). Таким образом, различия между актуально-длительным и "перформативным" значением НСВ соответствуют двум разным типам одновременности с МР.

Тот же параметр контекста порождает значение завершенности у формы НСВ в контексте настоящего нарративного; разница в том, что при нарративном режиме объемлющий интервал — это не момент речи, а наст. время наблюдателя. По-видимому, видовое значение у перформатива и у настоящего нарративного все-таки не тождественны: перформативное значение реализуется в контексте динамической речевой ситуации.

Видовое значение, которое Лич назвал моментальным, мы предпочтем называть *з а в е р ш е н н ы м* (ср. соображения против моментальности перформатива в работе [2]). Чтобы отличить это значение от НСВ общефактического результативного, имеющего ретроспективную точку отсчета, можно называть его завершенным синхронным.

Релевантность противопоставления включенного и объемлющего интервала хорошо видна в английском языке, где грамматическая форма продолженного вида однозначно выражает включенный МР; неудивительно, что эта форма в контексте перформатива (равно как и в контексте настоящего нарративного) абсолютно исключена; по свидетельству Лича, в форме *Continuous* перформативный глагол обозначает намерение Субъекта, а не совершаемое и совершенное им речевое действие, ср.: *I accept your offer* — перформативное употребление; *We are accepting your offer* = 'собираемся принять'.

Итак, перформатив — это с точки зрения времени действие, одновременное с МР, а с точки зрения вида — действие, начавшееся и завершившееся в МР (а именно на интервале, занимаемом речевым актом). Завершенное значение НСВ возможно не только у перформативных глаголов; у неперформативных глаголов это значение возникает при диалогическом режиме лишь в контексте специальной — динамической — речевой ситуации.

III. В заключение — несколько общих соображений:

1. Понятие МР, которое обычно фигурирует как неразложимое, оказывается, полезно понимать буквально — как момент (или интервал), занимаемый речевым действием; именно на этом пути возможен адекватный анализ видового значения перформативов.

2. Противопоставление включенного и объемлющего времени оказалось важно не только для семантики временных адverbials, но и для семантики видовой формы.

3. Понятие точки отсчета, в частности противопоставление синхронной и ретроспективной позиции наблюдателя, которое ранее дало возможность адекватно описать различие между актуально-длительным и общефактическим значением НСВ, получает дальнейшее развитие: синхронная

точка отсчета дает разный эффект в зависимости от того, в какой интервал помещен наблюдатель — во включенный или в объемлющий.

4. Предложенный анализ "перформативного" значения НСВ продвигает нас в понимании семантики настоящего нарративного (исторического). В частности, получает объяснение различие между настоящим и прошедшим нарративным, состоящее в том, что прошедшее нарративное имеет обычное актуально-длительное значение вида, а настоящее нарративное — синхронное завершенное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3.
2. Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.
3. Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видов-временных форм // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
4. Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 5.
5. Падучева Е.В. К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: система и функционирование. М., 1988.
6. Падучева Е.В. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3.
7. Austin J. How to do things with words. Oxford, 1962.
8. Leech G. Meaning and the English verb. L., 1971.

В.И. Подлесская

НЕПРЯМЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ И ИХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ

1. Во многих языках глаголы речи могут наряду с локутивным компонентом значения (а иногда и вместо него) приобретать ментальный, эмотивный или волитивный компоненты (см., например, [2]). Приведем примеры непрямого употребления русских глаголов *говорить* и *сказать*: *говорит об X* (= свидетельствует об X); *не говоря (уже) об X* (= тем более X); *скажем, X* (= например, X); *и не говори* (= согласие); *скажешь тоже* (= несогласие); *что ни говори* (говорящий знает, что возможны другие мнения, но отстаивает свое); *скажите, пожалуйста!* (= удивление или возмущение); *(ну) как скажешь* (= согласие исполнить волю адресата); *как сказать* (= сомнение) и пр.

2. Непрямые употребления имеют тенденцию к идиоматизации, что проявляется прежде всего в жестких грамматических ограничениях на их употребление:

1) выбор фиксированной грамматической формы глагола, в том числе инфинитива: *честно сказать, сказать по секрету*; деепричастия наст. времени: *строго говоря, между нами говоря*; императива: *скажи на милость* и пр.;

2) запрет на некоторые синтаксические позиции. Так, некоторые не прямые употребления глаголов речи возможны только в парентетической функции и невозможны в изолированной позиции (например, в составе ответной реплики): *Он мог бы выехать, скажем/допустим, завтра, но Он мог бы выехать завтра.* — *Ну, допустим** *Ну, скажем.* Другие, наоборот, в парентетической позиции невозможны, но могут выступать изолированно: *Он уже не вернется* — *Ну, это как сказать/не скажи, но *Он уже как сказать/не скажи не вернется;*

3) запрет на некоторые синтаксические преобразования, например на отрицание или на снятие отрицания (см., например, [1]): *Он был смелым человеком?* — *Я бы не сказал** *Я бы сказал; Скажи (*не скажи), он здорово играет.*

3. Сведения о возможных не прямых употреблениях локутивных глаголов представляют собой индивидуальную словарную информацию. Это хорошо видно, если сравнить возможности взаимозамены глаголов *говорить* и *сказать* в не прямом употреблении:

1) инфинитив глагола *сказать* может быть синонимичен деепричастию наст. времени глагола *говорить*, например: *по правде говоря* — *по правде сказать*; *честно говоря* — *честно сказать*; *точнее говоря* — *точнее сказать*; *проще говоря* — *проще сказать* и т.д. Однако такие синонимические замены допускаются в строго индивидуальном порядке: *между нами говоря* — **между нами сказать*; *строго говоря* — **строго сказать*; *короче говоря* — **короче сказать*. Кроме того, в тех случаях, когда такие замены возможны, конструкции со *сказать* оказываются, как правило, стилистически более сниженными;

2) менее распространены синонимические или почти синонимические замены одноименных грамматических форм глаголов *говорить* и *сказать*. Например, свое сомнение или несогласие можно выразить с помощью императивов: *Ну, не говори!* — или менее литературным *Ну, не скажи!* Интересно, что простой сменой интонации можно заменить значение на прямо противоположное и выразить полное согласие: *И не говори!* Но в этом значении замена на *не скажи* невозможна.

4. Глаголы речи могут использоваться для оценки адекватности той или иной номинации. Таковы парентетические конструкции *можно сказать*, *так сказать*, *грубо говоря*, *собственно говоря* и т.д. К этому же классу относятся конструкции, обозначающие приблизительную адекватность номинации, ср.: *Не сказать, чтобы красавица, но очень симпатичная* и *Она очень симпатичная, чтобы не сказать красавица*. В первом случае адекватность номинации *красавица* рассматривается по отношению к самому объекту, во втором случае оценивается уместность этой номинации в имеющемся прагматическом контексте.

5. Если в тексте имеется более одной номинации некоторого объекта или ситуации, то с помощью глагола речи может быть установлена отнесенность разных номинаций к одному и тому же объекту: *Это был он, вне всяких сомнений. В сумраке в высоте надо мною оказалось лицо с властным носом и разметанными бровями... Берет был заломлен лихо на*

ухо. Пера, правда, не было. К о р о ч е г о в о р я , передо мною стоял Мефистофель; Читая рассказ, в котором был описан некий журналист (рассказ назывался "Жилец по ордеру"), я узнал продранный диван с выскочившей наружу пружиной, промокашку на столе... И н а ч е г о в о р я , в рассказе был описан... я! Брюки те же самые, втянутая в плечи голова и волчьи глаза... Ну, я, о д н и м с л о в о м . Отнесенность разных номинаций к одному и тому же объекту может выражаться, как видим, не только локутивными глаголами, но и другими единицами локутивным значением: такими, например, как *одним словом, другим словами* и, наконец, выражениями типа *словно*, которые используются для обозначения подобия в сравнительных конструкциях.

6. Способность глаголов речи описывать эквивалентность различных номинаций объясняет следующую универсальную особенность их грамматикализации: во многих языках на базе глаголов речи возникают конструкции, которые обозначают тождество объектов, и в частности анафорические выражения. Примером могут служить японские анафорические местоимения из трехчленного ряда *koouu*, *soouu*, *aauii* 'такой', состоящие из компонента с индикативным значением (*ko*, *soo* или *aa* — в зависимости от характера соотносительности с одним из участников речевого акта) и глагола *uii* 'говорить, называть': *koouuii* 'обладающий свойствами, о которых, по мнению говорящего, слушающему до сих пор не было известно', *aauii* 'обладающий свойствами, о которых, по мнению говорящего, слушающему уже известно', *soouuii* 'обладающий свойствами, об известности которых ничего не сообщается'.

Еще один пример грамматикализации локутивного глагола — японская конструкция *X to uiu Y* 'некий Y, а именно X', где *to* — цитационный (изъяснительный) союз, а *uiu* — локутивный глагол 'говорить, называть'. В позиции X могут выступать как именные, так и предикативные группы*.

- ср.:
(1)	<i>Nakamura</i>	<i>to</i>	<i>yu-u</i>	<i>kata</i>
	Накамура	что	сказать — PRES	особа
	'Особа по имени Накамура'.			
(2)	<i>Chikyuu</i>	<i>ga</i>	<i>dandan</i>	<i>atatamat-tei-ru</i>
	земной шар	SUBJ	постепенно	нагреваться —
				PROGR — PRES
	<i>to</i>	<i>yu-u</i>	<i>genshoo</i>	
	что	сказать — PRES	явление	
	'Явление постепенного нагревания земного шара'.			

Степень грамматикализации локутивного глагола в составе конструкции *X to uiu Y* ниже, чем в составе анафорических местоимений типа *koouuii*, поскольку местоимение является цельнооформленной лексемой, а внутри конструкции (между союзом и глаголом) допускается употребление

* См. сокращения: ADV — наречие; PRES — настоящее-будущее время; PROGR — длительный вид; SUBJ — подлежащее; SUBST — субстантиватор; TOP — топик.

которые были для нее необходимы. Поскольку выбор при этом был ограничен только тем, что имелось в языке, то в определенной мере и язык принимал участие в становлении науки.

Во-вторых, греческий язык был не только языком, на базе которого сформировался язык европейской науки. Выполнив таким образом свою историческую миссию, он остался одной из констант европейской науки и культуры в целом. Перейдя из языка "живого" (т.е. основного языка общения определенного социума) в язык "мертвый" (язык культурной традиции), греческий язык продолжает — уже в иной форме — присутствовать в развитии научной мысли. При этом оказывается, что термин греческого происхождения обладает своеобразной памятью, которая может стать предметом актуализации в ходе развития науки. Судьба слова и термина *rhêma* подтверждает это.

Существительное *rhêma*, производное от глагола речи *éirō*, первоначально функционировало наряду с другими обозначениями высказывания/высказываемого (*épos, mûthos, lógos* и др.). Такая ситуация отмечается в ранней лирике (Архилох, Симонид, Пиндар). Тот факт, что *rhêma* отсутствует у Гомера, еще не говорит о том, что слово в то время не существовало: известно, что лексика Гомера достаточно избирательна, поэт явно избегал некоторых слов, хотя по косвенным данным можно установить, что он знал их. Скорее всего, *rhêma* как слово местное, ионийское [2, 224] и к тому же относительно новое не соответствовало стандарту высокой архаики традиционного эпоса. Слово *lógos* как очевидный неологизм также не очень подходило к эпическому контексту, но все же два раза засвидетельствовано у Гомера.

Появление ионийской научной прозы означало и слом традиционного языкового стандарта. Ярким симптомом этого была экспансия слова *lógos*: в сочинении Геродота, по объему сопоставимом с эпосом Гомера, это слово употреблено уже 447 раз (это больше, чем все остальные обозначения высказывания/высказываемого, вместе взятые). Экспансия новых форм знания была одновременно и экспансией новых языковых средств.

В новой языковой и культурной ситуации возникла потребность в дифференциации множества синонимов, обозначавших речь/высказывание. Обозначением минимального осмысленного речевого отрезка было чрезвычайно архаичное и устойчивое существительное *ónoma*, обозначавшее, начиная с досократической философии, не только собственное имя, но и лексему вообще [4, 84]¹. Обозначение же цельного высказывания все больше закреплялось за словом *lógos*: во-первых, потому, что *légō*, от которого оно было образовано, стало в это время самым частотным глаголом речи в той диалектной области, где и формировалась главным образом греческая наука; во-вторых, потому, что в смысловой структуре слова *lógos* изначально присутствовал компонент осмысленности (а не только фонации/произнесения), т.е. это было не только нечто высказываемое, но и более или менее целостное в смысловом отношении. Слова

¹ Ср. еще у Платона в "Протагоре", где Продик говорит, что Пяттак как лесбосец не умел правильно "различать слова" (*onómata... diaireîn*) и потому неверно формулировал мысль (341c).

épos и *mûthos* специализировались как обозначения особых типов высказываний и речевых структур: легенды, фабулы (*mûthos*), поэтической строки, поэтического повествования (*épos*). Слово *rhêma* оказалось в небольшом пространстве между *ónoma* и *lógos* и могло обозначать словосочетание², однако это промежуточное положение было достаточно неустойчивым; кроме того, в функции обозначения словосочетания могло выступать и слово *épos*. Давление слова *lógos* означало, что *rhêma* со временем просто могло исчезнуть как ненужный дублет. Но этого не произошло.

У Платона впервые зафиксировано словосочетание *ónómata kai rhêmata*. Был ли сам Платон его создателем или же он воспользовался уже готовым клише, сказать трудно. Во всяком случае, не позднее этого момента слово *rhêma*, опустившись на низший уровень и встав вровень с *ónoma*, обрело новые возможности. Они опять-таки были подсказаны структурой языка: существительное *ónoma* явно связывалось с процедурой именованя (соответствующий глагол *onomázō* засвидетельствован уже у Гомера). *Rhêma* же, как производное от глагола речи, естественно связывалось с сообщением [1, 369]³. Поэтому когда Платон указывает, что высказывание (*lógos*) появляется тогда, когда говорящий не только именуется (*onomázei*), но и сообщает нечто по поводу того, что обозначается именем ("Софист" 262d, 263b), то тем самым четко обозначается ниша для *rhêma*: обозначение второго наряду с *ónoma* необходимого компонента высказывания. У Платона *ónoma* характеризуется как обозначение деятеля, *rhêma* — действия ("Софист" 262a), однако трудно сказать, какое это деление, грамматическое или логическое: скорее всего, еще ни то ни другое или же и то и другое [4, 84].

У Аристотеля мы находим более подробную характеристику терминов *ónoma* и *rhêma*. Принято переводить *rhêma* у Аристотеля как глагол, но тогда совершенно непонятно, как среди "глаголов" у него оказывается прилагательное *leukós* 'белый' ("Об истолковании" 20b1—2). Не совсем ясно и то, что понимает Аристотель под временем, являющимся, по его определению, признаком, отличающим *rhêma* от *ónoma*: скорее не столько грамматическую категорию времени, сколько дейктическую соотношенность с ходом реальных событий. Следует также обратить внимание на то, что *rhêma* у Аристотеля — "всегда знак высказанного (*tōn legoménōn*) об ином" ("Об истолковании" 16b 10—11), определение, явно преемственное по отношению к Платону.

Поэтому трудно не согласиться с тем, что, как бы мы ни переводили термины *ónoma* и *rhêma* у Аристотеля, "перевод будет неизбежно разрушать представления Аристотеля и насильственно втискивать их в новую и чуждую терминологическую структуру" [3, 39]. Аристотель, используя вслед за Платоном пару терминов *ónoma* и *rhêma*, опирается на

² Так у Платона в "Кратиле", где словом *rhêma* названо словосочетание *Dii phílos* 'милый Зевсу'.

³ Ср. "Кратил" 425a, где *ónoma* соотносится с искусством именованя (*onomastiké*), а *rhêma* — речи (*rhētoriké*).

еще во многом интуитивное различие, в котором нет позднейшей дифференциации. Зарождающаяся наука следует за логикой носителя языка, для которого наиболее важными являются коммуникативно-функциональные, а не формальные различия. Поэтому и выделяются прежде всего элементы высказывания. А затем следуют логические различия (Аристотель и начинает выстраивать, опираясь на коммуникативные структуры, теорию предикации) и различия формально-грамматические (у стойков и грамматистов). Так *rhêma* становится в лингвистическом контексте термином, обозначающим глагол.

Таким образом, развитие семантики слова *rhêma* было предопределено, с одной стороны, семантическими структурами языка, с другой стороны, позицией носителя языка, обладающего определенными донаучными знаниями о языке ("народное языкознание"). Становление и развитие науки привело к тому, что понимание языковых явлений все больше отдалялось от представлений носителя языка. Понимание первоначальных семантических связей было затемнено в западноевропейском языкознании и переходом на латинскую терминологию: *verbum*, использованное для передачи термина *rhêma*, изначально соотносилось скорее с греческим *lógos*. Только на рубеже нашего века языкознание столкнулось с необходимостью снова приблизиться к позиции носителя языка и коммуникативно-функциональным структурам. Возрождение — уже в новом качестве — термина "рема" оказывается одновременно возвращением к истокам европейского языкознания. Наука о языке, завершив словесно-грамматический цикл своего развития, опять рассматривает высказывание как исходный пункт осмысления языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Borsche T. Name: I. Antike // *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Basel; Stuttgart, 1984. Bd. 6.
2. Fournier H. Les verbes "dire" en grec ancien. P., 1946.
3. Hovdhaugen E. *Foundations of Western linguistics*. Oslo, 1984.
4. Pfeiffer R. *Geschichte der klassischen Philologie von den Anfängen bis zum Ende des Hellenismus*. München, 1978.

СЕМАНТИКА РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ *

Описывая осуществленный другим лицом речевой акт (РА), говорящий далеко не всегда может претендовать на роль беспристрастного репортера; часто он вносит в свое описание ту или иную интерпретацию скрытых намерений субъекта РА, дает оценку уместности данного речевого действия или его содержания. То, как РА видится и описывается "со стороны", может совсем не совпадать с тем, как субъект РА видит (или хочет представить) его "изнутри".

Как правило, о п и с а н и е речевых действий ведется именно "со стороны". Субъект РА не описывает этот РА, он его п р о и з в о д и т (разумеется, впоследствии он может дать описание РА, но такое описание уже будет производиться более или менее "со стороны" — парадоксально и самоубийственно сказать *Я лгу*, но вполне возможно задним числом признаться: *Я (тогда) солгал*). Толкования языковых средств описания РА, в первую очередь глаголов речи, должны предусматривать интерпретативный компонент. В этом смысле толкования глаголов речи от лица субъекта РА (в духе известной книги А. Вежбицкой [12]), сколь бы они ни были проникательны, часто оказываются недостаточными. В некоторых случаях сама А. Вежбицкая признает это, допуская введение в толкование некоторых глаголов речи другого "я" — интерпретатора, отличного от субъекта РА (ср. ее комментарии по поводу глагола *rag* [там же, 145]). Попытка сохранить единое "1-е лицо", совпадающее с субъектом РА, введя в иллокутивную структуру таких, например, глаголов, как *inform on*, *rag* или *lecture₂*, "самокритичные компоненты" типа "Я знаю, что люди подумают нечто плохое о человеке, который говорит такие вещи" или "Я допускаю, что говорить подобные вещи в такой манере — это плохо", не всегда приводит к интуитивно удовлетворительным результатам, иногда вступая в противоречие с другими компонентами толкований. Так, в *inform on* компонент "Я полагаю, что мне с л е д у е т сообщить вам об этом" вызывает представление о д о л ж н о м и не вполне вяжется с характерным для "доносителя" стремлением избежать огласки, основанном на осознании того, что по крайней мере в глазах других людей (а

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-10941: "Логический анализ языка..."

иногда, как следует из комментариев А. Вежибицкой, и в глазах самого субъекта) такая деятельность является достаточно неблагоприятной.

Существенно при этом, что компонент типа "Я допускаю, что я поступаю плохо", вообще говоря, может быть необходимым элементом толкования некоторых выражений, описывающих собственный РА (в частности, оценочный). Таков, например, русский глагол *грешить* (на) в 1 л. ед. ч., второе значение которого толкуется в словаре [10] как "без основания дурно думать о ком-н., возводить напраслину на кого-н." (более точно было бы: "без достаточных оснований думать... сознавая, что это плохо", или, в духе Вежибицкой: *Я грешу на X* ≈ "Я не знаю, кто совершил плохой поступок, о котором идет речь; Я думаю, я могу сказать: это сделал — X; Я сознаю, что я поступаю плохо"). Понятно, что высказывания типа *Я грешу на Ваню* должны описываться принципиально иначе, чем высказывания, содержащие глаголы типа *донести на*, *выдать* или *настучать* (в толковании [8]: "сделать донос"), которые, вообще говоря, могут описывать ровно ту же речевую деятельность (только извне), какую описывают (изнутри) глаголы типа *изобличить*, *разоблачить*, *сигнализировать*, *дать материал на...*, *сообщить куда следует* и т.п. (сами же оригинальные РА могли бы использовать перформативы типа *Довожу до Вашего сведения...*; *Считаю своим долгом информировать Вас...* и под.)¹.

Ограничения возможности выбора внутренней перспективы при толковании РА, в частности, и возможности перформативного употребления глаголов связаны не только с пейоративным характером соответствующих предикатов. Употребление выражения *свалить* (вину) на..., уместное при описании чужого поступка (*Володя разбил в гостях чашку, а свалил это на другого мальчика*), в перформативном употреблении (**Я сваливаю вину за это на...*) — пример иллюкутивного самоубийства. Но точно таким же иллюкутивным самоубийством было бы, скажем, перформативное употребление выражения *выгораживать* (кого-л.), *бегать вину на себя*, относящегося, так сказать, к благородным поступкам.

В различных описаниях РА удельный вес интерпретации может быть различным. Описывая некоторое высказывание как похвалу, мы в меньшей степени вводим в описание собственную интерпретацию, чем

¹ Небезынтересны слова, которые находит лояльная дочь Русанова (персонажа повести А. Солженицына "Раковый корпус"), чтобы утешить его в связи с опасением, что начавшийся "чуть ли не массовый пересмотр судебных дел" может привести к ответственности "за... ну, неправильные показания" (звфемизм вм. "ложные показания"): "Да вообще как можно ворошить этот ад, не подумав о людях, кто тогда *работал*... И тебя здесь ничто не должно смутить!.. Вот хочешь, я скажу тебе, как понимаю: тот, кто идет и *сигнализирует* — это передовой, сознательный человек! Он движим лучшими чувствами к своему обществу, и народ это ценит и понимает. В отдельных случаях такой человек может и ошибиться. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Обычно же он руководствуется своим классовым чутьем — а оно никогда не подведет". Здесь релевантны следующие соображения А. Вежибицкой: "Нередко трудно разграничить моральные суждения, широко принятые в данном обществе, но (еще) не нашедшие отражения в языке, и те суждения, которые уже вошли в значения слов; требуются дальнейшие исследования, чтобы были выработаны подходящие критерии для решения соответствующих проблем" [12, 385]

когда мы описываем это же высказывание как, скажем, расхваливание. Именно наличие сильного интерпретативного компонента препятствует перформативному употреблению многих глагольных выражений. При этом неспособными к перформативному употреблению оказываются не только подрывающие иллокутивную цель РА "самоубийственные" выражения, описанные Э. Вендлером [2], но и те выражения, интерпретативный компонент которых, казалось бы, только подкрепляет иллокутивные намерения. Нельзя сказать не только *I insinuate; *I allege that; **Я ошибочно утверждаю, что...*; **Я неискренне извиняюсь*, но и **Справедливо замечу, что...* Поэтому аномальным является предложение, по иронии судьбы встретившееся в сборнике, посвященном теории речевых актов: *По поводу этого высказывания мы склонны прежде всего, и притом справедливо, заметить, что...* [7, 136].

Менее всего интерпретативный компонент проявляется в тех случаях, когда говорящий, описывая РА другого лица, избирает стратегию "беспристрастного репортажа", своего рода репортажа *de dicto*, стремясь буквально передать все, "как было сказано". Собственную интерпретацию он вводит в описание в той мере, в какой избирает стратегию репортажа *de re*, претендуя на раскрытие того, что субъект РА имел в виду "на самом деле". Можно сказать, что сами названия *de dicto* и *de re* оказываются как бы вводящими в заблуждение: выбирая стратегию *de dicto*, говорящий стремится передать то, что в действительности сказано другим лицом; при стратегии *de re* он передает свое видение чужого РА.

Особенно существенно отличать "беспристрастный репортаж" *de dicto* от пристрастной интерпретации *de re* в тех случаях, когда в описании РА содержится оценка. Чтобы правильно понять такое описание, необходимо установить, кому принадлежит оценка: говорящему-интерпретатору или субъекту РА. Далее мы рассмотрим ряд русских предикатов, используемых для описания РА и дающих оценку другим лиц или их действий.

Одна из наиболее интересных для нашей темы групп — глаголы *обвинять*, *осуждать*, *винить*, *упрекать*, *попрекать*. Эти глаголы получают в словарях, по существу, тождественное толкование. Однако, несмотря на их несомненную близость, это явно не синонимы.

Начнем с наиболее ясного (во всяком случае, на первый взгляд) различия между предикатами *обвинить/обвинять* и *осудить/осуждать*. И тот и другой предикат связан с идеей ответственности лица за некоторый предосудительный поступок (поведение, свойство). Но иллокутивные цели соответствующих РА различны. В случае обвинения в намерения говорящего входит сообщение о том, что некто совершил некий поступок, а предосудительность этого поступка подается как нечто само собой разумеющееся. В случае осуждения данным, известным полагается определенное деяние, а сообщается о том (входит в утверждение то), что деяние является, с точки зрения иллокутивного агента, предосудительным. Иными словами, различие между *обвинить/обвинять* и *осудить/осуждать* состоит, в частности, в различном распределении асертции и пре-суппозиции (ср. проведенный Ч. Филлмором анализ глаголов *accuse* и *criticize* [11]). С этим связан ряд более или менее специфичных для данной

пары глаголов особенностей. К тривиальным следствиям названного различия относится их различное поведение в отрицательных и вопросительных предложениях, ср.: *Я не обвинял Ивана во лжи* (предсудительность лжи не отрицается; отрицается лишь факт, что говорящий делал соответствующее утверждение) и *Я не осуждаю Ивана за ложь* (тот факт, что Иван солгал, не отрицается, а говорящий отрицает, что считает это предсудительным, скажем, исходя из того, что это была ложь во спасение).

С обсуждаемыми особенностями коммуникативной структуры глаголов *осуждать* и *обвинять* связано и представление об определенных моральных полномочиях осуждающего. Действительно, обвиняющий берет на себя ответственность за сведения, касающиеся фактического положения дел (а знать факты имеет право каждый); что же касается не входящей в ассерцию оценки, то здесь субъект лишь исходит из общепринятых представлений. Напротив, осуждающий, исходя из некоторого всем известного положения дел, берет на себя смелость выносить вердикт о его предсудительности. Именно этим можно объяснить различную интерпретацию модальных глаголов в сочетании с *обвинить* / *обвинять* и с *осудить* / *осуждать*: *Ты не можешь обвинить меня в трусости* — объективная, алетическая модальность; *Ты не можешь осуждать его за трусость* — деонтическая модальность ($\approx$ не имеешь права). Ср. также большую естественность: *Мы не должны осуждать его за этот поступок* по сравнению с *Мы не должны обвинять его в трусости* (здесь уместнее: *Его нельзя обвинить в трусости*).

Более внимательное рассмотрение предиката *обвинить* / *обвинять* позволяет выделить два типа его употребления: *обвинить Y-a в Z-e* может означать утверждение, что *Y* совершил действие *Z* (считается заранее известным, что *Z* плохо), или утверждение, что действие *V* (про которое заранее известно, что *Y* совершил *V*) явилось проявлением свойства *Z* (считается, что *Z* плохо). В первом случае обвинение чисто фактическое и верифицируемое, во втором — касается трактовки субъектом некоторой заданной ситуации. Назовем первый тип употребления *обвинить*₁, а второй — *обвинить*₂. Иногда сочетания с предикатом *обвинить* понимаются однозначно (ср.: *Обвинил Ивана в том, что он взял книгу и не отдает* — понимание *обвинить*₁); иногда оказываются двусмысленными (*обвинил Ивана в трусости* — то ли приписал Ивану поступок, который всеми обычно расценивается как трусливый, то ли поступок, заведомо совершенный Иваном, охарактеризовал как проявление трусости). Обвинения₁ могут быть ложными и бездоказательными, обвинения₂ — незаслуженными или несправедливыми.

Характерно также различие интерпретации сочетаний глаголов *обвинять* и *осуждать* с наречиями *напрасно* и *зря*: если *напрасно обвинять*₁ значит 'возводить напраслину' (ср.: *Ты напрасно обвиняешь его в том, что он замешан в этом деле, он тут совершенно ни при чем, это доказано*; *Ты напрасно обвиняешь ее в плагиате: когда вышла эта статья, ее книга уже была в издательстве*), то в сочетаниях *напрасно с*

осуждать (как и с обвинять₂) наречие означает что-то вроде 'ты не прав, ты не знаешь всех обстоятельств дела' или просто 'Я считаю иначе' (при этом пресуппозиция фактивности осуждаемого поступка сохраняется).

Когда соответствующий РА описывается "со стороны", при описании de dicto указанные пресуппозиции принадлежат субъекту РА и могут не разделяться говорящим (т.е. они не являются пресуппозициями в собственном смысле слова). Ср. у Л. Карсавина: *Всякую метафизику обвиняют в "оптимизме", в том, что она недооценивает "трагизма" жизни. — Наивные обвинения и смешные слова: "оптимизм", "пессимизм"! Нет, лучше, достойнее — "быть пессимистом" в самой жизни, в метафизике же — "быть оптимистом". К тому же здесь и нельзя им не быть.* Ясно, что Карсавин не разделяет отрицательной оценки оптимизма в метафизике, и тем самым ее нельзя считать подлинной пресуппозицией. Напротив, при интерпретации de re говорящий "навязывает" пресуппозицию, которую, возможно, никак не разделял субъект РА. Ср. при отрицании: *[Депутаты] не осуждают ни нарушения законов и прав граждан со стороны съезда и Верховного Совета, ни наглые провокации национал-коммунистов, ни хамство собственных лидеров (газета "Известия").* В соответствии с семантической структурой глагола осуждать данное предложение должно было бы означать, что, подвергая сомнению то, что имеют место "нарушения законов и прав", "наглые провокации", "хамство", депутаты отказываются признать, что это плохо. Сами депутаты, скорее всего, не согласились бы с такой трактовкой. Естественно ожидать, что они отрицательно относятся к нарушению законов и хамству, но не согласны с тем, что все это имеет место в действительности.

Тем не менее, как уже говорилось, характеристика РА как осуждения в большей степени связана с представлением о моральных полномочиях субъекта, чем интерпретация его как обвинения. Ведь обвиняющий квалифицирует конкретный поступок в соответствии с принятой шкалой оценок, тогда как осуждающий, вынося вердикт о предосудительности поступка, претендует на установление самой шкалы оценок (ср. [1]).

Перейдем к глаголу *винить*, который в словарях обычно подается как абсолютный синоним глагола *обвинять* — иногда эксплицитно [6], а иногда это можно установить, проанализировав словарные дефиниции (ср. [8]). *Винить* и *обвинять* действительно довольно близки, но в большинстве контекстов не взаимозаменяемы. Так, можно *обвинять в убийстве*, но нельзя *обвинять в самоубийстве*; напротив, можно *винить X-а в самоубийстве Y-а* (например, Агранова или НКВД в самоубийстве Маяковского), но *винить в убийстве* (^{?X винит Y-а в убийстве Z-а}) звучит несколько странно; естественно *обвинять кого-то в поджоге* (например, коммунистов в поджоге рейхстага), но *винить кого-то* или *что-то* (например, *небрежность сторожа в пожаре* (а не наоборот) и т.д.

Содержанием обвинения (как и осуждения) может быть только действие или поведение, за которое обвиняемое (или осуждаемое) лицо может нести ответственность. Употребление глагола *винить* таких ограничений

не знает (с этим связано и то, что винить в чем-то можно не только лицо, но и обстоятельства).

Обвиняя кого-либо в неблагоприятных действиях, мы утверждаем, что этот человек совершил рассматриваемые действия; *винить* же в тех или иных неблагоприятных обстоятельствах можно любого человека, которого мы считаем лишь косвенным виновником этих обстоятельств. *Обвиняют* в чем-то предосудительном, *винят* в чем-то неблагоприятном. Поэтому можно *обвинять во всех грехах*, но *винить во всех несчастьях*.

Отрицательная оценка ситуации, в которой кого-то или что-то *винят*, является пресуппозицией высказываний, содержащих этот глагол, что объединяет его с глаголом *обвинять*. Но в отличие от последнего *винить* предполагает и наличие самой этой ситуации, что роднит его с глаголом *осуждать*. Иными словами, если *обвинить X-а в Z-е* — значит приписать X-у поступок или свойство, причем это может быть проверено и оспорено (Z может вообще не иметь места), то *винить X-а в P* — значит найти причину (виновника) заведомо имеющей место ситуации P.

Данный смысл может выражаться в русском языке перифрастически: *возложить/возлагать вину за P на X-а*. Это выражение отличается от *винить* характером коммуникативной ситуации, в которой могут быть произведены PA, способные описываться соответствующими дескриптивными глаголами. *Возложить/возлагать вину на...* способно употребляться перформативно и является официальной формулой для совершения акта возложения вины. Близки к перформативному употреблению и такие формулы, как *Вина за эти события ложится на...* и под. Если субъект PA употребил такое (или подобное) выражение в своем высказывании, то при его описании естественно использовать прямую (нейнтерпретирующую, таксономическую) номинацию соответствующего акта.

Наряду с рассмотренным значением глагола *винить* (назовем его *винить₁*) можно выделить специальный тип употребления (в дальнейшем — *винить₂*). Соотношение между ними соответствует соотношению между только что упомянутым выражением *возложить вину за P на Y-а* (отвечающим на вопрос, кто является виновником рассматриваемой ситуации P) и другим аналитическим выражением — *поставить Y-у P в вину* (отвечающим на вопрос, как расценивать действия лица, причастность которого к данной ситуации P уже не обсуждается).

Винить₂, соответствующее последнему выражению, всегда занимает позицию синтаксической ударности и описывает оценочное суждение "изнутри". Поэтому он часто употребляется в форме 1-го лица (но не перформативно). Объект *винить₂* — всегда лицо; типичная ситуация употребления: когда X имеет основание *винить₁* Y-а в нежелательной (более того, чаще всего причинившей X-у горе) ситуации P, он может великодушно найти оправдывающие Y-а обстоятельства, и это описывается словами X *не винит₂* Y-а (поэтому *винить₂* обычно употребляется с отрицанием). Характерные примеры: ... *а нынче — Боже! — стынет кровь, Как только вспомню взгляд холодный И эту проповедь... Но вас Я не виною: в тот страшный час Вы поступили*

благородно... (Пушкин); Я думала, что все вы только послушны дракону... А вы, друзья мои, тоже, оказывается, разбойники. Я не виню вас, вы сами этого не замечаете (Е. Шварц).

Сопоставляя акты, обозначаемые соответственно как осудить/осуждать, обвинить/обвинять_{1,2} и винить, можно видеть, что обвиняют людей, осуждают поступки, винят обстоятельства. Иными словами, как уже говорилось, обвинить₁ *Y-a* в *Z-e* — значит просто утверждать "Y сделал Z" (известно, что Z дурно); обвинить₂ *Y-a* в *Z-e* — значит утверждать, что Y обладает (заведомо дурным) свойством Z (которое и явилось причиной поступка V); но осудить *Y-a* за Z или, что то же, осудить Z (где Z — поступок или свойство Y-a) — значит сказать "Z плохо"; а винить *Y-a* в P или, более эксплицитно, винить Z (где Z — свойство Y-a) в P — значит сказать: "Причиной (неблагоприятной ситуации) P явилось Z". Таким образом, если обвинять₂ — значит на основе предположений о каузальных связях приписывать "обвиняемому" некоторую дурную характеристику, то винить₁ — значит на основе знаний о ситуации и характеристиках ее участников устанавливать каузальные связи.

Отметим также, что обвинить/обвинять всегда описывает именно РА, тогда как осуждать и винить, так же и как и грешить на..., могут описывать внутреннее состояние субъекта, которое он не воплощал в слова². Это, конечно, не случайно. Осуждая или виня, мы формируем суждение, греша на кого-то — делаем предположение. Соответствующее суждение или предположение можно и не высказывать, держать при себе. Обвиняя кого-либо, мы сообщаем другим то, в чем сами и так убеждены (или делаем вид, что убеждены); иными словами, речь идет о передаче информации, которой мы уже располагаем, и вне РА (акта передачи информации) обвинение вообще не может иметь места.

Предикаты, связанные с упреками и попреками, также всегда предполагают внешнюю выраженность соответствующих пропозициональных установок (причем — в случае упреков — необязательно с помощью сегментных вербальных средств) и в отличие от глаголов винить, осуждать и др. никогда не описывают неэкстериоризованное внутреннее состояние субъекта. Эти предикаты практически никогда не употребляются в 1 л. наст. вр. без отрицания³. Это связано с наличием сильного интерпретативного компонента в их семантике.

Упрекнуть/упрекать имеет в современном языке две основные модели управления: кого-л. за что-л. и в чем-л. В первом случае предикат сближается с осудить/осуждать, во втором — с обвинить/обвинять. Но полной синонимии нет ни в том, ни в другом случае.

Упрекая за что-то, субъект основывается на пресуппозиции, что

² Мы отвлекаемся от особого употребления обвинять, когда этот глагол используется для самообвинений: Он обвинял себя во многом. Во-первых, он уж был не прав, что над любовью робкой, нежной так подшутил сечор небрежно.

³ Исключением, как и в случае самообвинений, являются самоупреки, ср.: ... право, всякий день упрекал я себя в неизвинительной лени, всякий день собирался к вам писать и все не собрался (Пушкин).

соответствующая ситуация имеет место, как и в тех случаях, когда он *осуждает*; но в отличие от *осуждения* он не утверждает, что это плохо, а скорее напоминает это или косвенным образом указывает на это. Аналогично, *упрекая в чем-то*, субъект исходит из presupпозиции, что это плохо (как и в случае обвинения), но то, что соответствующая ситуация имеет место, является не ассерцией, а содержанием напоминания или косвенного указания. Именно эта "косвенность" "квазиассертивного компонента" отличает *упрекать* от *обвинять* и *осуждать*. *Упреки* часто могут выражаться тоном, взглядом, мимикой или даже молчанием (ср.: *В молчанье твоего ухода упрек невысказанный есть*). *Упрекнуть* — не столько *высказать упрек*, сколько *сказать нечто с упреком*. Директор не может **упрекнуть подчиненного в нарушении трудовой дисциплины*, точнее — прямое замечание директора не может быть описано как *упрек*. Типичная ситуация, когда высказываются *упреки*, — семейные сцены, выяснения отношений между близкими людьми, чаще всего они высказываются непосредственно тому, кого *упрекают* и имеют целью побудить адресата задуматься о своем поведении, пробудить угрызения совести. Непосредственная направленность на адресата — характерологическая, но необязательная (в отличие от *попреков*) черта *упреков*, ср.: *Его капризы, раздражительность, вечные упреки по адресу "общества потребления" иной раз смешат, а иной — сердят* (Н. Ильина).

Однако элемент косвенности присутствует всегда, и именно он является подрывающим фактором, препятствующим перформативному употреблению глагола *упрекать*. Напротив, с отрицанием этот глагол естественным образом употребляется в 1 л. наст. вр.: *Я не упрекаю Вас, но...*

Попреки обычно трактуются в словарях как разновидность *упреков*, ср.: "*Попрек* — неза заслуженное, необоснованное обвинение, высказанное обычно в резкой, придирчивой форме, попрекать указывает преимущ. на придирчивость, необоснованность упреков, обычно высказываемых неоднократно" [9, 620]. Разумеется, далеко не всякое необоснованное обвинение, в сколь бы резкой форме оно ни было высказано, далеко не всякий придирчивый упрек может быть назван *попреком*. Если говорить об иллокутивной цели, которую субъект хочет представить как мотив совершения данного РА, то он ближе всего к *упреку* в неблагодарности. Как и в случае упреков, *попрекающий* не утверждает ничего нового (в отличие от обвинения), он лишь напоминает о благодеяниях, которые оказывал или оказывает адресату речи, о проявленной некогда снисходительности, недостаточно оцениваемой адресатом: *Я тебя в люди вывел, а ты...* Однако если "упрекаемый" может в дальнейшем "исправиться", то "попрекаемый" лишен этой возможности, поскольку ситуация, которой попрекают адресата, никак им не контролируется; чаще всего она относится к тем аспектам прошлого, которое навсегда остается в досье "попрекаемого", ср.: *Вернись, а ты опять попрекать начнешь: "мы тебя приютили, мы тебя накормили, мы тебя напоили"* (Михалков); *Новая родня ей колет глаз попреком, что она мещанкой родилась* (И.А. Крылов). Подлинная цель попрека — "поставить адресата

на место", напомнить о его зависимом от субъекта РА положении, вызвать у него обиду или досаду, причем не для того, чтобы он исправился в будущем, а чтобы "чувствовал". Попрекать кого-либо, по общепринятому мнению, дурно, и поэтому говорящий не употребляет этот глагол не только в 1 л. наст. вр. (это, как и для *упрекать*, объясняется косвенностью "квазиассертивного компонента"), но и при описании уже имевших место РА: *Сын начал курить, и я сочла необходимым попрекнуть его тем, что он еще не зарабатывает денег*. Впрочем, для описания РА, совершенного прошлой "инстанцией" говорящего, который в момент совершения актуального РА раскаивается в прошлом РА и оценивает его как бы "со стороны", употребление глагола *попрекать* возможно: *Бывало, вернусь ночью домой из клуба пьяный, злой и давай твою покойную мать попрекать за расходы* (Чехов).

Обычно *попрекают* того, кто уже и так находится в униженном или зависимом положении, *попреки* делаются как бы "сверху вниз". Таким образом, семантика *попрека* вызывает представление об иерархическом статусе коммуникантов.

Статусные отношения в смысле работы [5] существенны и для предикатов *ругать* и *хвалить*, и для их производных. В случае когда соответствующие речевые акты адресуются объекту оценки, они не могут осуществляться "снизу вверх". Как отмечала Е.М. Вольф [3, 172], мать может сказать о ребенке (или начальник о подчиненном) *Он меня похвалил* разве что в шутку (наоборот, *льстить* не употребляется "сверху вниз"). Такие РА обычно преследуют цель воздействовать на адресата, поощрить его или доставить ему удовольствие (когда хвалят) или "воспитать" его, содействовать исправлению им своих недостатков. Неодушевленный объект при предикатах *хвалить* и *ругать* в таком понимании возможен лишь в том случае, когда этот объект создан в результате усилий адресата речи: *похвалить статью* (комплимент автору), *похвалить пирог* (комплимент хозяйке), но и в этом случае ограничения на иерархический статус коммуникантов остаются в силе. Сходные ограничения имеют место, когда речь идет о том, что кого-то *хвалят* (или *ругают*) в печати. В следующем примере из С. Довлатова комический эффект возникает именно из-за несоблюдения "статусных" ограничений РА, обозначаемого глаголом *похвалить*: «В заметке Лемкуса говорилось: "Как замечательно выразился Иисус Христос..." Далее следовала цитата из Нагорной проповеди. Так Лемкус похвалил способного автора».

Другой тип употребления предикатов *хвалить* и *ругать* относится к заочным отзывам (*хорошо/плохо отзываться о ком/чем-л.*). В этом случае нет ни ограничений на иерархический статус, ни требования одушевленности объекта. Можно *хвалить/ругать* нового начальника, закон о налогах, климат в Бразилии и т.п. Разумеется, соответствующие РА не могут преследовать "воспитательной" или "поощрительной" цели, их иллюкутивная цель — просто сообщение оценочной информации адресату речи (ср. [4]). Ср.: *Напрасно я расхваливал его статью — настроение у него так и не улучшилось* (адресат речи — автор статьи) и

Напрасно я расхваливал его статью — перечитав, я обнаружил в ней много неточностей (речь может идти и о заочном отзыве).

Описания оценочных РА во многом сходны с описанием мысленных оценок; часто один и тот же предикат может использоваться как в той, так и в другой функции. Но описание внутренних состояний не может вестись иначе как "изнутри", и, даже передавая их в 3-м лице, говорящий как бы становится на точку зрения субъекта состояния. В то же время, описывая тот или иной РА, говорящий может избрать одну из двух стратегий: 1) беспристрастно описать то, что было сказано или выражено в РА, максимально адекватно передать оценки субъекта РА, выбранные им номинации, непосредственно выраженную иллокутивную цель и т.д. (стратегия *de dicto*); 2) внести в описание собственную интерпретацию РА: добавить свои оценки, использовать свои номинации, обозначить непосредственно не выраженную в РА, но предполагаемую цель субъекта и т.д. (стратегия *de re*). При стратегии *de dicto* мы описываем РА как бы "изнутри", при стратегии *de re* — "извне". При стратегии *de dicto* неадекватность описания РА может быть связана с несовершенством репортера, при стратегии *de re* — с искажающим влиянием интерпретации.

Проведенные разграничения частично коррелируют с классификацией предикатов, обозначающих оценочные акты. Часть из них приспособлена для обозначения мысленной оценки (*винить, грешить на*); часть описывает РА *de dicto*, но способна выражать и мысленную оценку (*осуждать*); часть — всегда относится к РА, описываемым *de re* (*упрекать, попрекать, поливать грязью, льстить*).

Представляется, что предикаты, предназначенные для обозначения мысленных оценок и описания РА *de dicto*; целесообразно толковать в 1-м лице.

Действительно, никто не может описать РА *de dicto* лучше, нежели сам субъект РА (в еще большей мере это относится к мысленным оценкам). Репортажи "со стороны" адекватны лишь в меру проникновения репортера в речевые намерения субъекта. В этом отношении аргументы в пользу толкования предикатов речи "от 1-го лица" вполне убедительны [12]. Но предикаты, описывающие РА *de re*, должны, по-видимому, толковаться от лица интерпретатора — ведь они описывают РА так, как он может видаться другим. Трудности, с которыми сталкивается А. Вежбицкая, пытаясь сохранить для глаголов *say* или *inform* унифицированную форму толкования "от 1-го лица", чрезвычайно показательны. Для семантики таких предикатов ключевую роль играет различие позиций субъекта РА и говорящего, осуществляющего описание этого РА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
4. Йондич Б.Л. Словарная статья слова РУГАТЬ // Семиотика и информатика. М., 1991. Вып. 32.
5. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка М., 1989.

6. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
7. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
9. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1971. Т. 2.
10. Словарь языка А.С. Пушкина: В 4 т. М., 1956—1961.
11. Fillmore Ch.J. Verbs of judging: An exercise in semantic description // Studies in linguistic semantics. N.Y., etc., 1971.
12. Werzbička A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney, etc., 1987.

С.И. Гиндин

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И РЕЧЕВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Синтаксические средства и коммуникативные возможности речи, принципы организации сообщения как целого существенно зависят от того, в какой "фактуре" — устной или письменной — осуществляется речь (см., в частности, [2; 3]). А отражается ли различие двух форм речи в создаваемой языком картине мира?

Многообразие устной коммуникации представлено в языке богатейшим набором предикатов, описывающим и различные физические особенности звукоизвлечения (*говорить, кричать, шептать...*; *промямлить, гнуса-вить, буркнуть, проворковать...*), и многочисленные функционально-целевые разновидности высказывания (*спрашивать, восклицать, беседовать...*), и степень независимости и оригинальности данного речевого события по отношению к предшествующим (*договаривать, пересказывать...*).

Письменная коммуникация, как известно, не менее многообразна, а особых предикатов для описания письменных речевых действий на удивление мало. К примеру, в русском языке это лишь глагол (*на*)*писать*, его стилистические корреляты, разговорное *черкнуть* и просторечное *марать*, да их префиксальные дериваты, наиболее многочисленные у нейтрального предиката: *вписать, выписать, дописать, записать, надписать, переписать, подписать, приписать*. Легко видеть, что в отличие от предикатов устной речи все только что перечисленные глаголы не характеризуют ни физических особенностей процесса писания, ни функционально-целевых разновидностей письменного высказывания. Семантика названных дериватов отражает преимущественно факт зависимости вновь возникающего письменного высказывания от уже существующего (для *записать* — от устного высказывания или ментального объекта) и их пространственное взаиморасположение.

Как язык выходит из этого затруднения? Первый напрашивающийся выход — использовать средства, уже имеющиеся для описания устной речи. То что они применяются для другой цели, может быть специально оговорено с помощью слов типа *письменно, в письме, на бумаге: ... я письменно поговорил с Бальмонтом, с Курсинским, с Перцовым* (из письма В.Я. Брюсова к В.М. Фриче).

Переносное употребление глаголов устной речи для обозначения письменных речевых событий возможно и без таких лексических уточнений, когда широкий контекст не подсказывает "устной интерпретации", а грамматическая форма предиката сама по себе не типична для описания ситуаций устного говорения. Так, некоторые глаголы, главным образом общие (*говорить, сообщать, высказывать, утверждать*) и несколько частных (например, *доносить*), будучи употреблены в наст. времени несов. вида, воспринимаются как обозначающие письменное высказывание при условии, что в контексте нет дополнительных уточнений и поправок: *Гоголь говорит, что...; Рихард Зорге сообщает, что...; Отец Федор учит, что...* Но стоит появиться уточняющим словам со значением актуального настоящего времени или некоторого звукового процесса — и "письменная интерпретация" становится невозможной: *З в о н брегет им доносит...; С е й ч а с говорит Иванов...*

Ограничение наст. временем несов. вида существенно. Достаточно поставить глагол в прош. времени, как возможность однозначного восприятия описываемого высказывания как письменного пропадает. Фраза типа *Пушкин говорил, что слова поэта суть его дела* принципиально омонимична. Сделать при ее понимании правильный выбор может лишь тот, кто знает, что в сочинениях Пушкина подобной фразы нет и что она сохранилась в воспоминаниях именно об устном высказывании поэта [6, 216]. Без такой внеязыковой информации узнать, какая фактура речи была реально использована, невозможно: оппозиция "устно—письменно" оказывается нейтрализованной.

Из-за этой нейтрализации в коммуникативной практике возникают инциденты, подобные тому, что описан в воспоминаниях о Луначарском периода его отставки и опалы. Выступая как-то в Коммунистической академии, Луначарский заметил: "Владимир Ильич говорил..." Одна из аспиранток тут же с апломбом возразила: "Ленин этого не говорил", — имея в виду, что в сочинениях Ленина такого высказывания нет. Луначарский улыбнулся и ответил: "Вам, милая барышня, возможно, и не говорил, а мне говорил".

Итак, "своих" глаголов для обозначения различных письменных речевых действий явно недостаточно, а использование глаголов "устных" ведет либо к многословию, либо к опасной омонимии. Поэтому для описания письменных речевых событий язык все-таки создает особую подсистему, опирающуюся на одно из фундаментальных отличий письменной коммуникации.

В устной коммуникации совершаемое речевое действие является непосредственной чувственной данностью, а результат действия — высказывание — возникает и исчезает в ходе и по мере действия и неотделим от него. Вот почему в основу описания явлений устной коммуникации естественно положить квалификацию и классификацию именно речевых действий.

В письменной коммуникации речевое произведение становится сохраняемым и потому отделимым от процесса своего создания, от речевого действия. Создание и восприятие речи протекают чаще всего порознь; для читателя речевое действие перестает быть чувственной данностью, а для

пишущего может утрачивать жесткую отграниченность и выделимость. Свою определенность и безусловную данность речевое действие как бы отдает речевому произведению, и именно произведение, а не действие оказывается естественным центром описания письменного речевого события. Средством квалификации и классификации речевых произведений служит в языке подсистема названий речевых (или, по терминологии Г.О. Винокура, языковых) жанров, т.е. "устойчивых типов высказываний", характеризующихся определенным постоянством тематики, стиля и композиции [1], а также некоторой целевой константой — интенцией жанра¹.

Коль скоро за основу описания берется классификация произведений, а не действий, то для обозначения речевых событий и действий приходится использовать уже составное глагольно-именное наименование. На долю глагола в таком наименовании остается лишь отметка о письменном характере коммуникации — вот почему язык может обходиться глаголом *писать* и его немногочисленными производными: *писать статью, объявление, роман, поэму* и т.д.

Когда же письменный характер создаваемого произведения очевиден из названия речевого жанра, то и такое обобщенное указание в сказуемом становится избыточным и *писать* заменяется глаголами "порождения", не связанными по значению ни с письмом, ни вообще с коммуникацией: *сделать надпись; составить протокол; подготовить проект решения; поставить визу; наложить резолюцию*. Выбор того или иного "предиката порождения" достаточно предсказуем по типу создаваемого произведения и может быть описан своего рода лексической функцией *Scrib*, определенной на множестве названий речевых жанров (см. также примеры во втором столбце таблички на с. 62).

Использование для письменных речевых действий составных обозначений — удобное средство для разрешения регулярных видов омонимии, возникающих при отдельном употреблении предикатов и имен. Можно указать по крайней мере четыре вида такой омонимии.

Если предикат может обозначать и устное, и письменное речевое действие, то словосочетание закрепляется за письменным, а предикат за устным, ср.: *объявить* и *составить доклад*.

Если предикат может обозначать одновременно и ментальное действие, и речевое, то он закрепляется за ментальным, а для речевого строится глагольно-именное сочетание: *Определите напряжение* и *Дайте определение напряжения; Решите наконец* и *Подготовьте решение*.

Когда существительное может обозначать и некоторую ментальную (или идеологическую) сущность, и ее речевое воплощение, то и ментальное, и речевое действия будут обозначаться сочетаниями. Значение сочетания в этом случае будет зависеть от наличия семы создания высказывания в глаголе, ср.: *построить доказательство* и *найти доказательство, сформулировать идею* и *найти идею, составить план* и *придумать план*.

¹ Хотя А. Вежбицкая [7] и полагает, что продолжает и формализует подход М.М. Бахтина, фактически она строит совсем иное понятие речевого жанра. Целесообразность и возможность объединения обоих подходов обоснованы мною в работе [4].

Наконец, если одним и тем же именем обозначаются разные речевые жанры, то каждому из этих значений может соответствовать свой предикат Scrib. Так, *виза на выезд дается*, а *виза под проектом ставится*.

Составное описание речевых действий играет кардинальную роль и в отражении фундаментальных коммуникативных свойств письменной речи. В устной речи высказывание прямо по мере рождения и самым фактом рождения становится коммуникативным событием — даже в отсутствие слушателей или при их нежелании слушать: "вопиющий в пустыне" все-таки участвует в коммуникативном событии. Письменное речевое произведение совсем не обязательно станет элементом — хотя бы и потенциальным — коммуникативного события: написанному можно не дать ходу, спрятать или вовсе уничтожить. В письменной коммуникации создание "сообщения" не только обособлено во времени и пространстве от его восприятия, но и само по себе расколото, расщеплено на две стадии: креативную и собственно коммуникативную. На креативной стадии создается речевое произведение, на собственно коммуникативной оно вводится в коммуникативный фонд и становится потенциальным "сообщением"².

Обозначение речевых действий глагольно-именными сочетаниями позволяет языку экономно описывать обе указанные стадии производства письменного сообщения, сохраняя в неприкосновенности имена речевых жанров и ограничиваясь заменой сравнительно малочисленных глаголов "порождения" на глаголы "введения в оборот". Выбор этих последних также сильно фразеологизирован и может быть описан второй лексической функцией, назовем ее *Сопп*. В нижеследующей табличке сведены для наглядности значения обеих лексических функций для одних и тех же речевых жанров:

Речевой жанр	Создание текста	Введение текста в оборот
анкета	заполнить	сдать
выписка (из документа)	сделать	выдать
доказательство	построить	опубликовать
доклад	написать	прочитать, выступить с
заявление	написать	огласить, опубликовать
надпись	сделать	сделать
ордер	выписать	предъявить
письмо	написать	направить
повестка	выписать	вручить
подпись	поставить	поставить

На примере *надписи* видим, что различие двух стадий у ряда жанров нейтрализуется. Как правило, это происходит там, где: а) размер произведения невелик; б) оно является дополнительным или вторичным по отношению к произведению другого жанра; в) либо вообще не предназначено для отдельной рецепции (*подпись*, *виза*), либо создается автором для "внутреннего" употребления — *выписка* (из статьи), *конспект* — и

² Этот факт имеет принципиальное значение для описания феномена авторства в речи (см. [5]).

сообщения скрытой информации, эксплицирующейся лишь при наложении языковой информации на другие информационные структуры — психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т.п.

Внутренняя интерпретация, сопровождающая, а возможно и составляющая, процесс понимания в широком смысле, активно исследуется в настоящее время как в теоретическом аспекте (в рамках прагматики, герменевтики, риторики, теории аргументации и т.п.) (см. обзор [3]), так и при практическом моделировании в системах понимания естественного языка (см., например, [5]). Осуществляемая коммуникантом интерпретация предстает как многоаспектный процесс, регулируемый общими прагматическими и коммуникативными целями, иерархиями ценностей, структурой проблемной области, социально-ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками участников коммуникации. Соответственно результат процесса интерпретации в идеале представляет собой многокомпонентную структуру, включающую все возможные "проекции" языкового содержания высказывания на структуру знаний интерпретатора. Назовем структуру, полученную в результате такого процесса интерпретации высказывания, когнитивным представлением (КоПр) высказывания.

Итак, интерпретация представляет собой мыслительный акт, результат которого — состояние понимания — в норме не проявляется в виде соответствующего речевого акта (РА) (ср. с другими ментальными состояниями, обычно вербализуемыми с помощью соответствующих РА: 'непонимание' → 'вопрос', 'мнение' → 'утверждение', 'согласие' → 'согласие').

Однако при определенных условиях интерпретация может проявляться и в виде РА, например: — *Вопрос первый: в какой мере ту почти тупиковую ситуацию, в которой находится страна, можно связать с марксистским учением? — Вы говорите о послушном следовании марксизму, что, возможно, и привело нас в тупик?*

В данном примере второй говорящий излагает своими словами основное тематическое содержание реплики первого, модифицируя при этом некоторые компоненты смысла. Цель этих изменений — сделать смысл исходной реплики более ясным путем элиминирования "вуалирующих" слов (*почти, ситуация*), замен выражений с абстрактным значением на выражения с более конкретным значением (*послушное следование вместо связь*).

Будем называть подобные реактивные реплики, выражающие понимание (интерпретацию) пропозиционального содержания предшествующей реплики собеседника, интерпретирующими речевыми актами (далее ИРА). Тем самым мы не относим к ИРА высказывания, которые содержат интерпретацию иллюкутивного намерения собеседника, его психического или физического состояния, причины осуществления им данного акта и других аспектов "модели собеседника" (ср. возможные реакции на вопрос: *С кого из мировых "звезд" вы берете пример? — а) Вы что, издеваетесь надо мной?; б) Вы плохо обо мне думаете; в) Вы так говорите, потому что привыкли всегда оглядываться на мнение Запада и т.п.*).

ИРА характеризуется многообразием способов построения и разнообразием коммуникативных целей. Задача данной работы — выявить и описать основные характеристики ИРА. Базовым материалом для нас послужили тексты интервью из разных газет и журналов. Обращение именно к этому жанру диалогов вызвано прежде всего тем, что ИРА в них обладают относительно высокой частотностью¹, поскольку глобальной задачей диалогов этого типа является прояснение взглядов и позиций интервьюируемого по определенным общественно значимым вопросам. Абстрактность и сложность тематики обеспечивает вариативность возможных интерпретаций одних и тех же явлений (см. [1]).

Формальные показатели ИРА

ИРА имеет ряд формальных показателей (дискурсивных маркеров), относящихся к одному из следующих семантических типов:

1) показатели причинно-следственной связи реплики с контекстом: *значит, выходит, стало быть, итак, следовательно, таким образом, получается, что* и т.п.;

2) показатели тождества содержаний: *то есть, иначе говоря, иными словами;*

3) показатели резюмирования: *(одним) словом, короче говоря, воистину* и т.п.;

4) экспликация модуса интерпретируемого: *по-вашему, вы хотите сказать, вы считаете/предполагаете/думаете* и т.п.;

5) экспликация модуса интерпретатора: *если я вас правильно понял, из всего услышанного делаю вывод;*

б) экспликация семиотического отношения между интерпретируемой репликой и ее смыслом: *это означает.*

Разумеется, не все из перечисленных показателей однозначно указывают на принадлежность РА к интерпретирующему типу. Так, показатели причинно-следственной связи могут вводить самостоятельное утверждение говорящего, выведенное из слов собеседника, например: *В ее нынешнем положении милиция не в состоянии обеспечить защиту кооператоров от рэкета. — Значит, кооператоры должны сами о себе позаботиться.*

Целевые типы ИРА

Описывая коммуникативную ситуацию ИРА, мы должны принимать во внимание трех участников: 1) Автора исходной реплики (далее — Автор); 2) Интерпретатора; 3) Аудиторию. Каждый из них строит свое КоПр для каждого РА: 1) КоПр₁ — представление, соответствующее коммуникативному намерению (замыслу) Автора; 2) КоПр₂ — представление, возникающее в сознании Интерпретатора; 3) КоПр₃ — представление, возникающее в сознании Аудитории.

¹ ИРА встречаются и в других диалогических жанрах: бытовом диалоге, научной дискуссии, диалоге "врач — пациент" и т.д.

Соответственно ИРА может быть представлен как средство достраивания или изменения любого из этих КоПр, что дает три целевых типа ИРА. Во-первых, ИРА может быть произведен Интерпретатором с целью проверки правильности некоторого аспекта КоПр₂. Такой ИРА можно неформально описать так: *Я понял тебя следующим образом.*

Во-вторых, ИРА может иметь целью сообщить партнеру некоторый аспект КоПр₂, который, по мнению Интерпретатора, не входит в КоПр₁, хотя должен был бы входить. Неформальным описанием такого ИРА может служить фраза: *Ты понимаешь, что означают твои слова?*

В-третьих, ИРА может быть рассчитан на Аудиторию, а именно гарантировать правильную, с точки зрения Интерпретатора, форму КоПр₃. Неформально такие ИРА можно описать фразой: *Смотрите, что у него получается.*

Любой ИРА может в зависимости от ситуации относиться к любому из указанных целевых типов, и мы не будем далее останавливаться на этом аспекте.

Семантическая классификация ИРА

Наиболее общее разграничение следует провести между ИРА Сохраняющими смысл и Меняющими смысл. Хотя мы сознаем, что любое изменение формы влечет за собой изменение содержания, мы все же можем разделить интерпретации на те, которые явно меняют объективное содержание реплики (добавляют новые ситуации, вводят новые фреймы), и те, которые сохраняют ее объективное содержание (меняя при этом субъективное, оценочное содержание или редуцируя несущественную информацию).

Среди Меняющих смысл ИРА можно выделить Горизонтальные и Вертикальные ИРА. С помощью этих ярлыков мы хотим отразить тот факт, что Интерпретатор либо остается на одном концептуальном уровне с Автором, либо движется вверх или вниз по концептуальной иерархии. Горизонтальные ИРА включают в себя: (1) Договаривание и (2) Идентификацию. Вертикальные ИРА подразделяются на (3) Обобщение и (4) Конкретизацию.

Сохраняющие смысл ИРА состоят из Синонимов, Квазисинонимов и Переключателей оценки. Синонимы далее подразделяются на (5) Переименование и (6) Переструктурирование. Квазисинонимы бывают двух различных типов. Один из них затрагивает информационный аспект оригинала, производя либо (7) Развертывание, либо (8) Сокращение. Второй тип затрагивает идеологический (мировоззренческий) аспект оригинала, изменяя лежащую в его основе концептуальную систему, и потому его можно назвать (9) Переосмыслением. Переключатели оценки затрагивают экспрессивно-оценочный аспект оригинала, либо снимая экспрессию и/или оценку — (10) Сглаживание, либо вводя — (11) Заострение.

Прагматический анализ ИРА

Предлагаемый нами прагматический анализ ИРА выполнен в терминах теории речевых актов (см. [6]) и постулатов Г. Грайса [2]. Анализируемый нами тип РА до настоящего времени не привлекал к себе внимания исследователей. Это, по-видимому, связано с тем, что ИРА принадлежит к числу РА, не имеющих стандартного языкового обозначения, в отличие от РА утверждений, вопросов, просьб, обещаний, возражений, благодарностей и т.п., которые и служили основным материалом исследований².

ИРА имеют свойства как репрезентативов [4], так и вопросов. Это отражается в их поверхностной форме: они выражаются либо вопросительными предложениями (наиболее частый случай), либо утвердительными, и выбор между этими двумя формами зависит от степени уверенности Интерпретатора в правильности своей интерпретации.

Условия успешности, которые являются общими для всех семантических классов ИРА, — следующие (ниже мы используем *A* для обозначения Автора, *И* — Интерпретатора, *Ауд* — Аудитории, *p* — для пропозиции):

1. Условия пропозиционального содержания.

1.1. Осуществляя ИРА, *И* выражает пропозицию *p*, выведенную из предшествующего высказывания *A* с опорой на общие знания.

2. Предварительные условия.

2.1. *И* имеет основания предполагать, что *p* истинна.

2.2. Для *И* или для *Ауд* неочевидно, что *p* истинна.

3. Условие искренности.

3.1. *И* полагает, что *p* — истинна.

4. Существенные условия.

4.1. Данный акт рассматривается как предположение *И*, что *p*.

4.2. *p* вводится в общее поле зрения *И* и *A*.

4.3. Данный акт рассматривается как попытка со стороны *И* получить от *A* подтверждение или опровержение *p*.

Ясно, что все условия, кроме 4.3, являются характеристикой репрезентативов, 4.3 свойственно вопросам.

Перейдем к формулировке условий, специфичных для перечисленных в разделе 4 семантических классов ИРА. Иллюстрации (с минимальными комментариями, где необходимо) взяты из журнала "Огонек" и других периодических изданий 1986—1988 гг. ("пик перестройки"). Следует оговориться, что чистых случаев ИРА определенного класса практически не встречается: большинство реальных ИРА (в том числе и в наших иллюстрациях) — это комбинированные типы (ср. в теории речевых актов такие типы, как репрезентатив-декларатив, директив-коммиссив и т.п.). Для иллюстраций определенного класса ИРА брались ИРА, в которых черты данного класса проступают ярче, чем черты другого (других) класса (классов).

² Слово *интерпретация*, во-первых, не принадлежит к общеупотребительной лексике, а во-вторых, соответствующий глагол не имеет перформативного употребления.

(1) Договаривание имеет следующие дополнительные условия:

1.2. *p* добавляет новую фактическую информацию к информации, содержащейся в высказывании *A*.

2.3. Для *I* очевидно, что количество информации в высказывании *A* недостаточно.

2.4. Для *I* очевидно, что *A* не собирается сам сообщить недостающую информацию.

4.4. Данный акт рассматривается как попытка со стороны *I* улучшить реплику *A* по параметру Количества информации.

Пример: — *Магнитогорск — закрытый город, въезд иностранцам запрещен. Что КГБ там делать? Ну нечего...*

— *Что же они — придумывали дела?*

(2) Идентификация имеет те же условия успешности, что и Договаривание, за исключением дополнительного условия 1.3:

1.3. *p* является идентифицирующей пропозицией.

Пример: — *Помните, один из наших демократических лидеров назвал взятку законным источником дохода для чиновника.*

— *Это был наш бывший мэр?*

(3) Обобщение и (4) Конкретизация характеризуются следующими дополнительными условиями:

1.2. *p* — пропозиция, относящаяся к другому уровню концептуальной иерархии, чем высказывание *A*.

2.3. Для *I* очевидно, что уровень рассмотрения темы, принятый *A*, нерелевантен для данной ситуации общения (либо слишком конкретен — в случае Обобщения, либо слишком абстрактен — в случае Конкретизации).

3.2. *I* полагает, что *p* находится на нужном уровне иерархии.

4.4. Данный акт рассматривается как попытка со стороны *I* улучшить реплику *A* по параметру Абстрактности/Конкретности.

Пример ИРА Обобщения: — *Можно ведь привезти работу к людям, а не наоборот. Можно развернуть... швейный или обувной цех, колбасное или кондитерское производство, филиал меховой фабрики, да мало ли что еще... Видели бы вы, как обрадовались люди. Это ведь не просто работа. Это понимание человеческих проблем, воспитание национального рабочего класса, повышение жизненного уровня людей...*

— *Получается, что решение, казалось бы, чисто хозяйственной проблемы помогает решению социальных, политических вопросов.*

Пример ИРА Конкретизации: — *К сожалению, новое "Положение об условиях и порядке оказания психиатрической помощи" не дает гарантии против злоупотреблений, не устанавливает конкретных и эффективных путей защиты прав больного.*

— *Вы считаете, что и при данном "Положении" здорового человека можно признать душевнобольным и даже поместить его в психиатрическую лечебницу?*

Все ИРА этого типа имеют следующие дополнительные условия:

1.2. *p* сообщает ту же фактическую информацию, что и высказывание *A*.

4.4. Данный акт рассматривается как попытка со стороны *И* улучшить высказывание *A* по параметру Способа.

Кроме того, каждый из подклассов этого типа имеет и свойственные только ему условия успешности.

(5) Переименование и (6) Переструктурирование — два вида ИРА, относящихся к подклассу Синонимов, — имеют дополнительно к названным условия 2.3 и 3.2:

2.3. Для *И* очевидно, что форма, выбранная *A*, недостаточно ясна (либо в силу неадекватности номинации — в случае Переименования, либо в силу неадекватного синтаксического построения — в случае Переструктурирования).

3.2. *И* полагает, что выбранная им форма *p* является более ясной, чем та, которую выбрал *A*.

Пример ИРА Переименования: — ...*мол, каждый, кто держит в руках "Огонек", держит могоендовид...*

— ...*"Могоендовид" — звезда Давида. То есть шестиконечная звезда...*

Пример ИРА Переструктурирования: — *По цифрам получается, что розничный товароборот растет очень хорошим темпом, быстрее, чем в прошлые годы, но все при этом считают, что жить стало хуже. Как ни парадоксально, и то и другое — правда.*

— *То есть одновременное сосуществование и того и другого возможно, хотя и кажется, что это взаимоисключающие явления.*

Перейдем к следующему подклассу — Квазисинонимам.

(7) Развертывание и (8) Сокращение характеризуются следующими дополнительными условиями успешности:

2.3. Для *И* очевидно, что высказывание *A* неудовлетворительно в отношении степени подробности (либо недостаточно подробно — в случае Развертывания, либо излишне подробно — в случае Сокращения).

3.2. *И* полагает, что введение соответствующих подробностей (при Развертывании) или устранение избыточных подробностей (при Сокращении) сделает высказывание *A* более ясным.

Пример ИРА Развертывания: — *Будете ли вы уже сейчас полемизировать с социал-демократической партией?*

— *Будем ли мы ставить палки в колеса тем, кто вместе с нами готов бороться против тоталитаризма?* [Вводится существенная "подробность" о целях партии, чем раскрываются неуместность исходного вопроса и политическая наивность его автора.]

Пример ИРА Сокращения: — *Никакого криминала в моем выступлении не было. Но, как видно, упоминание о культуре личности не понравилось, могли не понравиться рассуждения о недостатках в экономии*

ческой науке, в организации производства и др. Мое выступление как-то выпало из наметившейся тенденции к восхвалению наших успехов.

— Итак, вашим выступлением остались недовольны.

(9) *Переосмысление* — еще один вид Квазисинонимов — имеет следующие дополнительные условия успешности:

2.3. Для *И* очевидно, что ситуация, лежащая в основе высказывания *А*, истолкована в терминах неадекватной концептуальной системы.

3.2. *И* полагает, что концептуальная система, которую он использует в своем высказывании, более адекватна ситуации.

Пример: — *Чтобы преодолеть экономический кризис, необходимо ввести частную собственность.* [Истолкование в чисто экономических терминах.]

— *Вы хотите сказать, что единственный путь для нас — капитализм.* [Истолкование в социально-политических терминах.]

(10) *Сглаживание* и (11) *Заострение* — два вида ИРА, относящиеся к подклассу Переключателей оценки, в дополнение к вышеуказанным имеют следующие условия успешности:

2.3. Для *И* очевидно, что высказывание *А* неудовлетворительно по степени экспрессивности (либо излишне экспрессивно — в случае Сглаживания, либо недостаточно экспрессивно — в случае Заострения).

3.2. *И* полагает, что его высказывание более адекватно по степени экспрессивности.

Пример ИРА Сглаживания: — *...больше инстинктов у людей, исполняющих волю государства, смотрят на кооперативы точно так же, как обыватели. И тот человек, который работает в милиции, ничем не отличается от того, который подходит и говорит: "Сволочи, чем вы заполонили Москву!" И потому ему во все не хочется вступаться и рисковать своей жизнью ради того, чтобы защитить кооператоров.*

— *Иначе говоря, ты считаешь, что некоторые государственные служащие не поддерживают кооперацию.*

Пример ИРА Заострения: — *Из этого документа неясно, останутся ли профсоюзы местом трудоустройства оставших начальников.*

— *Если вы имеете в виду, что профсоюзы до недавнего времени служили "тихой гаванью" для партийных кадров пенсионного возраста или "портом приписки" доказавших свою негодность руководителей, то я, пожалуй, соглашусь.*

Мы предложили семантическую классификацию и прагматический анализ специфического типа речевых актов, которые очевидным образом связаны с такими общественно значимыми феноменами, как осуществление власти в дискурсе, поиск взаимопонимания, сопоставление различных способов видения реальности. Хотя функционирование ИРА в контексте этих процессов нами не рассматривалось, мы надеемся, что наш анализ послужит базой для дальнейших социолингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Паришк П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации: Сб. обзоров. М., 1986.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
3. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // ВЯ. 1983. № 6.
4. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
5. Шэнк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 24: Компьютерная лингвистика.
6. Searle J.R. Speech acts: an essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.

И.Б. Левонтина

ВРЕМЯ ДЛЯ ЧАСТНЫХ БЕСЕД*

Между собакой и волком —
Время для частных бесед:
Пусть незатейлив обед,
Все вы обсудите толком
Вместе с собакой и волком.

Саша Соколов

В свое время Р.О. Якобсон выделил составляющие акта речевого общения: адресант, адресат, контакт, сообщение, контекст (т.е. содержание), код. В соответствии с этим он исчислил функции языка, например поэтическая функция определяется как установка на сообщение, фатическая — как установка на контакт и т.п. (см. [2]). Таким образом, различные типы текстов характеризуются тем, что, хотя в каждом из них задействованы все составляющие, на первый план выдвигается одна из них. Будет вполне естественно, если окажется, что слова, описывающие речевую деятельность, противопоставлены друг другу сходным образом.

Мы надеемся продемонстрировать, что именно в этой плоскости лежит основное различие между синонимами *разговор*, *беседа* и *диалог* — в семантике каждого из них во главу угла ставится та или иная часть ситуации речевого общения; многие же другие различия производны от данного.

В слове *разговор* главное — это с о д е р ж а н и е общения, его тема, предмет. В слове *беседа* на первом плане — само о б щ е н и е, его качество. Можно сказать, что *беседа* предполагает "плотную ткань общения". В слове *диалог* акцентируется с т р у к т у р а акта речевого общения, именно его "диалогическая" форма — двое участников обмениваются репликами, попеременно выступая в роли говорящего и слушающего.

Это смысловое различие реализуется по-разному. С одной стороны, оно проявляется в том, что слова соотносятся с несколько разными типами

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-11050.

актов речевого общения. Так, если цель *разговора* состоит в выяснении истины или принятии решения, то цель *беседы* скорее иная — например, гедонистическая, ритуальная и т.п. С другой стороны, разные синонимы используются для описания однотипных актов общения, когда для говорящего важен тот или иной аспект ситуации (см. примеры ниже). Таким образом, данное различие может интерпретироваться как на денотативном уровне, так и на уровне смысла.

Проиллюстрируем вначале это противопоставление между синонимами на простом примере: различные определения при них возможны в разной степени и понимаются по-разному. *Приятный разговор* — о чем-то приятном; *приятная беседа* — легкая, непринужденная; *приятный диалог* — странное сочетание, не имеющее общепринятой интерпретации. Ср. также *серьезный разговор* — о серьезном; *серьезная беседа* — ведется всерьез. *Станный разговор* — странной может быть тема: *У меня с Катей произошел очень странный разговор. Она почему-то все время расспрашивала меня о Пете. Станный диалог* странен тем, как связаны в нем реплики, что говорится и т.п. В *странной беседе* странным может быть само ее течение или несоответствие места и времени теме и т.п., но ее странность не может ограничиваться только темой.

Принципиальным может быть только *разговор*. *Разговор* не обязательно важен и содержателен, но если говорящему необходимо указать на практические следствия и выводы, то используется этот синоним, так как именно в нем самое главное — содержание, ср.: *бессмысленный, бесполезный, праздный разговор*.

Для *беседы* типичны определения, описывающие характер общения, ср.: *дружеская (светская, официальная) беседа*. Вообще это слово часто сочетается с описанием условий общения — места, времени и т.п. Ср. чрезвычайно характерный для этого слова контекст в эпиграфе — говорится, что беседа *частная*, сообщается о ее времени (*между собакой и волком*) и обстановке (за *незатейливым обедом*). Для *бесед* существует даже специальное место — *беседка* (за это сопоставление благодарим В. Подлесскую).

Диалог обычно характеризуется с внешней стороны, ср.: *краткий (выразительный, загадочный) диалог*.

Поэтому, когда говорят *разговора не получилось*, это скорее всего значит, что собеседникам не удалось понять друг друга, выяснить то главное, ради чего разговор затевался; возможно, он был очень живым, но ушел в сторону. Когда говорят *беседы не получилось*, это скорее значит, что собеседникам не удалось наладить процесс общения (они не нашли общепригодной темы, *беседа* все время прерывалась, паузы затягивались). Когда говорят *диалога не получилось*, то это значит либо то, что один из собеседников узурпировал право голоса, т.е. говорил почти один, либо то, что реплики собеседников были слабо связаны между собой, каждый говорил о чем-то своем.

Различие в расстановке смысловых акцентов влечет за собой ряд производных семантических противопоставлений. Особенно значительны

ограничения для слова *беседа*, обеспечивающие необходимое качество общения. Так, *беседа* не может быть совсем короткой, ср. неправильное: **Во время краткой беседы [при нормальном краткого разговора] по телефону он успел только сообщить ей дату приезда и номер поезда.* При этом возможно: *Целый год они вели многочасовые беседы по телефону, прежде чем решились встретиться.*

Для *беседы* важно не количество слов, а скорее количество, длина и порядок следования реплик. Так, разговор, который строится как монолог одного из собеседников и ответный монолог другого, вряд ли может быть назван *беседой*. Для *беседы* необходимо, чтобы говорящий и слушающий постоянно менялись ролями. Иными словами, *беседа* складывается из достаточно большого числа реплик обоих участников, длина которых сравнительно невелика — этим обеспечивается "плотность" общения.

Беседа должна быть не только достаточно долгой, но и достаточно обстоятельной. Нормальная *беседа* не может быть *торопливой* или *обрывочной*. *Беседа* не всегда ведется на серьезную тему, но всегда ведется всерьез или как бы всерьез. Характерно, что в эпиграфе в контексте слова *беседа* как раз и предлагается все обсудить *толком*.

С этим связано и то, что *беседа*, даже если она не вполне дружелюбная, всегда предполагает установку на контакт, взаимную заинтересованность в общении, ср.: ??*Беседа становилась все более напряженной и грозила перерасти в драку [здесь лучше сказать разговор].* Плохо также называть *беседой* долгое и обстоятельное препирательство с продавщицей, контролером и т.п.

С точки зрения социального статуса синонимы *беседа* и, в меньшей степени, *разговор* указывают на равенство участников, причем в *беседе* идея равенства даже специально подчеркивается. Поэтому в описании диалога начальника с подчиненным, следователя с подсудимым или в самом диалоге слова *беседа* и *разговор* уместны только тогда, когда инициатива общения на равных или как бы на равных принадлежит вышестоящему. Следователь, в качестве демагогического приема, может сказать подсудимому: *Во время нашей прошлой беседы (нашего прошлого разговора) вы упомянули...* В этом случае употребление слов *беседа* и *разговор* вместо *допрос* призвано подчеркнуть мнимое равенство участников. Подсудимый же не может сказать следователю *в нашей прошлой беседе* и едва ли может *в прошлом разговоре*. Ср. также: *Директор вызвал Иванова для беседы (разговора) о положении в отделе*, но не **Иванов записался на прием к директору для беседы (надо разговора) о положении в отделе.*

Разницей в смысловых акцентах определяется ряд употреблений, в которых синонимы абсолютно не взаимозаменяемы.

Синоним *разговор* часто может указывать не на весь акт общения, а лишь на его часть, связанную с определенной темой, так как для него на первом плане — предмет общения. Ср.: *Этот наш разговор дальше не продолжался — мы просто болтали о том, о сем; Не люблю такие*

разговоры! Давайте сменим тему; Казалось, вот-вот начнется единственно нужный им обоим разговор о простой сути Сталинграда. Но Еременко сказал: — Ты, верно, интересуешься вопросом, который всегда командующему фронтом задают, — насчет пополнений живой силой и боеприпасами? — Разговор, единственно имевший смысл в этот час, так и не состоялся (В. Гроссман. Жизнь и судьба). Здесь имеется в виду, что само речевое общение продолжалось, но нужная тема не была обсуждена. Ср. также выражение *переменить разговор*.

С другой стороны, *разговором* могут быть названы разные акты общения, объединенные общим содержанием, ср.: *разговор продолжился (возобновился) через две недели*. Ср. также: *Сказала она это негромко, как бы давая ему понять, верней, почувствовать, что у них может завязаться свой разговор, в котором только они оба и могут участвовать, разговор, от которого холодеет в груди, тот особый, единственно важный разговор мужчины и женщины* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

Синоним *беседа*, который подчеркивает идею самого общения, может указывать на тип общения, жанр речевой деятельности: *Искусство изящной беседы в современной русской культуре почти совершенно утрачено; Он приходил в этот дом ради тихой дружеской беседы; Мало какое удовольствие в жизни может сравниться с радостью содержательной беседы*. Употребление слова *разговор* в подобных контекстах является устаревшим, ср.: *Где разговор найду непринужденный, / Блистательный, веселый, просвещенный* (А.С. Пушкин. На Рыбушкина). В силу подчеркивания обстоятельности речевого общения слово *беседа* некоторыми носителями современного литературного языка воспринимается как слишком церемонное, чуть архаичное или книжное, и они обычно не употребляют этот синоним в обиходной речи, а только применительно к официальным контактам политических деятелей как к жанру официального общения, отличающемуся от *переговоров* меньшей формальностью, большей доверительностью. Использование в подобных контекстах именно слова *беседа* не случайно. Если сообщить, что между такими-то политиками состоялся *разговор*, то далее будет почти аномальным не изложить его содержание. Если же говорить о *беседе*, то этого не требуется — важно лишь, что имел место контакт.

Синоним *диалог*, выдвигающий на первый план идею внешней структуры акта общения, помимо указания на акт общения может обозначать только сам текст: *В американском кино сюжет придумывает один человек, а диалоги пишет другой; К учебнику прилагается кассета, на которой записаны двадцать диалогов*. Употребление синонимов *разговор* и *беседа* в таких контекстах было бы невозможным.

Кроме того, синоним *диалог* употребляется тогда, когда собеседники не заинтересованы ни в самом общении, ни в его содержании. Если, например, покупатель препирается с продавцом или переругивается с соседом по очереди, то о нем можно сказать только, что он *вступил в диалог*. Другие синонимы были бы здесь неуместны. В силу акцента на

форме, а не на человеческом контакте слово *диалог* не очень характерно для обиходной речи и нетипично для речи поэтической, хотя оно и не является книжным.

Именно идея внешней структуры акта общения лежит в основе ряда употреблений слова *диалог*, в частности сдвинутых и переносных, в которых оно не заменяется словами *разговор* и *беседа*. *Диалогом* может быть назван любой акт устного общения, цель которого не состоит ни в обмене мнениями, ни в общении, например экзамен, допрос. С другой стороны, именно слово *диалог* используется тогда, когда речь не идет о словесном общении, но важно указать на наличие и взаимодействие полноправных субъектов мнения: *Что такое демократия? Может быть, диалог человека с государством?* (С. Довлатов. Записные книжки)

Интересно, что все три слова имеют значения, в которых они используются в качестве жанровых наименований для письменных текстов. При этом основное смысловое противопоставление между ними сохраняется. *Беседа*, чаще всего в форме мн. числа (ср.: *Беседы о русском слове*), подчеркивает дидактический и доверительный характер текста, причем обычно монологического. *Разговор* в форме ед. числа также обозначает монологический текст (ср.: *Разговор о Данте*) с акцентом на важности высказанных в нем мыслей. Что касается *диалога*, то он обозначает жанр литературы, преимущественно древней, для которого существенна именно структура, т.е. чередование реплик (ср. *Диалоги Платона*).

Слово *разговор*, особенно в форме мн. числа, имеет другое значение, очень близкое к основному, предполагая любую речевую деятельность, особенно в противопоставлении неречевым действиям: *Он давно обещает, но это все одни разговоры (только разговоры); И разговору об этом нет!* Естественно, что неречевые действия противостоят именно *разговору*, а не *беседе* или *диалогу*: когда в жизни возникает какая-либо ситуация, она вначале обсуждается, и тут важно именно содержание речи, поэтому это именно *разговор*, а затем могут последовать и практические действия.

Кроме того, в обиходной речи слово *разговор* употребляется в конструкциях типа *У меня к вам разговор; Есть разговор с модальным значением ('надо поговорить')*. Это также значит, что есть тема, предмет для обсуждения.

В задачу данной статьи не входит полное описание смысловых различий между тремя словами (они, например, неодинаковы с точки зрения того, каково возможное количество участников акта речевого общения, насколько обязательна устная форма и т.п.) (см. [1]). Мы лишь хотели показать, что для описания такого важного элемента человеческой жизни, как акт общения с другим человеком при помощи речи, есть три существительных, которые освещают это явление с трех разных сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтица И.Б., Урысон Е.В. Новый толковый словарь синонимов русского языка: (Проспект). М., 1994.

2. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

О ПЕРИФРАСТИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Настоящая статья посвящена проблемам семантико-синтаксической характеристики устойчивых, полуфразеологических глагольно-именных словосочетаний, обозначающих речевую деятельность (РД), а также их употреблению в текстах разных типов. Сформулируем, во-первых, основное утверждение о лексической сочетаемости данных наименований РД, причем за основу возьмем теоретические концепции "Толково-комбинаторного словаря" (ТКС), представленные в работах [4; 11]. Во-вторых, рассмотрим более подробно сочетания с глаголами *дать* и *сделать*. А в-третьих, обратим внимание на функционирование перифрастических образований в газетных и художественных текстах.

1. В рамках первой задачи рассмотрим следующие две группы примеров:

Группа 1	Группа 2
<i>дать совет</i>	<i>высказать мнение</i>
<i>сделать комплимент</i>	<i>изложить идею</i>
<i>поставить диагноз</i>	<i>объявить бойкот</i>
<i>вести переговоры</i>	<i>выразить благодарность</i>

1.1. Такие словосочетания глаголов с ключевыми существительными в синтаксической позиции первого (прямого) дополнения составляют основной массив перифрастических обозначений РД¹. Очевидны следующие различительные характеристики этих двух групп:

В группе 1 представлены существительные из семантического поля РД (*совет, комплимент, диагноз, переговоры*) и глаголы, не относящиеся в своем первичном значении к этому полю (*дать, сделать, поставить, вести*). Наоборот, в группу 2 входят существительные, не обозначающие РД, — это ментальные объекты (*мнение X-а, что Y — P = 'информация "P (Y) истинно", имеющаяся в уме X-а...'* [4, 424], *идея*), действия (*бойкот*) и чувства (*благодарность*), а глаголы, напротив, обозначают РД (*высказать, изложить, объявить, выразить*). Глаголы первой группы представляют собой примеры так называемых полуслужебных лексем — это функциональные глаголы, которые вводятся в словарь типа ТКС как значения лексических функций (в данном случае это значения простой стандартной лексической функции Op_{eg1} , указывающей на известный устойчивый, полуфразеологический характер всего словосочетания, ср. *дать совет*, но не *дать

¹ Другие синтаксические типы, которых мы касаться не будем, поскольку они лексически менее разнообразны, представлены в следующих группах: устойчивые словосочетания глаголов с ключевыми существительными в позиции подлежащего: *речь идет (о чем-л.)*, *вопрос касается (чего-л.)*, устойчивые словосочетания глаголов с ключевыми существительными в позиции второго дополнения: *подвергнуть (что-л.) критике, поставить (что-л.) под сомнение, вынести (что-л.) на обсуждение, внести (что-л.) в список*

комплимент, вести переговоры, но не *вести доклад и т.д.). В отличие от них глаголы второй группы выступают в своем первичном, "полном" значении, но тем не менее образуют также несвободные словосочетания (ср. высказать мнение, но не *высказать бойкот; изложить идею, но не *изложить благодарность; выразить благодарность, но не *сказать { *сообщить, *произнести} благодарность (при безупречном сказать {произнести} слова благодарности) и т.д.); в силу этого запись в ТКС также должна производиться с помощью лексической функции (в данном случае это смешанная, сложная функция Caus₁ Manif с семантической добавкой 'посредством сообщения Y-y' (высказать (S_{дат} = Y) (свое) сомнение [4, 771]) или 'посредством высказывания' (выразить надежду [4, 436])².

Таким образом, основное утверждение о лексико-семантической структуре наших словосочетаний можно сформулировать следующим образом: характерной чертой русского языка является такая лексико-комбинаторная организация перифрастических обозначений РД, что в абсолютном большинстве случаев:

— существительные из области РД сочетаются с функциональными глаголами, в своем первичном значении не обозначающими РД;

— другие же существительные нуждаются в глаголах со значением РД с тем, чтобы все словосочетание в целом обозначало РД.

1.2. Прокомментируем данное утверждение:

1) первая часть утверждения охватывает не все случаи сочетаемости существительных из области РД. Есть примеры, когда такие существительные сочетаются также и с речевыми глаголами, например: высказать совет (наряду с дать совет), сказать комплимент (наряду с сделать комплимент), а также произнести тост (приговор, речь). Наоборот, есть и случаи, расходящиеся со второй частью утверждения, например: дать представление (идею, понятие), сделать вывод (предположение, сравнение). Небольшое число таких исключений, однако, не меняет принципиального характера предпочтительной сочетаемости в области обозначений РД;

2) подчеркнем, что наше утверждение касается только полуфразеологических обозначений РД, поскольку только для таких фразем возможно распределение смыслов по компонентам. Тем самым исключаем из рассмотрения идиомы типа поставить в известность 'сообщить', облегчить душу 'сообщить о том, что 'лежит на душе' (= нем. *das Herz ausschütten*), дать голову на отсечение 'сообщить с полной уверенностью в достоверности P' (= нем. *die Hand ins Feuer legen*), сделать из мухи слона (нем. *aus einer Mücke einen Elefanten machen*);

3) при рассмотрении первой группы примеров и формулировке утвер-

² Отметим, что кроме указанных добавок в ТКС ([4, 429—430], словарная статья МНЕНИЕ) встречается еще другая, на наш взгляд слишком расчлененная, формулировка: Caus₁ Manif с целью каузировать, чтобы W воспринял M и, возможно, воспользовался информацией "P(Y)": выразить мнение (S_{дат} = W) [в виде действия или сообщения], высказывать мнение (S_{дат} = W) [в виде утверждения].

ждения мы сознательно говорили только о существительных из области (семантического поля) РД, а не о существительных — обозначениях РД. Дело в том, что в соответствующие словосочетания — обозначения РД могут входить существительные по крайней мере трех разных типов: обозначения речевых объектов (*заглавие, знак, выписки*), обозначения речевых актов (по Вендлеру, *accomplishments*, ср. *совет, комплимент, диагноз*) и обозначения собственно речевой деятельности (по Вендлеру, *activities*, ср. *переговоры*, а также *беседа, дискуссия, консультация*);

4) приводя такие словосочетания, как *выразить благодарность (желание, протест, согласие...)*, мы отдаем себе отчет, что выражением эмоциональных и ментальных состояний и отношений могут кроме слов служить и жесты [5], мимика и разного рода конкретные действия; но это альтернативные или взаимодополняющие формы проявления внутренних состояний и отношений, и поэтому указанные словосочетания бесспорно относятся к интересующему нас материалу³. В связи с этим следует иметь в виду, что речевая деятельность охватывает не только "сообщения" в узком смысле (т.е. передачу информации "Р" X-ом другому участнику ситуации, Y-у), но и безадресатные "выражения" эмоциональных и ментальных состояний и отношений⁴;

5) следует различать устные и письменные формы РД, а также формы, состоящие не из слов, а из разнообразных звуков (*дать звонок (свисток, ...)*), цифр (*дать расчет (телефон)*), графических изображений или символов (*дать схему*). Отметим, что каждый из этих типов имеет свою специфику и заслуживает специального изучения (ср., например, выделение особого значения *говорить 2.2* для выражений типа *говорить "Гра-та-та"* [3, 79]). В рамках данной статьи мы даже не пытаемся вдаваться во все подробности разнообразной физической природы РД (см. в связи с этим другие работы настоящего сборника);

6) несмотря на все богатство перифрастических обозначений РД, следует отметить, что такие словосочетания, как *внести исправления*, к области собственно РД не относятся, поскольку для эксплицитного обозначения РД нуждаются в дополнительном лексическом контексте, ср.: *внести исправления в статью (в текст заявления)* (в отличие от *внести исправления в конструкцию двигателя (во внешнюю политику страны)*). Обратим внимание на то, что различие между *внести исправления* и обсуждавшимся выше *выразить благодарность* состоит в том, что последнее, как правило, употребляется для обозначения РД без особого уточнения, а сопровождается специальным указанием тогда, когда *благодарность* выражается не словами, ср.: *Выразив свою благодарность за услугу, он вышел из кабинета* (речевой акт благодарности) в отличие

³ Ср. из области эмоций толкование лексемы *удивляться* [4, 903]: 'X находится в "возбужденном" эмоциональном состоянии, ..., (и X произносит высказывание, выражающее это состояние)'.
⁴ Ср. в связи с этим анализ английского слова COMPARE₁ в работе [13, 285].

от Оставленным на столе подарком он выразил свою благодарность за услугу (неречевое действие)⁵.

2. Перейдем к краткому обсуждению некоторых комбинаторных свойств перифрастических обозначений РД на примере словосочетаний с функциональными глаголами *дать* и *сделать*; при этом сразу сгруппируем отобранный материал [1; 6; 2; 7] по существительным.

2.1. По четким семантическим признакам выделяются следующие четыре достаточно больших класса существительных: 'поручение'/'совет', т.е. директивы; 'разрешение' — 'запрет', т.е. пермиссивы; 'обещание', т.е. комиссивы; 'выговор' — 'похвала', т.е. оценки поведения.

Первые три из них сочетаются с *дать* (C_{д1}, C_{д2}, C_{д3}), а последние — с *сделать* (C_{сд1}) ср.:

дать

C_{д1}: директиву, задание, инструкцию, команду, наказ, наставление, ориентир, поручение, приказ, приказание, распоряжение, рекомендацию, совет, указание, установку.

C_{д2}: позволение, полномочия, право, привилегии, разрешение, санкцию, согласие; отвод, отказ.

C_{д3}: гарантию, заверение, зарок, клятву, обет, обещание, обязательства 2, подписку, поручительство, присягу, слово 2.

сделать

C_{сд1}: внушение 2, выговор, замечание 2, комплимент, порицание, предупреждение 2, разнос, сцену, упрек.

Общим для всех словосочетаний является адресованность — отсюда третий актант (кому). Тем самым конструкция с адресатом, столь характерная для глагола *дать* (ср. [8; 9; 12]), относится и к определенному классу словосочетаний с глаголом *сделать* (C_{сд1}).

Возможен еще один актант (на этот раз при существительном), который оформляется по-разному: требуемое/рекомендуемое и разрешенное действие чаще всего выражаются инфинитивом (C_{д1} и C_{д2}, ср.: *Лёня дал совет (приказ, разрешение) всегда носить с собой зонтик*), обещанные действия — инфинитивом или придаточным *что*-предложением (C_{д3}, ср.: *Лёня дал обещание всегда носить с собой зонтик (что он всегда будет носить с собой зонтик)*), критикуемые/одобряемые действия или свойства — предложной группой или предложно-придаточным предложением

⁵ Следует, по-видимому, различать разные степени обязательности семантического компонента 'речь' в толкованиях лексем и фразем. Ср. *дать совет* (сообщение) — *выразить благодарность* (обычно сообщение) — *дать право* (сообщение о возможности действовать и ее обеспечение) — *дать урок русского языка (математики, музыки)* (проведение мероприятия с разной долей словесного компонента) — *сделать подарок* (передача предмета и сообщение о его статусе) — *дать отпор* (словами или действием) — *сделать вывод (заключение 1, предположение, сопоставление, сравнение)* (в уме или словами). Особенно характерной является полисемичность последнего типа, т.е. полисемичность в области ментальных и речевых действий (ср. также [4, 198]: *возлагать вину на кого-л.* = считать 2 или утверждать, что Func₁ (ВИНА)).

(С_{ед1}, ср.: *Лёня сделал Кате замечание за отсутствие зонтика (за то, что она не взяла зонтик)*).

2.2. Другие четкие по семантике, но меньшие по объему классы существительных такие:

дать

С_{д4}: *аудиенцию, интервью, консультацию, урок* — это обозначения разных типов собственно речевой деятельности, т.е. обозначения своего рода речевых мероприятий. Неудивительно, что эти существительные хорошо сочетаются также и с глаголом *провести*, столь характерным для всех обозначений мероприятий (ср. [12])⁶.

С_{д5}: *заглавие, имя, кличку, название, прозвище* — это обозначения объектов — имен нарицательных.

С_{д6}: *звонок, знак, свисток, сигнал* — это обозначения звуков и элементов из несловесных знаковых систем.

Почти со всеми названными выше словосочетаниями естественно выражается третий актант—адресат (*кому*). Это свойство резко отличает их от нижеследующих словосочетаний с глаголом

сделать

С_{ед2}: *выписки, заметки, записи; отметку, приписку, сноску* — это обозначения письменных текстов, т.е. объектов. Отметим, что сочетания с ними обеспечивают семантический мостик с базовым значением слова *сделать* — 'произвести некоторый предмет руками или с помощью инструмента'.

С_{ед3}: *акцент, ударение, упор* — это переносные обозначения (логико-) коммуникативного значения высказываний (ср. в отличие от этого прямые обозначения звуковых качеств: *поставить акцент (ударение) на последнем слове (слове предложения)*).

С_{ед4}: *секрет, тайну, комедию, трагедию, фарс* — это обозначения коммуникативно-жанрового характера некоторого факта действительности (*Не делай тайны (трагедии) из потери зонтика*).

2.3. Оставшийся большой и труднорасчленимый массив образуют следующие существительные:

дать

С_{д7}: (*некоторую*) *информацию, сведения, ответ; диагноз, заключение 2, доказательство, классификацию, комментарий, обоснование, объяснение, описание, определение, освещение, оценку, перечень, подтверждение, показания, пояснения, прогноз, расписку, рецензию, справку, толкование, формулировку, характеристику; адрес, телефон; телеграмму.*

сделать

С_{ед5}: *возражение, доклад, дополнение, замечание 1, запрос, заявление, наблюдение, намек, напоминание, обобщение, оговорку, отступление,*

⁶ Отметим, что сочетания с *дать, провести* выражают несимметричный характер РД, в отличие от этого существительные, допускающие симметричный характер РД, сочетаются и с другим полуслужебным глаголом: *вести беседу (диалог, дискуссию, переговоры, полемику, спор)*.

поправку, перерасчет, предостережение, предложение, ссылку, уточнение.

дать и сделать

$C_d/C_{сд}$: анализ, заявку, заказ, объявление, обзор, опровержение, отчет, расчет, разъяснение, сообщение.

Наблюдается некоторый перевес сочетаний с глаголом *дать*. Дело, однако, не в адресованности/неадресованности данных обозначений РД, а скорее в следующем.

Сочетания с *да(ва)ть* обозначают 'предъявление' готового блока информации, а сочетания с *(с)делать* — 'действие (результат действия)' по его созданию, ср.: *В своей статье Лёня дает (?делает) обзор последних работ по семантике — Лёня делает (дает — другой смысл!) обзор последних работ по семантике уже два года; Лёня дал (?сделал) свой обзор в рамках большой статьи о семантике — Лёня сделал (*дал) свой обзор бестолково и дилетантски.*

Очевидно, что для получения большей ясности о сочетаемости специфике приведенного массива обозначений РД необходимо рассмотрение большого количества контекстов, в том числе адвербиальных.

Отметим, наконец, что ограниченная сочетаемость русского полувспомогательного глагола *(с)делать* сближает его с немецким эквивалентом *tun*, но отличает от французского *faire* (о последнем см. [9; 10]).

3. Обратимся к употреблению наименований РД в текстах.

Помимо того, что художественные тексты вообще отличаются своей "глагольностью" и небольшим процентом перифрастических словосочетаний, есть особая и очень простая причина почти полного отсутствия в них перифрастических наименований РД. Дело в том, что в художественных текстах бывает много прямой речи с указанием ее автора, например:

— *Соберемся у Белого дома, — предложил (распорядился) Лужков.*

А в такой синтаксической конструкции с прямой речью принципиально невозможны перифрастические выражения, ср.:

— *Соберемся у Белого дома, — *сделал предложение (*дал распоряжение) Лужков.*

В отличие от этого газетные тексты характеризуются избытком пересказа прямой речи с одновременным указанием типа и значимости ее содержания, ср.: *Лужков сделал предложение (дал распоряжение) организовать митинг у Белого дома.*

Что касается другого разделения текстов, т.е. разделения на тексты, принадлежащие к разговорной речи, и на тексты, относящиеся к кодифицированному литературному языку, то специфика состоит, по-видимому, не в заметном отсутствии перифрастических наименований в первой группе, а в принадлежности словосочетаний с определенными глаголами к официальному стилю речи (*отдать приказ, вынести благодарность*)⁷.

⁷ Автор статьи благодарит М.Я. Гловинскую и Ю.Д. Апресяна за чтение первого варианта работы и критические замечания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидова А.К., Буттке Х., Буттке К. Русско-немецкие эквиваленты глагольно-именных сочетаний. М., 1986.
2. Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М., 1980.
3. Зализняк Анна А. Словарная статья глагола ГОВОРИТЬ // Семантика и информатика. М., 1991. Вып. 32.
4. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики // Wiener Slawistischer Almanach, Wien, 1984. S.-Bd. 14.
5. Пиз А. Язык телодвижений: Как читать мысли других по их жестам: Пер. с англ. М., 1992.
6. Рeginина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И. Устойчивые словосочетания русского языка. М., 1980.
7. Русско-хорватский и сербский фразеологический словарь / Ред. А. Менац. Загреб, 1979. Т. 1.
8. Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1993.
9. Giry-Schneider J. Les nominalisations en français; L'opérateur "faire" dans la lexicque. Genève, 1978.
10. Giry-Schneider J. Les predicats nominaux en français: Les phrases simples à verbe support. Genève, 1987.
11. Melčuk I. et al. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain: Recherches lexico-sémantique. Montréal, 1984. Vol. 1; 1988. Vol. 2; 1992. Vol. 3.
12. Reuther T. On dictionary entries for operator verbs: the cases of Russian VESTI, PROVODIT' and PROIZVODIT' // Lexical Functions / Ed. by L. Wanner. Amsterdam, 1994.
13. Wierzbicka A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney, etc., 1987.

Н.К. Рябцева

КОММУНИКАТИВНЫЙ МОДУС И МЕТАРЕЧЬ *

An essential property of natural language
is its faculty of referring to itself.

Nölke, Henning [10, 50].

Введенный Дж. Остином термин "иллокутивная сила" стал центральным в теории речевых актов и получил широкое распространение у ее последователей. Его содержание обычно демонстрируется примерами или даже формулами [6] и определяется как "коммуникативная направленность высказывания", например выражение *Не могли бы вы поменаться со мной местами?* имеет иллокутивную силу просьбы. Для говорящего не составляет труда передать иллокутивную силу высказывания, а для адресата — воспринять ее. Лингвисту же желательно иметь на этот счет не только дескриптивные, но и понятийные представления о тех средствах, какими выражается иллокутивная сила высказывания. Сказать, что ее выражают перформативные глаголы, недостаточно: в высказывании *Где книга?* нет перформативного глагола, но иллокутивная сила выражена.

Иллокутивная сила — интегральная характеристика высказывания: она

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-10941: "Логический анализ языка: Речевые действия. Истина и истинность".

связывает прагматическую (внешнюю) ситуацию и собственно коммуникативную, говорящего и адресата, прагматический (предметный) и коммуникативный смысл их взаимодействия. Она направлена на адресата и указывает ему, какую роль играют участники коммуникации во внешней (предметной, прагматической) ситуации. Иллокутивная сила реализует коммуникативные намерения говорящего и воплощается в высказывании в виде коммуникативного модуса.

Коммуникативный модус дифференциален: он разграничивает способы выражения намерений говорящего. Субъект речи высказывается, когда (1) намерен сообщить новую информацию, которой он располагает, когда (2) намерен вовлечь адресата в изменение внешнего мира — прагматической ситуации и когда (3) чувствует потребность выразить свое отношение к миру и изменениям в нем — свою эмоциональную или рациональную реакцию на происходящее.

Коммуникативный модус — это языковые средства формирования соответственно сообщения, речевого действия и аксиологического высказывания, обязательная характеристика речи, задающая ее коммуникативную определенность — осмысленность, мотивированность и уместность; то, что придает одному и тому же пропозициональному содержанию, диктуму, различный коммуникативный смысл, превращает его в сообщение, речевое действие или в аксиологическую реакцию: *Дверь открыта* (сообщение); *Не откроешь ли дверь?* (просьба), *Дверь-то открыта!*; *Опять дверь открыта!* (аксиологическая реакция на ситуацию — удивление, недовольство, радость и т.п.).

Сообщение, речевое действие, аксиологическое высказывание

Высказывание может иметь модус сообщения, речевого действия или аксиологического высказывания. Они различаются организацией, оформлением, соотношением с действительностью (прагматической ситуацией), иллокутивной силой и ролью, которую выполняет говорящий и адресат по отношению к прагматической ситуации.

Сообщение информативно. Это передача новых для адресата сведений об изменениях, происходящих в мире (или "обобщение" их — ср. учебную или научную литературу). Сообщение эпистемично: оно преобразует знания говорящего в информацию и пополняет информационный фонд адресата, помогая ему ориентироваться в изменяющемся мире. Чтобы стать сообщением, высказывание должно быть определенным образом организовано. Предмет сообщения, тема, и сообщение о нем, рема, связываются отношением утверждения. Высказывание приобретает свойство истинности/ложности. Его содержание дескриптивно: в нем описываются происходящие в мире события. Сообщение о них превращает их в факты и налагает на говорящего ответственность перед адресатом за достоверность информации, за соответствие фактов действительности.

Сообщение делает очевидец, "наблюдатель", который прямо или через посредников передает информацию заинтересованным лицам, предоставляя им возможность стать "со-наблюдателями", присутствовать как бы в

нескольких местах одновременно — там, где они реально находились, и там, где побывал настоящий наблюдатель.

Ряд сообщений, связанных одним и тем же предметом внимания, образуют т е к с т. Почти парадоксальным примером сообщения-текста служит телевизионное комментирование спортивных соревнований, где адресат имеет возможность сам наблюдать ситуацию, которую ему описывают, и тут же проверять достоверность этого описания. Оправданность такого "жанра" в том, что комментатор в отличие от зрителя обязательно специалист (а не любитель) и как бы "видит больше", чем зритель (и к тому же в прямом смысле лучше — имеет более удобный "наблюдательный пункт"). Наиболее характерным ("прототипическим") жанром сообщения выступают новости в средствах массовой информации. Их специфика — в том, что в большинстве случаев адресат не имеет возможности проверить достоверность информации, выступает только как получатель сообщения, его реакция на него "остаётся за кадром" (как и в первом случае). Массовая информация — по преимуществу однонаправленное "квазиадресованное" распространение информации; назвать ее массовой коммуникацией было бы преувеличением: она не предполагает активного взаимодействия с адресатом, диалога с ним.

Коммуникативный смысл сообщения-текста — описать внешнюю по отношению к коммуникативной ситуации прагматическую ситуацию, действительность (или знания о ней): происходящие, произошедшие или запланированные события, "опосредуя" участие в них адресата (ср. также художественную литературу). Ответственность говорящего за достоверность информации накладывает на него обязанность "помечать" особыми языковыми средствами возможную ее неопределенность, ср.: *Это, на в е р н о е, Николай Иванович, по шагам узнаю; От к у д а-т о появился Коровьев и повесил на грудь Маргариты тяжелое в овальной раме изображение черного пуделя* (М. Булгаков).

Итак, сообщение информативно, нарративно, дескриптивно, эпистемично, "однонаправленно", потенциально содержательно для адресата, "проверяемо", его источником выступает наблюдатель; оно преобразует знания говорящего в информацию для адресата. Сообщение имеет форму утверждения, накладывающую на говорящего ответственность за его соответствие действительности. Оно о т д е л я е т прагматическую ситуацию от коммуникативной, превращая ее в тему и опосредуя участие в ней адресата.

Сообщение противостоит р е ч е в о м у д е й с т в и ю. В отличие от сообщения речевое действие не дескриптивно, а перформативно: оно не описывает прагматическую ситуацию, а актуализирует ее, превращая в объект изменения, ср.: *Садитесь vs. Петя предложил Ване сесть*. Перформативным его делает не только (и не столько) иллокутивный глагол в автореферентной форме, сколько интонация, модальные и действительные операторы, неиндикативные формы глагола, частицы, характер референции именных групп, побудительность и обращенность к адресату. Речевое действие не может иметь инстинктивной оценки, оно акционально, ср.: *Не хотите ли посмотреть нашу галерею портретов?; Познакомьтесь!; Не*

нужно кричать, Людмила Савельевна (М. Булгаков). В ответ на речевое действие нельзя сказать: "Это неправда"; "Этого не было".

В отличие от сообщения (новостей) речевое действие всегда "адресно" — оно предполагает не только наличие, но и спецификацию, выбор адресата, его участие в актуальной прагматической ситуации (не обязательно совпадающей по месту и времени с коммуникативной, ср.: *Просим сообщить дату Вашего приезда/подтвердить приглашение* — телеграмма).

Говорящий выполняет речевое действие не в связи с информационной потребностью адресата, а под давлением внутренних или внешних обстоятельств, связанных с актуальной для него прагматической ситуацией. При встрече он приветствует партнера, в ситуации незнания обращается к нему с вопросом, на юбилее — поздравляет, когда хочет уйти в отпуск — пишет заявление. Обращаясь к адресату, говорящий побуждает его стать участником не только коммуникативной ситуации, но и прагматической и этим принимает на себя ответственность за ее изменение: *Дайте, пожалуйста, ключ; Собрание открыто; Приходите к нам в гости.*

Коммуникативный смысл речевых действий — задать участие адресата в изменении окружающего мира, побудить его к реакции на содержание высказывания. Программа этой реакции предопределена говорящим и потому ограничена. Это не свобода выбора, а выбор из предоставляемых возможностей: на вопрос нужно ответить, совет или поздравление — принять или отклонить, просьбу — согласиться выполнить, выполнить или отказать выполнить. Реакция адресата не обязательно должна быть речевой (ср.: *Вы можете взять эту книгу; Проходите сюда*), но она обязательно должна последовать, в этом заключается прагматический смысл речевого действия. Выполняя его, говорящий не только сам становится "деятелем" в актуальной прагматической ситуации, но и "предоставляет" аналогичную возможность адресату. Речевое действие актуализирует не только прагматическую ситуацию, но и участие в ней адресата.

В случае когда на речевое действие говорящего адресат реагирует словесно, возникает последовательность речевых действий, д и с к у р с. Вырожденный случай дискурсного режима общения — реклама и вывески типа "Вход воспрещен", "Не курить", "Учет" и т.п. Они как бы вынуждают партнера задать тот вопрос, ответом на который они выступают, ср.: «У вас проблемы с телефонной связью? Фирма "Импульс" предлагает вам лучшее оборудование телефонных узлов».

Сообщения эпистемичны, речевые действия интенциональны: в них содержится потребность, вынужденность, необходимость, желание или обязанность говорящего изменить прагматическую ситуацию, с о з д а т ь новое положение дел, которое не может быть оценено как истинное или ложное. Речевое действие нельзя "проверить": оно не описывает действительность, а "порождает" ее. Степень "уполномоченности" говорящего на изменение прагматической ситуации проявляется в модальности высказывания, ср.: *Я вас попрошу / Не могли бы вы / Не затруднит ли вас / Могу ли я вас попросить / Вам бы лучше / Не лучше ли вам Р; ср. также: Заканчиваем прения vs. Не закончить ли нам обсуждение?*

Итак, речевые действия перформативны, акциональны, интенциональны, "инициативны", превращают говорящего и адресата в деятелей, творящих прагматическую ситуацию. Речевые действия преобразуют интенцию говорящего в побуждение адресата участвовать в изменении ситуации и накладывают на говорящего ответственность за происходящее. Речевые действия с и н х р о н и з и р у ю т коммуникативную ситуацию и прагматическую, с о в м е щ а ю т коммуникативные и прагматические роли говорящего и адресата.

"Квазидискурсный" случай речевых действий — когда говорящий "обращается" к самому себе, выступает своим адресатом. Реагируя на прагматическую ситуацию, осознавая ее или принимая сообщения о ней и "веря" им, он вырабатывает тактику поведения: *Дождь. Надо взять зонт; Завтра собрание. Хорошо бы на него не пойти / Не забыть бы написать отчет.* Это практическое рассуждение, ментальный аналог межличностного взаимодействия (ср. [4]).

Аксиологическое высказывание не только противостоит сообщению и речевому действию, но еще и синтезирует их. Подобно речевому действию, оно актуализирует прагматическую ситуацию и, подобно сообщению, приписывает ей некоторые свойства. В отличие от сообщения эти свойства не дескриптивны, а оценочны, и в отличие от речевого действия аксиологическое высказывание направлено не столько на изменение ситуации, сколько на выражение реакции на нее и апелляции к мнению адресата, ср.: *Трудный народ эти женщины!; Ах, какой вы скучный тип, Николай Иванович!; Гость сочувственно положил руку на плечо бедного поэта и сказал так: "Несчастный поэт!"* (М. Булгаков). Аксиологическое высказывание передает отношение говорящего к миру. Человек не может относиться к нему безразлично. Удивляясь, ужасаясь или радуясь, он выполняет аксиологические операции: осмысляет происходящее, интерпретирует его, "вписывает" в свою личную сферу.

Непосредственная реакция на актуальную прагматическую ситуацию спонтанна, непреднамеренна, рефлексивна: она направлена как бы на самого себя, на осознание отношения к происходящему; это чувства и ощущения "вслух", ср.: *Какая жалость!; Надо же, как странно; Очень красиво!; Прекрасная музыка!* Когда аксиологическое высказывание обращено к адресату, оно не только актуализирует прагматическую ситуацию и сообщает об отношении к ней говорящего, но и апеллирует к мнению адресата, вызывая его на аксиологический диалог, побуждая к аксиологической операции: *Прекрасный вчера был вечер, правда?; Смотри, какой дождь!*

Аксиологическая реакция ничуть не менее естественный вид высказывания, чем сообщение и речевое действие, скорее наоборот. Оценка происходящего как бы первична и по отношению к сообщению, и по отношению к речевому действию. Именно оценка события как важного побуждает говорящего сообщить о нем, а реакция на ситуацию как на не соответствующую потребностям говорящего становится стимулом к речевому действию, направленному на ее изменение, ср.: *Перестаньте меня*

мистифицировать!; Простите великодушно, светлая королева Марго! Я обознался (М. Булгаков). Оценочное высказывание поэтому естественным образом вписывается в сообщение или взаимодействует с речевым действием.

Оценка органично вписывается в сообщение. "Беспристрастный" комментарий скорее исключение, чем правило, сфера его распространения ограничена маргинальными регистрами речи (отчет, инструкция, официальный репортаж и т.п.), ср.: *Петя отгрохал себе шикарную дачу в самом живописном уголке поселка vs. Дачное строение, принадлежащее Петрову, находится на левом берегу реки и занимает площадь в 1 га.*

Оценка операциональна. Она воздействует на адресата и когда затрагивает его интересы, то вуалируется или имплицитруется, маскируясь под сообщение или речевое действие, ср.: *Не могли бы вы оставить меня в покое? вместо Как вы мне надоели!* Аксиологическое высказывание, в свою очередь, заменяет речевое действие, когда из содержащейся в нем оценки ситуации вытекают намерения говорящего, ср.: — *Как холодно!* — *Ладно, закрою окно.* Смысл таких высказываний — стремление вызвать перлокутивный эффект, который легко вычитывается адресатом, ср.: — *Как грустно!* — *Не жалуйся!* (*Не преувеличивай!*; *Не надоедай;* *Не мешай!*; *Не капризничай.*) В реакции на аксиологическое высказывание выявляется его прагматический смысл, противоположный коммуникативному, — он представляет собой не эмоциональную или рациональную оценку, а психологическое воздействие, ср.: — *Опять ты опоздала (Почему так поздно? / Когда ты перестанешь опаздывать!)* — *Не придирайся (не обижайся, не возмущайся).*

Обмен мнениями образует собственно коммуникативный режим общения. Коммуникативное общение всегда аксиологично. Это уточнение, проверка или сравнение ценностей, осознание и проявление реакции субъекта на положение дел в мире, ср.: *Вы срываете производственный план; Такого оборудования нет нигде!*; *Аннушка здесь совершенно не важна!* (Булгаков). Между партнерами устанавливаются коммуникативные отношения, когда сообщение и речевое действие совмещаются и преобразуются в апелляцию к мнению адресата, ср.: *Как вы считаете! Что вы думаете (скажите) по этому поводу! Как вы относитесь к тому, что Р?*

Для общения типично обсуждение мнения партнеров по поводу актуальных для них событий, проблем, ситуаций. Оно приводит к взаимодействию или противостоянию, взаимопониманию или поляризации, взаимообогащению или размежеванию, формирует ценностные представления субъектов и межсубъектные отношения, а также имеет множество других последствий, в том числе и лингвистических (см. [2, 53—67]). Реакция субъекта на ситуацию обуславливает программу его действий и поступков, мотивирует их. Сравнение оценок говорящего и адресата задает степень совместимости их деятельности и межличностного взаимодействия.

Несмотря на всю значимость и естественность аксиологических выска-

званий, их употребление может вызвать — и часто действительно вызывает — обратный желаемому эффект. Напротив, видимая беспристрастность в констатации фактов может произвести гораздо более сильную психологическую реакцию. Правда, для этого их нужно так расположить и противопоставить, чтобы вытекающие из них выводы "говорили сами за себя" — были бы настолько красноречивы, что не нуждались бы в комментарии. Специфический жанр такого аксиологического текста — всякого рода иносказания, шутки, анекдоты, басни, афоризмы и т.п.

Квазиестественным примером коммуникативного общения служит интервью. Его истинная цель — не столько узнать реакцию респондента на актуальные проблемы, сколько создать у третьего лица (адресата, аудитории) образ респондента, который, во-первых, необязательно ему интересен, а во-вторых, складывается намеренными усилиями инициатора интервью и потому не всегда объективен. Пресс-конференция в этом смысле — более естественный процесс общения. Респондент здесь не только источник официальной информации, но и носитель официальной позиции в отношении актуальных проблем; высказывая ее, он берет на себя обязательство проводить ее в жизнь.

Итак, аксиологическое высказывание оценочно, интерпретативно, субъективно, операционально, представляет собой осмысление актуальной прагматической ситуации и подразумевает ответную реакцию со стороны адресата. Оценочные высказывания входят составной частью в сообщения, придавая им смысл мнения, и содержатся в презумпции речевых действий, выступая по отношению к ним мотивом, формирующим коммуникативные намерения говорящего. Означая реакцию на прагматическую ситуацию, они актуализируют ее; будучи обращенными к адресату, они предлагают ему ощутить себя в ней и проинтерпретировать.

Реакция говорящего на прагматическую ситуацию воплощается в средствах, придающих диктуму смысл факта и выражающих аксиологическое отношение к нему субъекта речи, — это интонация, модальные частицы и глаголы, аксиологические операторы и пр., ср.: *Жаль (странно, интересно, неважно), что P [8, 354—362].*

Коммуникативный модус и метаречь

Коммуникативный модус — обязательная характеристика высказывания, придающая диктуму статус сообщения, речевого действия или аксиологического высказывания. Чаще всего эти характеристики накладываются друг на друга, предоставляя говорящему возможность произвести одновременно несколько действий, совместить их в одном высказывании, ср.: *Надеюсь, в следующий раз ты придешь вовремя* (просьба, предупреждение, "предположение", упрек), но отсутствовать они не могут: высказывание потеряет коммуникативный смысл.

Обязательность этих характеристик объясняет их грамматический в широком смысле статус — то, что обязательно, грамматикализуется. Но коммуникативный модус может быть выражен и лексически — эксплицитно. Коммуникативный модус лексикализуется под давлением психологических факторов — значимости ситуации, ее неоднозначности,

стиля общения, логики его развития и мн. др., ср.: *Что вы имеете в виду?; Зачем вы мне это говорите?; Это вопрос или просьба?*

Эксплицитный коммуникативный модус — результат рефлексии говорящего над своим коммуникативным состоянием — текстовым, дискурсным или собственно коммуникативным; его главный эффект в том, что актуализируется сама ситуация общения.

В режиме сообщения актуализируются информационные действия говорящего и вербальное пространство текста — его пространственно-временная организация и тематическое развертывание.

Текст — от лат. *textus* 'соединение'. Его главная риторическая характеристика — связность и целостность. Высказывания превращаются в текст, только когда между ними существует связь. Текст — столь связное образование, что в и д е а л е ни одно из составляющих его предложений не является самостоятельным — от интродуктивного, требующего продолжения, до заключительного, подводящего итог сказанному (ср.: *"Жили-были старик со старухой..."* и *"...И стали они жить-поживать да добра наживать"*). В тексте должна быть задана "эволюция", преемственность, рекурсия предмета внимания, и наращивание смысла, прогрессия сообщения о нем. Для этого выработались специальные коммуникативные средства: интродуктивные предложения, актуальное членение, выделительные и соединяющие союзы и частицы, анафорические местоимения, операторы, задающие тематизацию предмета внимания и рематизацию сообщения о нем, и т.п. Существует даже эталон коммуникативного взаимодействия предложений: рема предшествующего высказывания преобразуется в тему последующего, и множество других правил их соположения (ср. [7, 110—123; 9, 136—152]).

На деле совместить соответствующие правила трудно (или неудобно), и потому говорящий прибегает к явной, словесной экспликации связности изложения и его организации, к характеристике предмета внимания и сообщения о нем, ср.: *О Пете я расскажу подробнее (позже, короче, в другой раз); Петя уже ушел vs. Чт о к а с а е т с я Пети, то он ушел; В этой связи я хочу добавить, что Р и т.п.* Актуализируя вербальное пространство текста, говорящий получает возможность кроссreferенции к коммуникативно значимым единицам текста: к теме сообщения, к главному и второстепенному в информации о ней, к ее разнообразным коммуникативным свойствам, в частности к источнику получения информации, ср.: *Как стало известно / По сообщениям гидрометцентра / Агентство РИА сообщает* и пр.

Эксплицитный коммуникативный модус сообщения принимает форму м е т а т е к с т а. Его главный признак — в том, что он осуществляет референцию к вербальному пространству текста, его пропозициональной структуре, создает вторичную референциальную среду, смысл которой опосредован цитацией [3] и означает связь с предшествующим или последующим контекстом: *Речь пойдет о новом лекарстве; Я хочу рассказать о своем городе; Об этом я скажу позже; Повторю, что Р; Точнее / Проще / Короче / Иначе говоря, Р; Первое (главное), что следует подчеркнуть в этой связи... и т.п.*

Типичными ситуациями использования метатекста выступают сложно-организованные тексты, "сюжет" которых требует дополнительного комментария и структурирования; особенно характерен метатекст для научной (и "учебной") коммуникации (ср. предисловие, введение, примечания, заключение) [13]. В художественном тексте метатекст становится особым стилистическим приемом, ср.: *И, наконец, третье и последнее: моя работа над записками выразилась в том, что я озаглавил их* (М. Булгаков).

Метатекст — это своего рода коммуникативный "д е й к с и с", указывающий на тему сообщения, организацию текста, его структурированность и связность: *Начну с того, что Р; Как уже говорилось / Кстати / Между прочим / Возвращаясь к Р, скажу, что* и мн. др. Метатекст эксплицирует информационные действия говорящего в изложении содержания.

В дискурсном режиме актуализируется не только вербальное пространство текста, но и коммуникативное взаимодействие говорящего и адресата. Оно выражается в формулах обращения к адресату или в автореференции к своим речевым действиям — в перформативных глаголах, в метадискурсе, ср.: *Не скажете (ответите, посоветуете) ли вы, как лучше пройти к метро?; Предлагаю вам пари; Разрешите вам помочь.* Метадискурс называет речевое действие говорящего, желательную речевую реакцию адресата или то и другое вместе, ср.: *Не согласитесь ли вы принять наше приглашение посетить выставку?* Речевые действия преобразуются при этом не только в предмет внимания, но и в прагматические поступки, устанавливающие межсубъектные отношения и делающие возможным референцию к ним, ср.: *Спасибо за совет; Принимаю ваше приглашение; Обещаю выполнить вашу просьбу.*

Метадискурс также стилистически отмечен — он придает речи официальность и ролевую определенность [1], ср.: *"Я, хорошо знающий театральную жизнь Москвы, принимаю на себя речительство в том, что таких театров... нигде нет"* (М. Булгаков).

Метадискурс — это своего рода "и м я с о б с т в е н н о е" речевого действия, позволяющее идентифицировать, индивидуализировать, квалифицировать и отграничивать его от сходных, смежных или "смешанных". Оно же может быть использовано и как демагогический прием, псевдо-квалификация своего поступка: *Я всего лишь советую; Я не приказываю, а прошу; Не могу обещать* (вместо "отказываю"). Это своеобразная языковая игра, смягчение межличностных отношений, "эффект доброжелательности".

Метадискурс эксплицирует и усиливает перформативные свойства речевого действия, превращает их в самоверифицируемые утвердительные высказывания, ср.: *Пойдем в кино? vs. Предлагаю пойти в кино.*

В собственно коммуникативном режиме эксплицитный коммуникативный модус вскрывает прагматический смысл аксиологического высказывания и воплощается в метакоммуникативной реакции на него адресата: *К чему спорить; Не будем гадать;*

Ничего удивительного тут нет. Вольное или невольное воздействие говорящего на адресата фиксируется последним в предикатах второго порядка, проявляющих перлокутивный эффект высказываний говорящего и даже его личные качества: *не утрируй, не преувеличивай, не передергивай, не упрекай, не возмущайся, не придирайся, не шантажируй, не ной, не обманывай, не нервничай, не ворчи, без паники, командир нашелся, возмутитель спокойствия — шантажист, нытик, обманщик, ворчун, паникер, сплетница, попрошайка, клеветник* и т.д.

Метакоммуникация — это своего рода оценочная метадескрипция, характеризующая коммуникативное взаимодействие партнеров.

Метаречь и субъект речи

По отношению к содержанию коммуникации эксплицитный коммуникативный модус, метаречь, играет вторичную, вспомогательную роль, "метапредставляя" общение "глазами" говорящего или адресата, маркируя осознание ими своего коммуникативного состояния. Но для языка эти средства не второстепенны.

Эксплицитный коммуникативный модус порождается способностью языка к автореференции. Автореферентные высказывания указывают, называют и описывают объекты вербального пространства — сообщения, действия и операции говорящего — и потому становятся средством представления правил его использования говорящим. По отношению к языковой способности автореферентность языка оборачивается его "самопорождением" — возможностью усваивать язык, т.е. правила его употребления, на подсознательном уровне. Умению советовать, просить, угрожать, отказываться, предлагать и пр. не учатся сознательно, так же как и значению этих слов — они автоматически усваиваются в ситуациях их использования. Так, психологи заметили, что умение пользоваться метаречью отражает интеллектуальное развитие ребенка, его естественную интеллектуальную эволюцию [11].

Автореферентные высказывания концентрируют знания о речевом общении, стимулируют осознание различий между коммуникативными ситуациями, разграничивают их и противопоставляют, ср.: *не груби, не хами, будь вежливее, не перечь, не возмущайся*. Они дают имена способам речевого взаимодействия, концентрируя смысл не только речевых действий говорящего, но и всей коммуникативной ситуации — распределение ролей, возможные последствия, условия успешности и правила взаимодействия. Они определяют соотношение прагматической и коммуникативной ситуации и задают характер межсубъектных отношений, ср.: жалоба, приглашение, угроза, шантаж, благодарность. Более того, в них воспроизводятся "правила игры", способные формировать социальные роли партнеров. "Социологизация" имен речевых действий вносит порядок в межличностные отношения, саморганизирует их и придает им статус культуры общения, ср.: *протест, просьба, ходатайство, заявление, указ, пригласительный билет, выго-*

вор, апелляция, докладная, извещение, разрешение, объявление, замечание, предлог и мн. др.

Способность языка (точнее, говорящего) к автореференции оборачивается развитием, упрощением и организацией социально, политически и культурно значимых форм общения, ср.: *договор, соглашение, мораторий, меморандум, эмбарго, ультиматум, хартия, декларация* и пр. Культурологическая нагрузка речевых метаимен состоит еще и в том, что им уже приписаны ценностные характеристики, ср.: *донос, клевета, слетни, дезинформация, шантаж; благодарность, поздравление, приветствие, приглашение.*

Будучи отражением самого себя (своего употребления субъектом речи), язык становится также отражением говорящего: не только его действий, поступков, поведения и взаимодействия в социальном и межличностном пространстве, но и его внутренних — психологических, эмоциональных и ментальных — состояний [5].

Коммуникативная рефлексия над своими внутренними состояниями вынуждает субъекта речи превращаться в субъекта сознания: идентифицировать и квалифицировать свои чувства, эмоции, потребности, мысли, идеи, соображения, устремления, идеалы, а также осознавать свое место в социальном, культурном и ментальном пространстве (ср. [12]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и в языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3.
2. *Арутюнова Н.Д.* Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
3. *Лебедева Л.Б.* Референция и структурно-семантические аспекты высказывания: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1991.
4. *Рябцева Н.К.* Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
5. *Рябцева Н.К.* Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
6. *Серль Дж., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка.
7. *Bruner J.* Two modes of thought // Language and literacy from educational perspective. Philadelphia, 1988. Vol. 1.
8. *Burkhardt A.* Partikelsemantik // Sprechen mit Partikeln. В., 1989.
9. *Halliday M.A.K.* Language and the order of nature // The linguistics of writing: Arguments between language and literature. N.Y., 1988.
10. *Nøtke H.* Modality and polyphony: A study of some French adverbials // On modality. Copenhagen, 1989.
11. *Olson D.R.* Some oral language antecedents of literacy // Language and literacy from educational perspective. Philadelphia, 1988. Vol. 1.
12. *Wierzbicka A.* Language, culture, and cognition. Cambridge, 1992.
13. *Young L.* Language as behaviour, language as code. Amsterdam, 1990.

"ГОВОРИТЬ" В ЗЕРКАЛЕ ОБИХОДНОГО СОЗНАНИЯ *

Образы, живущие в идиомах и устойчивых сочетаниях слов, — это как бы мозаичное зеркало, в которое вкраплены былые впечатления. Они вновь воспринимаются, если в них возрождается живая связь с сиюминутной действительностью [6]. Но извлечь эту связь былого впечатления и живого его восприятия можно, по словам Ж.-П. Сартра, "только из рефлексии над образом" [5, 115], т.е. из его интерпретации в контексте миропонимания носителя языка [8]. Образное содержание сочетаний слов, придающее идиоматичность языку, отображает обиходную (и в этом смысле наивную) картину мира, а потому источником интерпретации образов является жизненная философия, которая лежит и в основе культурно-национального менталитета. Эталоны и стереотипы последнего регламентируют эмпирическую и духовную жизнедеятельность, составная часть которой — деятельность речевая.

Предметом данной статьи является описание коннотаций прототипа "говорить". Материалом для этого послужили образно мотивированные идиомы и устойчивые сочетания слов, включающие компонент *язык*, поскольку он воспринимается как выросший из образа символ речи. Цель работы — показать, как: 1) образно мотивированные сочетания участвуют в категоризации прототипа "говорить", внося дополнительные подробности, существенные для обиходного сознания, в способы презентации этого процесса; 2) сам отбор образов связан с рациональными и эмоциональными оценками этих способов; 3) образное содержание сочетаний выполняет роль стереотипов обиходного сознания.

Прежде чем обратиться к описанию материала, необходимо сделать ряд предварительных замечаний. Глагол *говорить*, по данным словарей русского языка, обозначает два вида речевой способности: владеть устной речью вообще, т.е. сам "дар речи" (и как "оттенок" — уметь говорить на каком-либо языке), и выражать в устной речи (вслух или про себя) какие-то мысли, мнения, сообщать факты, произносить что-либо. Словари описывают этот процесс синкретично, как бы объединяя в одно речевое действие три акции: произносить звуки, облекать в языковую форму некоторое содержание, сообщать его слушающему. Именно такое триединство артикуляции, вербализации и сообщения можно считать базисным (в смысле Дж. Лакоффа [3]) прототипом "говорить", т.е. наиболее обобщенным и типовым категориальным отображением в языковом сознании "нормального" говорения при "стандартном положении дел" [10].

Более высоким категориальным статусом (в соответствии с [3], см. также [12; 9]) по отношению к "говорить" обладает речевая деятельность, от которой говорение наследует такие признаки, как интенция агенса (говорящего), намеренность, контролируемость речи, осознание ее мотива и цели, ответственность за результат процесса, а также другие

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-10941: "Логический анализ языка: Речевые действия. Истина и истинность".

сопутствующие обстоятельства [10], вместе образующие прагматический фон речи.

Однако семантическое, прагматическое и синтаксическое содержание "говорить" гораздо богаче и разнообразнее на более низких уровнях его презентации. Об этом свидетельствуют такие гипонимы глагола *говорить*, как *шептать*, *шепелявить*, *мямлить*, *заикаться* и т.п., в фокусе которых — нечеткость артикуляции, *басить*, *гнусавить* и др., описывающие тональность речи, *бубнить*, *трещать* и под., подмечающие сходство по звучанию с чем-либо, либо гипонимы, обозначающие характер вербализации, — *изрекать*, *ораторствовать*, *разглагольствовать* — или же цель говорения — *заявлять*, *сообщать*, *толковать* и т.п. Эти примеры показывают, что структура прототипа "говорить" живет в сознании как триединство, в котором может активироваться (по Чейфу) каждая из его акциональных частей, а именно: *п р о и з н о с и т ь* (*Он с трудом произносит/выговаривает "р"; говорить четко; говорить высоким/низким голосом* и т.п.), что можно обозначить как "говорить_а"; выражать в языковой форме содержание пропозиции и отношения субъекта к обозначаемому, т.е. *в е р б а л и з о в а т ь* их (*говорить что-л. о чем-л.; говорить простыми словами; говорить изысканно* и под.), — "говорить_б"; *с о о б щ а т ь* содержание (*говорить кому-л., с кем-л.; говорить понятно* и т.д.) — "говорить_с".

Этих предварительных замечаний достаточно, чтобы высказать предположение о том, что идиомы и образно мотивированные сочетания, ассоциированные по своему содержанию с каким-либо "весомым" для обиходно-языкового сознания признаком "говорить", выполняют такую же категоризирующую роль, как и приведенные выше гипонимы *говорить*. Однако рефлексии обиходного сознания над образным основанием сочетания извлекают из него подобие, в контексте которого воспринимается и денотативное значение сочетаний [7]. Совокупность таких контекстов образует коннотативный спектр восприятия "говорить" (см. в этой связи аналогичное соотношение концепта и коннотации в [1]). Коннотации фокусируют различного рода подробности в акциональных частях прототипа, вводят в них дополнительные признаки или затушевывают те, которые не входят в образное представление. Более того, они приводят к появлению такого семантико-синтаксического представления прототипа, в котором роль агенса играет *язык*.

Итак, образно мотивированные устойчивые сочетания — не только экспрессивно-стилистическое "украшение" языка: они выполняют и когнитивную функцию, обогащая способы категоризации действительности и внося в ее прототипическое или концептуальное представление элементы эмпирического опыта, мифологического и культурно-национального мировосприятия. Покажем, как рефлексии обиходного сознания, оперирующего языком подобий, обогащают прототип "говорить" — его акциональные части.

Существенным для "говорить_а" является то, что агент (говорящий) "озвучивает" органами речи некоторое содержание, делая это намеренно, осознанно контролируя произнесение с целью вербализовать это со-

держание (здесь и в дальнейшем используется упрощенное модельное представление; подробнее о модели физического действия см. [11; 4]). Идиомы достраивают "говорить_а" образными гештальт-структурами, вводящими в фокус стереотипные, т.е. наиболее характерные и обычные, отклонения от норм произнесения. Такие отклонения имеют и обычные же причины. Главные из них: говорящий физически не может произносить правильно помимо своего намерения или он теряет контроль над этим процессом по независящим от него причинам. Говорящий предстает как "потерпевший" (пациент), а язык, воспринимаемый как инструмент речи, выступает как непосредственный виновник (квазиагент): *у кого-л. язык заплетается, не ворочается; язык не слушается, прилип к гортани, отнялся*, например: *Онпил мало, и теперь опьянел от одной рюмки английской горькой. Эта отвратительная горькая... одурманила всех, ктопил ее, точно ушибла. Стализаплетатьсяязыки* (А. Чехов); *Петрок растерянно стоял на снегу, не зная, кланяться, благодарить или как? У него вроде отнялся язык, и он ничего не мог вымолвить, не находил нужных слов* (В. Быков). Причина "плохого" произнесения может лежать и вовне; так, *язык сломаешь* говорится о чем-то труднопроизносимом: *Аганес Агабабыч, — крикнул Фарков, приподнимаясь. Вот имечко-то чертово, язык сломаешь, — сказал он Прохору* (В. Шишков). "Плохая" артикуляция может выражаться и другими образами: *каша во рту* — это очень невнятное произнесение, а преднамеренное искажение обозначается идиомой *цедить сквозь зубы*.

Отклонение от норм артикуляции "режет ухо", а потому воспринимается в контексте утилитарных или эстетических оценок — рациональных, выносящих суд нечеткому, невнятному или некрасивому звучанию, и эмоциональных, выражающих достаточно широкий диапазон чувств-отношений — от неодобрительного (*язык не слушается, прилип к гортани, отнялся*) до пренебрежительного (*язык заплетается, не ворочается*, ср. оценочно-рациональные нейтральные синонимы *говорит нечетко, с трудом*; подробнее о разграничении рациональной и эмоциональной оценок см. [7]).

Основной нерв речевого действия — вербализация мыслительного содержания. И хотя она активизируется в обиходном сознании как особая часть прототипа "говорить", наивная логика языка не проводит четкой границы между собственно артикуляцией и вербализацией, так как образы, лежащие в основе идиом, описывают действия или качества органов речи. "Говорить" — это "озвучивать" мысль, а ассоциация звука со звоном — один из архетипов обиходного сознания, поэтому речь уподобляется звону, производимому языком колокола [2, 261]. Когда говорят, что у кого-либо *язык хорошо подвешен*, то оценивают способность выбирать слова свободно, без затруднений; если же *язык плохо подвешен*, то и речь затруднена: *Ловок ты, братец, говорить. Здорово у тебя язык подвешен* (А. Васильев); — *Кропоткиным родственник. Язык подвешен что надо, а для того времени ораторские данные — существенное преимущество* (Д. Гранин). С "колокольной" метафорой ас-

социруется идиома *развязывать язык* — дать возможность разговариваться, заговорить непринужденно, без стеснения: *Выпитое ли вино, или потребность откровенности... или все вместе развязало язык Пьеру* (Л. Толстой). Эта же метафора лежит в основе идиомы *длинный язык* (об излишней болтливости). Образ языка в приведенных идиомах создает впечатление как бы автономного и не контролируемого субъектом речи устройства, неподвластного намерениям говорящего.

В трудовой метафоре язык воспринимается как управляемый агенсом инструмента. Подобия здесь извлекаются из таких трудовых действий, как *болтать, молотить, трепать, чесать*, так или иначе связанных в своих основных значениях с взбалтыванием или размельчением исходного продукта. Так как таким "продуктом" для вербализации является мыслительное содержание, то образ идиомы ассоциируется с воспроизведением одного и того же, но в мельчайших подробностях. Субъект таких идиом — *пустомеля, болтун, трепач*, и если он что-то и производит, то это — *ерунда, чушь*: *Не болтай всякую ерунду; Хватит молотить чушь*. В идиомах с трудовой метафорой явно прослеживается стереотипное для обиходного сознания представление о переливании из пустого в порожнее (что характерно и для глаголов, вышедших из идиом на основе "сжатия сюжета", — *болтать, трепаться* и т.п.)

"Говорить" вообразимо и в телесных ощущениях: *Пошутили, почесали языки, посмеялись — пора и за работу* (Ю. Нагибин); — *Ну что же язык-то даром трепать, — громко и решительно сказал он, пересиливая застенчивость. — Говорил с тобой Тихон Ильич?* (И. Бунин).

Трудовая и телесная метафоры могут сливаться и выступать как варианты: *чесать, трепать языком / язык*; поскольку образное представление в них редуцируется, в нем активизируются только весомые для стереотипа пустопорожней речи признаки — намеренное, контролируемое, но пустое по цели действие.

Обиходное сознание может и в "говорить" наделять язык функцией квазиагенса, снимая тем самым ответственность с говорящего: *язык развязался* — следствие того, что его кто-то (или что-то) «развязал»; *язык чешется* — значит "ему хочется сказать". Ср. в этой связи приметы: *чешутся глаза* — придется плакать, *ладонь* — считать деньги и т.п., которые свидетельствуют о том, что *язык чешется* — наследие мифологического сознания.

Выбор идиом в речи всегда прагматически нацелен, а отклонения от неписанных норм вербализации, и прежде всего ее избыточность и пусто-словие, вписывают идиомы, соотносимые с "говорить", в сферу отрицательных деонтических оценок, а сам образ-подобие может, служа эмоциональным стимулом, вызывать неодобрительное или пренебрежительное чувство-отношение, придавая идиомам иллокутивную потенцию. Так, сказать, что *Он болтает языком; У него язык как помело или длинный язык* — значит выразить пренебрежительное отношение к субъекту речи, совершив тем самым речевой поступок.

Когда в фокусе оказывается сообщение — "говорить", то образное

содержание идиом акцентирует распространение информации или тему сообщения. Вполне естественно, что распространение сведений выражается "колокольной" метафорой, а *раззвонить на всю округу* может служить стереотипом разглашения слухов, сплетен и т.п. *Распускать язык* — значит позволять себе распространять нечто, не подлежащее оглашению, *тянуть за язык* или *развязывать язык* — побуждать или принуждать кого-либо сообщать секретное, иногда разглашение тайны объясняют тем, что *черт дернул за язык*: ...*бес старческого хвастовства по т я н у л его за я з ы к* (Л. Леонов). Чтобы не проговориться, обычно советуют *придержать язык, держать язык на привязи, наступить на язык*, а угрожают *укоротить* или *вырвать язык*.

Тема сообщения фокусируется и инструментальной метафорой, которая сосредоточена на "параличе намерения": *язык не поворачивается* (сказать, спросить) — значит нет решимости сообщить что-то: *Я хотел было сказать, что не хочу ехать, но язык не поворотился* (С. Аксаков). Воспроизведение одной и той же темы ассоциируется с ее пребыванием на языке: что-либо *просится на язык, попадает на язык, не сходит с языка* или *слетает с языка*, а результат этого — *быть на языке, стать притчей во языцех*.

Постоянство темы позволяет судить о свойствах личности говорящего. Олицетворение через метонимию — один из архетипов обиходного сознания, который прослеживается при активации в "говорить_c" таких свойств, а способ их презентации — метафорическое использование модели "У X-а (есть) неотъемлемая принадлежность Y, обладающая специфическим признаком А". Ср.: *У него лживый язык и Он лжец; У него длинный язык и Он не умеет хранить тайну* (или *не в меру болтлив*). Метонимическое восприятие свойства через его олицетворение — одна из характерных черт мифологического мировидения, воспроизводимого обиходным сознанием с удивительной продуктивностью: злобность обретает *злой* или *зловный язык*, ехидство — *ехидный*, взаимопонимание — *общий*.

Рефлексии обиходного сознания над такого рода образами погружают их в этические контексты: *длинный язык* сообщает то, что нужно скрывать, *ядовитый* или *змеиный язык* жалит, ранит, отравляет жизнь, а *"злые языки"* страшнее пистолета" (А. Грибоедов).

Не случайно народная мудрость утверждает, что *язык мой — враг мой*. Поэтому на него насылают заклятия: *Типун тебе на язык!*; *Чтоб у тебя язык отсох!*; *Паришивый, проклятый, чертов язык* — источник греха: *И он [серафим] к устам моим приник, и вырвал грешный мой язык, и празднословный и лукавый...* (А. Пушкин). Не только поэтическое, но и обиходное восприятие греховности языка согласуется с догматами христианства: «Кто даст мне стражу к устам моим и печать благоразумия на уста мои, чтобы не пасть через них и чтобы язык мой не погубил меня» (I Сир. 22, 31). Факты подобного рода дают основание для вывода о том, что и народный менталитет, и духовная культура воплощаются в единицах языка через их образное содержание, которое поэтому и способно играть роль стереотипов обиходного сознания.

Итак, образные средства языка, выполняя роль коннотаций, фокусируют различного рода подробности, существенные для обиходного сознания, в акциональных частях прототипа "говорить", вводя в них дополнительные признаки, которые ассоциируются или с работой органов речи, или с процессами вербализации, т.е. воплощения мысли в языковые формы, или же со способом передачи сообщения и его темы. Синтаксическая структура образных сочетаний дополняет семантико-синтаксическое представление прототипа "говорить" такими моделями речевого действия, в которых язык выступает как квазиагенса. Эти модели являются идиоматичными семантико-синтаксическими вариантами к основной модели речевого действия, агенса которой — сам говорящий. Образы, лежащие в основе сочетаний, выполняют роль стереотипов культурно-национального восприятия "говорить" и придают представлению об этом речевом действии национальный колорит.

И наконец, результаты исследования дают ответ и на более общий вопрос: почему даже денотативно близкие прототипы или концепты "порождают" равные коннотативные контексты? Ответ прост: в них могут активироваться разные свойства, а последние могут обрести подобия, включаясь в разные же фреймы (ср. описание коннотаций концептов "истина" и "правда" в [1]). Поэтому, к стати говоря, вряд ли возможно собрать из коннотаций единый образ, как это предпринято в [9]: подобия извлекаются из знаний о разных свойствах прототипа или концепта, а не из целостного представления о них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
2. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещье слово. М., 1988.
3. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика. М., 1981.
4. Падучева Е.В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
5. Сартр Ж.-П. Воображение // Логос: Литературно-философский журнал. М., 1992. № 3.
6. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочные функции // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
7. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
8. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11.
9. Фрумкина Р.М. Еще раз об особенностях классификационного поведения // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.
10. Hudson R. Frame semantics, frame linguistics, frame...? // Quaderni di semantica. 1985. Vol. 6, N 2.
11. Rescher N. Aspects of action // The logic of decision and action / Ed. by N. Rescher. Univ. of Pittsburgh Press, 1966.
12. Rosch E.N. Principles of categorisation // Cognition and categorisation / Ed. by Rosch, V. Lloyd. Hillside, 1978.

ОПИСАНИЯ МИРА И РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ*

Известно, что вопросы и императивы не имеют истинностного значения (ср., например, [12, 301]). Эта особенность связывается с наличием в вершине семантической структуры вопросительного и повелительного предложения перформативного глагола *прошу*. Отсутствие же истинностного значения у перформативных высказываний очевидно: перформативные высказывания — это речевые действия, которые не могут расцениваться как истинные или ложные, но только как успешные или неуспешные.

Р. Якобсон, высказываясь против перифрастического анализа повествовательных и вопросительных предложений, указывал, что при любом развертывании повеления или вопроса получается обычное повествовательное предложение, лишенное той изысканной безотносительности к истине, которая присуща вопросам и императивам (см. об этом [9, 241]).

Попытаемся в качестве теста на наличие у различных типов предложений истинностного значения использовать построение новых предложений с вершинной лексемой *неверно*, которые могли бы служить эксплицитными перифразами отрицательных предложений, соотносительных с исходными [8, 144]. Если подчинение лексеме *неверно* возможно, то будем считать, что предложение имеет истинностное значение, если же нет — предложение не имеет истинностного значения. Это позволит выявить не описанные ранее типы предложений, не имеющих истинностного значения.

Рассмотрим предложения с классическими перформативами. Пусть говорящий совершает акт клятвы. Очевидно, что речевое действие, будучи достоянием действительности, не может быть подвергнуто отрицанию. Но стоит говорящему задуматься над тем, что он делает, и взглянуть на себя со стороны, как это бывает, когда он говорит или думает *Я моюсь* во время мытья, как отрицание соответствующего высказывания немедленно становится возможным. Между тем и акт клятвы, заключенный в словах *Я клянусь*, и рефлексия об акте клятвы выражается одним и тем же предложением *Я клянусь...* Отсюда ясно, почему предложение *Неверно, что я клянусь...* возможно для одного из значений предложения *Я клянусь*. Полугно отметим, что такая двойственность высказывания с перформативом, которое может быть и речевым действием, и описанием этого действия, ведет к парадоксам, в частности к знаменитому парадоксу лжеца (ср. [3, 9]).

Перформативное высказывание становится речевым действием только в устах говорящего в момент произнесения и при наличии определенных условий. Но мысль говорящего о собственном речевом действии уже может быть проверена на соответствие действительности. Высказывание, содержащее результат такой рефлексии, начинает жизнь, более независимую от своего создателя, чем перформатив (который жив только в устах

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-10941: "Логический анализ языка: Речевые действия. Истина и истинность".

говорящего), и становится описанием действительности. А коль скоро говорящий еще несет ответственность за достоверность изреченного, такое высказывание может быть оценено как истина или ложь. Итак, в одном из значений предложения с *Я клянусь, обещаю, настоящим удостоверяю* могут быть подчинены предикату *неверно*. Что же касается вопросов, императивов и восклицаний, то они ни в одном значении не сочетаются с *неверно*. Они-то и есть истинные речевые действия и никогда не превращаются в мысль о самих себе.

Таким образом, повествовательные предложения служат для того, чтобы выражать мысли о мире. Как эти мысли будут потом использованы, судить по структуре высказывания чаще всего нельзя. Это могут быть сообщения новостей, ответные реплики, жалобы, обещания, констатации фактов, не предназначенные для немедленной передачи. Забегая вперед, заметим, что некоторые повествовательные предложения обнаруживают присутствие говорящего и содержат указания на его иллюкутивные цели — сделать сообщение, опровергнуть собеседника, согласиться с ним и т.д. Это слова *а, же, действительно, ведь*, частица *-то*, вводные слова и обращения. Тест на сочетаемость с *неверно* обнаруживает неспособность предложений с такими словами быть объектом верификации: **Неверно, что у него и денег-то нет*; **Неверно, что у него же нет денег*; **Неверно, что он, по существу, прав* (последний пример — из [8, 158]). Если рассмотренные примеры, но без *неверно*, встречаются в полемическом контексте, когда оппоненту требуется опровергнуть реплику собеседника, то слова-актуализаторы исчезают из реплики-опровержения. Тогда опровержению подвергается только пропозициональное содержание, а *-то, и, а, отнюдь* и др. в состав реплики-опровержения не включаются: *Неверно, что у него нет денег*.

Попутно отметим, что имеется существенное различие между отрицательным предложением, парным некоторому исходному, и его опровержением, которое строится оппонентом. Так, в реплике, оспаривающей высказывание собеседника, первое лицо меняется на второе, второе — на первое, меняется и порядок слов, ср.: *У меня нет денег — Неправда, деньги у тебя есть*. В отрицательных предложениях, соотносительных с данным, таких замен нет, ср.: *У меня нет денег — У меня есть деньги*. Кроме того, там, где парное отрицательное предложение отсутствует (**Неверно, что у него же нет денег*), опровержение с соответствующими изменениями исходного предложения построить иногда можно (*У него же нет денег — Неправда, деньги у него есть*). Опровержение мы понимаем как выражение говорящим того, что пропозиция, пресуппозиция, импликация или предположения, содержащиеся в предшествующих репликах собеседника, ложны. Очевидно, что там, где процедура верификации не определена, например для речевых действий, опровержение может оказаться возможным. Так, представляется возможным опровержение восклицания *Какая сегодня хорошая погода!*, однако опровержимость вопросов и императивов, где пропозициональное содержание реконструируется с трудом, сомнительна.

Дж.Ф. Аллен и Р. Перро [1, 326], обсуждая иллокутивную силу предложения *Я устал*, пишут, что говорящий, желая информировать слушающего о том, что заключено в этой фразе, должен быть сам искренне убежден в том, что устал, и должен иметь намерение убедить в этом слушающего. Как следствие, слушающий знает, что говорящий устал. Действительно, бывает так, что, говоря *Я устал*, мы хотим информировать окружающих о своем состоянии. Но, быть может, мы хотим не информировать, а пожаловаться, или извиниться за бездеятельность, или это — мысли вслух и некто просто думает *Я устал*.

Совсем другое дело — вопросительное предложение *Который час?* Что касается намерений говорящего, то для любого обычного вопроса они постоянны — вопрос всегда выражает неведение говорящего и содержит призыв к слушающему это неведение рассеять. А вот для чего родилась фраза *Все смешалось в доме Облонских* или *Отрезок прямой короче всякой другой линии, соединяющей его концы*, определить по ее структуре нельзя. Это — описание мира, "изреченная мысль", и мы можем пользоваться ею как хотим.

Следует различать сознательное и открытое выражение иллокутивной цели перформативным глаголом и бессознательное, которое выражено интонацией (наставления, угрозы), наклоном (повелительным, желательным, побудительным) или структурной схемой предложения, скажем вопроса. Только неосознанное присутствие иллокутивной цели делает высказывание речевым действием. При любой экспликации иллокутивных целей совершается акт рефлексии говорящего над собственной деятельностью, в данном случае речевой, что немедленно превращает предложение в описание фрагмента мира. Иллокуция становится локуцией. Чтобы вернуть наше предложение в разряд речевых действий, нужно произнести его с перформативной интонацией, которую так чутко уловил и описал С.В. Кодзасов [7]. Нейтральная же интонация характерна для описаний мира, "удвоения" его в сознании говорящих. В такой двойственности коренится необходимость верификации, сравнения двух миров, одного — действительного и второго — мыслимого и "оговоренного". Для речевых действий — вопросов, команд, увещаний и угроз — мир един, и сами речевые действия служат частью этого мира.

Речевые действия включены в деятельность человека, не всегда речевую. Так, в качестве реакции на соответствующую просьбу следует сходить за хлебом, открыть форточку, прекратить болтовню, а в ответ на зов — отозваться или явиться перед лицом зовущего. Все это существенно отличается от "бескорыстной" цели описать мир, которая имеется у повествовательного предложения. Что же касается прагматических целей, не выраженных говорящим прямо, которые могут иметься у нейтрального повествовательного предложения, то они вынесены за пределы предложения — в контекст.

Анализ структурных схем предложений, приведенных в Грамматике [6, 549—604], и тест на сочетаемость с *неверно* дали следующие типы речевых действий, не рассмотренные ранее (мы приводим только примеры): *Скальпель!*; *Карету мне, карету!*; *За доктором!*; *Всем пирогам*

пирог!; Смеху!; Ох уж эти мне студенты!; Ай да жена!; Будет спорить!; Полно скромничать!; Не ночевать же тут!; Молчать!; Где мне с ним тягаться!; Ехать так ехать; Кутить так кутить; С тобой так с тобой; Никак нет; Так точно; Идет; Как скажете; Спрашиваешь!; Мое почтение!; До свидания; Счастливого пути и др.

Иллокутивная цель эксплицируется в семантической структуре предложения как предикат, подчиняющий себе некоторую пропозицию. Было бы неточно утверждать, что типы речевых актов различаются только содержанием иллокутивных целей (ср. [11]). Способ выражения иллокутивных целей — мера эксплицитности выражения и определенность (наличие альтернатив) — также отличает одни речевые акты от других. Рассмотрим шесть типов предложений, которые различаются степенью эксплицитности иллокутивных целей и пропозиционального содержания.

1. Нейтральные повествовательные предложения имеют прозрачную для отрицания пропозицию, которая не заслонена никакими четко очерченными иллокутивными или ментальными предикатами либо намеками на них. Фактически у таких предложений есть только пропозиция. Мы назвали такие предложения описаниями мира или изреченными мыслями. Например: *Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы*. Парное отрицательное предложение: *Сумма квадратов катетов не равна квадрату гипотенузы*. В продолжение мысли Р. Якобсона мы бы осмелились утверждать, что нейтральные повествовательные предложения столь же изысканно безотносительны к целям говорящего, сколь безотносительны к истине вопросы и императивы.

2. Не нейтральные повествовательные предложения, отмеченные интонацией восторга, сожаления, угрозы, обоснования, содержат "тайное" указание на иллокутивную цель, однако соответствующий вершинный предикат не исключает опровержения подчиненной пропозиции. При этом, строя опровержение, мы опускаем присущую соответствующим иллокутивным целям интонацию — она неповторима в парном отрицательном предложении. В результате при отрицании сохраняется только пропозиция. Таким образом, отрицания в строгом смысле у таких предложений нет, а более слабая процедура опровержения возможна. Такие предложения мы относим к разряду речевых действий.

Рассмотрим в качестве примера предложение обоснования: *(Дядя Вася Денисюк вдруг услышал громкий стук.) Просто дверь была закрыта на большой железный крюк*. Во втором предложении объясняется, почему раздался громкий стук. О том, что перед нами предложение обоснования, свидетельствует следующее: 1) слово *просто*, указывающее на обоснование; 2) особая интонация, характерная для предложений о причине (см. [13]), которую отличает двойной выделительный акцент на слове *дверь* и отсутствие пауз (все предложение произносится на одном дыхании); 3) особая жестикаляция. Иллокутивная цель такого высказывания — растолковать происходящее адресату. Отрицание у такого предложения отсутствует, так как его пропозициональное содержание заслонено имплицитной иллокутивной целью, но опровержение возможно: *Неправда, на большой железный крюк дверь закрыта не была*.

3. Предложения с некоторыми частями, вводными словами, обращениями, противительными союзами содержат лексические, но все еще имплицитные указания на иллокутивные цели и ментальные операции. Построение парных отрицательных предложений для таких высказываний затруднено. Практически опровергнуть высказывание с *а, да, же, -то, следовательно*, конечно, можно, но предикат, соответствующий некоторой иллокутивной цели или ментальной процедуре, должен быть опущен. Соответственно из опровержения исчезают указывающие на этот предикат лексемы.

Рассмотрим пример: *Хороша Маша, да не наша*. Это предложение сожаления. Предложения с союзом *да* и другими противительными союзами могут выражать также и удовлетворение говорящего: *Мал золотник, да дорог*. Это связано с тем, что в предложении *Хороша Маша, да не наша* первый из двух сочиненных членов оценивается говорящим положительно, а второй — отрицательно. В предложении же *Мал золотник, да дорог*, наоборот, первый конъюнктивный член плохой, а второй — хороший. И поскольку второй член в предложениях с противительными союзами более весом (об этом см. [10; 2, 99]), то предложение *Хороша Маша, да не наша* — это предложение сожаления, а предложение *Вася мал, да удал* — удовлетворения.

Кажется, что построение парных отрицательных предложений в рассмотренных примерах невозможно, так как кроме сообщаемых сведений о достоинствах Васи и Маши рассматриваемые предложения выражают оценки говорящих и в этом смысле являются речевыми действиями.

4. В вопросительных, повелительных и восклицательных предложениях иллокутивная цель выражена без помощи перформатива, но однозначно и определено: у вопроса, скажем, в отличие от повествовательного предложения иллокутивная цель не имеет альтернатив. (Под альтернативами мы понимаем возможность использовать повествовательные предложения как констатации, угрозы, предсказания, поздравления и т.д.) Между тем в вопросе пропозиция не имеет отдельного выражения. Если отбросить вопросительную компоненту русского специального вопроса, пропозиция может не получиться. Так, если от вопроса *От чего зависит наш успех?* отбросить вопросительную компоненту *от чего*, оставшуюся часть *зависит наш успех* нельзя будет считать полноценной пропозицией. Аналогичные примеры: *Где обитают слоны?; Кто пришел?; Который час?; Что делать?; Что он увидел?* Дело в том, что вопросительное слово синкретично обозначает указание и на иллокутивную цель, и на неизвестное говорящему — переменную величину: при семантическом разложении вопроса *Кто здесь живет?* получаем *Сделай так, чтобы я знал, кто здесь живет* [14, 280]. Иначе говоря, *кто? = сделай так, чтобы я знал, кто... а где? = сделай так, чтобы я знал место, такое, что...*

Таким образом, вопросительное слово задает иллокутивную цель предложения, а входящая в него пропозиция неполна: она может быть реконструирована при семантическом разложении. Описания мира, знаний и мыслей речевые действия в явном виде не содержат: знания здесь

кроются в пресуппозициях, имплицатурах и исходных предположениях (об исходном предположении см. [9, 88]). Вопросы, императивы, восклицания, диалогические реплики (*Да; Ладно; Идет; Спасибо*) — типичные речевые действия с неясной пропозицией. В диалоге возможны опровержения пресуппозиций, имплицатур и исходных предположений.

5—6. Следующий тип соотношения иллокутивной цели и пропозиции представлен высказываниями с вершинными перформативами в перформативном и неперформативном употреблении. И в том, и в другом случае цель высказывания и пропозициональное содержание заданы эксплицитно. Если высказывание произносится с так называемой перформативной интонацией, т.е. употреблено перформативно, то перед нами речевое действие с двойным выражением цели говорящего — эксплицитным и имплицитным. Отрицания такое высказывание не имеет.

Если же перед нами высказывание с нейтральной интонацией, т.е. в неперформативном употреблении, то отрицание возможно, и в сферу его действия попадает пропозиция, подчиненная перформативу, действительно или реконструируемому при перифрастическом анализе. Здесь мы опять вернулись к описаниям мира, с которых начинали.

Итак, у речевых действий доминирует иллокутивная цель, а у описаний мира — пропозиция. Существуют и промежуточные случаи, когда и пропозициональное содержание налицо, и иллокутивная цель выражена достаточно определенно: *Какая сегодня хорошая погода!* В работах А. Вежицкой разработан тончайший аппарат, позволяющий эксплицитовать иллокутивные цели и пропозициональное содержание высказываний. При этом различные иллокутивные цели целиком сводятся к пропозициям, а между тем от любой экспликации иллокутивная цель как таковая пропадает и речевое действие превращается в описание фрагмента действительности.

К. Бюлер [5], строя функциональную модель языка и включая языковой знак в акт речи, указывал на три функции языка — отображать мир, выражать говорящего и апеллировать к слушающему. Мы пришли к выводу, что в разных речевых актах эти три функции представлены в различных комбинациях и с разной степенью эксплицитности. Нейтральные повествовательные предложения по преимуществу отображают мир, восклицания выражают состояние говорящего, обращения (*Ваа-ся!*) апеллируют к слушающему, а вопросы и императивы выражают говорящего и апеллируют к слушающему.

По Бюлеру, высказывание выражает говорящего и воздействует на слушающего. И для сторонников перформативной гипотезы и перформативного анализа характерна эгоцентрическая картина взаимоотношений человека и языка, согласно которой каждое высказывание имеет своего хозяина — говорящего субъекта — и отвечает его целям. Представляется, что это не всегда так. Существуют высказывания, которые не обнаруживают никакой связи с говорящим и слушающим. Они не служат ничьим целям. Они довлеют сами себе. Обладая такой собственной внутренней ценностью, эти высказывания могут служить людям, которые при передаче знаний, заключенных в высказываниях, умножают свои информационные богатства. Однако для чего предназначены эти знания, в

содержащих их высказываниях нет никакого указания. Изреченная мысль имеет, безусловно, своего автора, но в содержащем ее повествовательном предложении об этом нет ни слова. Автор в тени, и слушающий неизвестен.

Таким образом, нейтральные повествовательные предложения описывают мир. Эти описания могут быть впоследствии использованы в утилитарных целях. Это их вторая функция. Так они включаются в речь и становятся сообщениями, жалобами, похвалами и похвалой. Вопросы, императивы и другие речевые действия включены в деятельность человека изначально: они выражают говорящего и воздействуют на слушающего. Они служат устойчивыми стимулами для разнообразных, в том числе и неречевых, реакций. Так, просьбы и команды "иллокутивно вынуждают" (см. [4]) по преимуществу неречевые действия. Речевые действия актуальны, субъективны и утилитарны, изреченные мысли виртуальны, объективны и универсальны, они вообще не имеют цели.

Итак, мы различаем описания мира и речевые действия. Не будем сводить одно к другому. Они имеют много общих черт, и эта общность вызвала к жизни перформативный анализ. Настало время провести разграничительную черту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Дж.Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
4. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ. 1992. N 2.
5. Бюлер К. Теория языка (извлечение) // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2.
6. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
7. Кодзасов С.В. Виды перформативности и их показатели // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
8. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
9. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
10. Санников В.З. Значение союза "но": нарушение нормального положения вещей // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1986. N 5.
11. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка.
12. Хилппинен Р. Семантика императивов и деонтическая логика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
13. Янко Т.Е. Коммуникативная структура с неингерентной темой // НТИ. Сер. 2. 1991. N 7.
14. Hintikka J. Answers to questions // Questions. Dordrecht; Boston, 1978.

ПРАГМАТИКА РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ: КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Н.Д. Арутюнова

МОЛЧАНИЕ: КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ

О молчании можно судить двояко: как о нулевом речевом акте и как о дескрипции нулевого речевого акта, осуществляемой средствами языка — глаголом *молчать* и его производными. Других значений глагола *молчать*, в частности *молчать* 'не издавать звуков', мы не касаемся. Нас будут интересовать дескрипции молчания, и прежде всего их экстенционал и контексты употребления, т.е. те ситуации, в которых отказ от речевых действий может быть подведен под понятие молчания и в описании которых участвует глагол *молчать*. Необходимость обращения к экстенционалу молчания вызвана тем, что далеко не всегда отсутствие речи может быть квалифицировано как молчание, и, с другой стороны, молчание не обязательно имплицитно подразумевает отсутствие речевой деятельности. Специфика ситуаций, к которым применимо понятие молчания, определяет контексты, в которых используются "слова молчания".

Молчание — отрицательный феномен, и это затрудняет разговор о значении "слов молчания". К отрицательной семантике применим тезис Л. Витгенштейна о том, что значение слова есть его употребление.

I

Значение глагола *молчать* толкуется через отрицательную форму наиболее общего и неспецифицированного по коммуникативной цели предиката речи — глагола *говорить*; ср. в словаре Ушакова: МОЛЧАТЬ — "ничего не говорить, не произносить никаких звуков голосом, безмолвствовать". Концепт молчания, таким образом, формируется на фоне понятия говорения, вторичен по отношению к нему. Соответственно и прагматика молчания, как будет показано ниже, формируется на фоне прагматики говорения. Так, *нарушить (прервать) молчание* можно только тогда, когда был прецедент говорения. К ситуации "абсолютного начала" эти выражения неприменимы. Точно так же *замолчать* может только говорящий, *заговорить* — не только молчавший. Молчанию предшествует говорение, говорение же необязательно предваряется молчанием.

Семантическая и прагматическая маркировка молчания выявляется поэтому через его сопоставление с говорением, а экстенционал глагола *молчать* — через сопоставление с экстенционалом отрицательной формы глагола *говорить*, лексическим эквивалентом которой он является.

Итак, в значение глагола *молчать* и его производных (*промолчать, помолчать, замолчать, замалчивать, умолчать, отмолчаться, смолчать*) входит отрицание. Наличие отрицания уже само по себе является важным фактором, определяющим экстенционал глагола *молчать*.

Отрицательные предложения, как правило, используются в ситуации обманутого ожидания: *Я звал тебя, но ты не оглянулась, Я слезы лил, но ты не снизошла* (А. Блок). Условие обманутого ожидания в равной мере характерно для прагматики отрицательных предложений и для употребления глагола *молчать*: *Я ждал ответа, но он не отвечал (молчал); Все ждали, что он скажет, но он ничего не говорил (молчал); ср.: Она смотрела на него и, по-видимому, ждала, что он предложит ей пойти в сад, но он молчал* (Чехов).

Однако между отрицательной формой глаголов речи и глаголом *молчать* есть существенное различие, вызванное спецификой внутреннего (лексического) отрицания сравнительно с отрицанием внешним (грамматическим).

Обманутое ожидание возникает тогда, когда нарушается рутинный или прогнозируемый ход событий. Однако оно не имплицитно неенормативности создавшегося положения дел: *Я ждал его звонка, но он не позвонил*.

Когда отход от стереотипа становится регулярным и социально значимым, он обозначается особой лексемой. Это естественно. Отклонение от нормы привлекает к себе внимание. О нем сообщают, его обсуждают, объясняют и оценивают. Для этого его нужно поименовать. Маркируя отклонение от нормы, внутреннее отрицание приравнивает отрицательный феномен к положительному, неслучившееся к случившемуся, несказанное к сказанному, а несказанное к выразимому. Недействие становится эквивалентом действия (антидействием). Оно приобретает собственные характеристики. Нельзя *красноречиво* (*выразительно, угрюмо, растерянно*) *не говорить*, но можно *красноречиво* (*выразительно, угрюмо, растерянно*) *молчать*.

Степень лексикализации отрицания может быть большей или меньшей в зависимости от того, имеет ли глагол *молчать* точечное или континуальное значение. При точечном значении темпоральное обстоятельство задает отрезок времени, на котором были или не были зарегистрированы "событийные точки": *Он не говорил со мной об этом два года*. При континуальном значении обстоятельство маркирует весь период протекания действия: *Он говорил два часа*.

Глагол *молчать* имеет точечное значение тогда, когда имплицитно определенное содержание: *Он молчал об этом два года*. В этом случае *молчать* является квазиэквивалентом отрицательной формы *не говорить*. В континуальном значении отрицание наиболее лексикализировано: *Вот уже час как он молчал*. Континуальное значение может получать дескриптивные определения: *Вот уже час как он угрюмо (задумчиво, мрачно) молчал*. При отрицательной форме *не говорить* они невозможны или по крайней мере редки.

Итак, глагол *молчать* ориентирован на ненормативные ситуации, и это существенно отличает его от отрицательной формы *не говорить*; ср.: *О своих родителях он не говорил* и *О своих родителях он молчал*; *Он никогда не говорил о болезнях* и *?Он молчал о болезнях*. Отрицательная форма *не говорить* соответствует ситуациям ошибочного предположения или неосуществленной возможности; она может характеризовать речевое поведение человека: *О себе он никогда не говорил*.

Глагол *молчать* употребляется тогда, когда был нарушен стереотип поведения. Установка на обозначение отклонений от нормы становится явной в семантике производных от глагола *молчать* — *умолчать*, *смолчать*, *промолчать*, *отмолчаться*, *замалчивать*.

Ненормативное действие обычно производится человеком сознательно. Признак контролируемости сопутствует молчанию (о молчании как симптоме будет сказано ниже). Можно молчать в нерешительности, но и нерешительность эквивалентна решению. В терминах молчания не говорят о ситуациях невладения речью. О младенце не скажут, что он молчит. Глагол *молчать* неприменим к нему. Его не относят также к случаям невладения тем или другим конкретным языком: можно *не говорить*, но не *молчать* по-итальянски.

Таким образом, глагол *молчать* (не в метафорическом значении) предполагает возможность выполнения речевого действия, форма же *не говорить* не только лишена такой пресуппозиции, но она может прямо сообщать о неспособности человека к речевой деятельности или о невладении каким-либо конкретным языком. "Владеть речью" — одно из значений глагола *говорить*, *молчать* с этим значением не соотносится.

Итак, прагматика молчания отлична от прагматики говорения. Анализируя прагматику молчания, мы одновременно узнаем, когда наличие речи в тех или других социальных и культурных условиях принимается за норму. Вместе с тем экстенционал молчания не совпадает и с экстенсионалом неговорения. Это различие обусловлено, в частности, тем, что *молчать* обычно предполагает сознательность действия, а отрицательная форма *не говорить* лишена жесткой связи с контролируемостью.

II

Специфика феномена молчания формирует не только экстенционал глагола *молчать*, но и контексты его употребления.

Как всякое ненормативное явление, молчание подлежит оценке. Оценка молчания обратна оценке говорения в данных условиях. Поскольку в семантику молчания входит отрицание, объектом оценки является сам факт отсутствия речи, а не какие-либо его характеристики. Иначе говоря, оценка основывается на прагматическом критерии; ср.: *Стыдно молчать об этом* и *Стыдно тебе так говорить*. В первом случае оценка дается самому факту молчания, во втором — осуждается не только и не столько факт речи, сколько ее содержание: о том, о чем стыдно говорить, обычно стыдно и думать; ср. также: *хорошо (плохо) говорить и молчать* —

хорошо (плохо). В первом случае оценивается форма или содержание речи, во втором — только факт ее отсутствия.

Будучи сознательным ненормативным действием человека, молчание (факт молчания) подлежит утилитарной и нормативной (особенно этической) оценке; ср.: утилитарная оценка — *бесполезно/нет смысла/опасно/целесообразно молчать*; этическая оценка — *стыдно/подло/некрасиво/безнравственно молчать*. Этическая оценка при этом ставится над утилитарной: чем опасней молчать, тем выше оценивается факт молчания, и, напротив, чем безопасней молчать, тем выше оценивается акт не-молчания.

Из того, что в структуру молчания входит отрицание, следует, что в отличие от говорения, ассоциируемого с целями (иллокутивными силами), о молчании не судят в терминах целей: **Для чего (зачем, с какой целью) ты молчишь?* [3]. Молчание, как и любое другое не-действие, имеет причину: *Почему (отчего) ты молчишь?* Поскольку молчание является контролируемым человеческим действием, причина равнозначна мотиву.

Мотив синтезирует понятия причины и цели [2; 5]. Пропозициональное содержание мотива эквивалентно указанию на цель: *Я предпочел молчать, так как боялся обидеть мальчика (= чтобы не обидеть мальчика)*. То, что мотив предшествует действию, роднит его с причиной. Итак, для глагола *молчать* естественно входить в каузальный контекст, сочетаясь с обстоятельствами причины-мотива: *молчать из страха/от смущения/в нерешительности/не зная, что сказать* и т.п.

Теперь поставим вопрос так: какие следствия можно ожидать от совместного действия двух факторов: 1) того, что молчание в общем случае оценивается этически, и 2) того, что для молчания характерен каузальный контекст? Если акт молчания подлежит отрицательной оценке, то его мотивы обычно служат целям обвинения или оправдания: "Молчал из страха", — скажет обвинитель. "Молчал из страха за своих близких", — скажет обвиняемый. В следующем примере все "спутники" молчания подчинены задаче оправдания, но в редакции говорящего они выступают на стороне обвинения: «Наших писателей отличает от Льва Николаевича Толстого главным образом один глагол, одно действие. *Могу молчать*. Сколько оттенков молчания! Тут множество алиби: *молчание с огорченным лицом, молчание по бюллетеню, из-за отсутствия материалов, молчание по высшим причинам* ("так ему лучше"). *Молчание как знак помощи Молчание с гражданской слезой, молчание саркастическое*» (Г. Козинцев. Запись в дневнике от 2.X 1969 г.).

III

Рассмотрение ситуаций, входящих в экстенционал молчания, подтверждает прогноз, основанный на том, что в семантику "слов молчания" встроено отрицание. Действительно, "словами молчания" характеризуются ненормативные положения дел. Общие границы экстенционала молчания определяются тем, что о молчании говорят только на фоне коммуникации, т.е. тогда, когда в принципе возможно речевое общение — реальное или виртуальное.

Коммуникативные ситуации очень различны по степени своей конвенциональности. Наиболее нормирован диалог. На его фоне четко видны контуры молчания, которое может быть приближено к нулевому речевому акту¹. Глагол *молчать* и некоторые производные от него глаголы (*про-молчать*, *смолчать* и др.) регулярно используются для описания "пропущенной" речевой реакции. Диалогическое молчание может быть вызвано разными причинами и сообразно с ними (а также в согласии с мимикой) получать различную интерпретацию [4, 49; 8; 9]. Как правило, молчание скрывает за собой тот или другой вид оппозиции. Молчание редко сигнализирует о солидаризации с говорящим: *?Он выразил свое согласие молчанием*. Формулой "молчание — знак согласия" пользуются в прямой речи, напоминая адресату, что возражения следует эксплицировать. Молчанием адресат может дать понять, что не будет препятствовать действиям говорящего, но не хочет нести за них ответственность. Молчание есть знак самоустранения, а не согласия, и это особенно хорошо видно в социальной коммуникации, например: "До сих пор, худо ли, хорошо ли, всегда можно было уклониться от участия в истории. Тот, кто не одобрял, часто мог молчать или говорить о другом. Нынче все изменилось и само молчание приобрело страшный смысл" (А. Камю. Нобелевская лекция).

В контексте диалога и межличностного общения молчание более всего ассоциируется с не-ответом (— *Вера, скажи нам, что с тобой?* — *Вера молчала*), отсутствием отклика на зов (— *Вера!* — *Молчание*), несообщением информации заинтересованному лицу (*знал, а молчал*), невыражением мнения из боязни или во избежание нежелательных последствий: *Тут бы можно поспорить нам, но я молчу: Два века ссорить не хочу* (Пушкин). В первых двух случаях молчание занимает место непосредственной диалогической реакции, в третьем — скорее стимула, в четвертом — оно ближе к реакции, выражающей позицию невмешательства. Отсутствие реакции есть в то же время и отсутствие стимула к продолжению разговора. Обезоруживая оппонента, молчание само становится оружием: *Я выходил из себя, жена молчала. Молчание — огромная сила. Надо его запретить, как бактериологическое оружие* (С. Довлатов).

Далеко не все диалогические провалы и пустоты описываются глаголом *молчать*. Это объясняется тем, что в нем, как и в глаголе *говорить*, не эксплицирована иллокутивная сила. Поэтому во многих случаях предпочтение отдается отрицательной форме иллокутивного глагола: *не возражил, не ответил, не спросил*.

В терминах молчания не может быть описано отсутствие перформативного речевого акта. Под понятие молчания, в частности, не подводится пропуск этикетных перформативов, хотя они наиболее конвенционализированы и обязательны. "Лакуны вежливости" описывают иллокутивные глаголы: *Он толкнул меня и даже не извинился* (*промолчал). В предложении *Он увидел меня, остановился и молчал* имеется в виду отсутствие

¹ М.А. Кронгауз в семинарском докладе о функциях приставок отметил, что приставочная парадигма глагола *молчать* показывает, что он интерпретируется как глагол речевого акта

содержательных высказываний, а не приветствия. Таким образом, не все типы пропущенных речевых реакций подводимы под категорию диалогического молчания.

В межличностном общении возможна ситуация взаимного молчания, молчаливого разговора: *Часто случалось, что после нескольких минут оживленного молчания Федор вдруг замечал, что все время знали, о чем эта двойная как бы подтравная речь, вдруг выходявшая наружу одним ручьем, обоим понятным словом* (В. Набоков). Молчание в ходе общения может возникать и по другим причинам, например тогда, когда нужно подумать о чем-либо и принять решение: *Из комнаты в комнату мы долго задавали друг другу шарады, за молкая (до сих пор слышу тон этого двойного молчания в темноте) она — для разгадки моей, я для придумывания новой* (там же).

Человек молчит, когда думает (если он не думает вслух), но не тогда, когда слушает. Хотя в ряде языков молчание этимологически связано со слушанием, о слушающем человеке обычно не говорят, что он *молчит*, разве иногда скажут, что он *слушает молча*, т.е. не перебивая.

Наряду с диалогическим молчанием в экстенционал глагола *молчать* входит "светское молчание" — молчание в обществе, неучастие в беседе, обмене мнениями, общем разговоре, пении (*все пели, а он молчал*).

Молчание в компании, как, впрочем, и в контексте личных и семейных отношений, оценивается не столько "штучно", сколько количественно, т.е. относительно той доли участия в речевой деятельности, которая принимается за норму: *В обществе он больше молчал*. Молчание в этом случае отвечает настроению или общей поведенческой характеристике человека, определяемой как молчаливость.

Тогда, когда речь идет о количественной характеристике речевой деятельности, контролируемость уступает место привычке. Р.О. Якобсон пишет о Маяковском: "Маяковский никогда не сплетничал ни о себе, ни о других. Он вообще не разговаривал. Он шутил, читал стихи. Говорил на литературные темы. Он не любил разговоров. Он был довольно молчаливый человек". Этот пример интересен тем, что под понятие молчаливости подводится не доля участия в речевой деятельности вообще, а несклонность человека к тому виду коммуникации, который "выдает" его интимное содержание. Молчалив значит замкнут, неоткровенен; ср. следующее соображение В. Турбина: "Вопрос о личном молчании слишком интимен... Каждый из нас личность, а личность отличается от индивидуальности хранением... тайны (индивидуальность, напротив, призвана себя выявлять, ей не противопоказана даже болтливость)". Молчание, таким образом, ассоциируется с тайной души; ср. сюжет рассказа Л. Андреева "Молчание".

Наконец, есть еще одна серия ситуаций в контексте межличностного общения, когда отсутствие речевой реакции оценивается в терминах молчания. Это не-ответ на то, что наносит урон достоинству человека: *молчать* и *смолчать* — значит снести обиду, не дать отпора: *Его задевают, а он молчит*. Молчание в контексте борьбы соответствует позиции слабости или смирения. Эта ситуация раскрыта в рассказе И. Бунина "Я

все молчу", герой которого, впрочем, приписывает свое молчание "тайне души" ("Прах моей могилы все узнает"). Молчание как поведенческая позиция характеризует также отсутствие протеста против ущемления прав другого. В этом значении "молчание" приобретает социальный резонанс. Молчание в социальном контексте эквивалентно невыполнению нравственного долга. Долг лично ориентирован, нравственный закон универсален. Поэтому оправданием молчания не может служить непризнание обязательства по отношению к той или иной категории лиц или конкретному лицу, например: «Немецкий лютеранский пастор рассказывал: "Когда убивали евреев, я молчал, потому что я не еврей. Когда сажали коммунистов, я молчал, потому что я не коммунист. Когда били католиков, я молчал, потому что я не католик. Когда пришли за мной, уже не было никого, кто мог бы сказать хоть слово в мою защиту"» (из прессы).

Будучи отступлением от нравственного предписания, молчание в социальном контексте является предметом отрицательной оценки. Ему отводится определенное место на аксиологической шкале. Обычно молчание осуждается менее сурово, чем совершение явного негативного действия: *молчал, но не лгал (не стучал, не обличал)*; *Другие в лучшем случае молчали, в худшем — подличали* (из прессы).

Считается, что молчание не нарушает запретов. Такова позиция "слабой этики". В рамках "сильной этики", основывающей свои требования не на запретах, а на предписании позитивных действий, молчание приравнивается к отрицательной акции: лжи, предательству и т.д. Например: *Кто стучал, кто молчал, кто обличал, а кто героически ложился в больницу, чтобы не голосовать Это частности* (Е. Попов); *Сбили самолет с детьми, а телевидение молчит: как лгали, так и лгут* (из прессы); ср. также название статьи протоиерея Виктора Потапова "Молчанием предается Бог". "Сильная этика" оценивает не воздержание от отрицательного действия, а уклонение от действия положительного [6, 14—17]. Выполнение требования "сильной этики" обозначается не антонимом глагола *молчать* — *говорить*, а отрицанием молчания: "*Писатели не молчат*" (заглавие статьи). Форма "не молчал", несмотря на то что *молчать* не имеет валентности на адресата, имплицитно "был услышан", в то время как "говорил", несмотря на наличие адресатной валентности, замыкает действие сферой говорящего, ср.: *Я не молчал* и *Я говорил*. Первое указывает на действие, имевшее эффект, второе — на речь, повисшую в воздухе.

Молчание в социальной коммуникации не предполагает отсутствия именно устной речи, говорения. Оно противостоит любой форме выражения социального протеста, даже не собственно языковой. Более того, устное выражение мнения, высказанное частному адресату и не "прозвучавшее" в общественной среде, приравнивается к молчанию. Несоблюдение прагматических условий сводит его на нет.

В рамках социальной коммуникации вопрос о границах между молчанием и немолчанием становится весьма деликатным. В статье под названием "На рубеже молчания" известный литературный критик пишет: "Но где начинается молчание литератора? Если я что-нибудь любопытное

пробормотал за обедом жене, молчу ли я? Очевидно, все же молчу. А сказал студентам на лекции? Выходит, тоже молчу, тем более что юные мои коллеги ничего и не захотели понять, а некоторые вообще не слышали... Я написал статью, книгу, а ее забраковали в редакции... Книга есть или же ее нет? Высказался я или все еще продолжаю молчать? [...] Молчал ли я и молчу ли? Уж не знаю сам, молчу или нет" (Дружба народов. 1989. № 8).

Экстенционал молчания утрачивает определенность. Молчанием оборачивается говорение, осуществленное в неадекватной ситуации, речь о другом, речь, не выражающая подлинных мыслей говорящего. На молчание переносятся признаки говорения; ср. в статье упомянутого критика: *Пока же журналы молчат, хотя молчат они громко. Громогласное их молчание все еще нерушимо*; вот еще пример: *В конечном счете, и Годо, и его аналоги ведут в тупик молчания, которое бывает разным: красноречивым, болтливым, многозначительным, бессмысленным* (А. Гиннес).

Таким образом, в понимании молчания произошел сдвиг со звуковой стороны речи на содержательную. Молчание стало совместимо с говорением, и в него стал "утекать" смысл речей. Но тема "утечки" часто обозначается. Глагол *молчать* имеет валентность на дополнение, относящееся к утаенной информации или ее теме: *о своем прошлом он молчал*. При глаголе *умолчать*, ориентированном именно на информативную сторону речи, эта валентность реализуется регулярно. Об этом глаголе см. [6, 14—17].

Этическое вынуждение не есть единственный стимул социальных вытуплений. Каково наиболее общее условие "законного" пользования речью в "глобальной" коммуникативной ситуации, когда человек максимально свободен от вопросов, запросов, допросов и опросов, от докучных журналистов и следователей? Что в этом случае оправдывает "говорение", а следовательно, позволяет квалифицировать неговорение как молчание. В самом общем виде можно утверждать, что говорить должен тот, кому есть что сказать (разумеется, если говорение не приносит вреда). Если есть что сказать, оно должно быть сказано. Это долг. Ситуация неговорения в этом случае квалифицируется как ненормативная. Этим объясняется регулярное употребление глагола *молчать* в применении к тем категориям людей, которые по определению должны иметь что сказать, — к писателям, общественным деятелям, проповедникам, учителям жизни. Ситуация молчания в этом случае интерпретируется как ненормативная — как знак творческого кризиса, как вынужденность, определяемая социальными условиями, иногда как пауза. Поэтому законно не только сообщение о молчании писателя, но и вопрос о его причинах; ср.: *Почему же Блок промолчал год в пору всеобщего обожания? Как Толстой входил в "Анну Каренину" из мучительно заполняемой паузы?* (М. Кудимова).

IV

Было рассмотрено употребление глагола *молчать* в разных видах более или менее конвенционализированных коммуникативных контекстов — межличностных и социальных. Хотя глагол *молчать* в отличие от не

говорить лишен "прагматических валентностей", он сохраняет прагматику, свойственную говорению: молчание адресовано, оно имеет мотив, а иногда и цель, и может соотноситься с вполне определенным содержанием. Оно включено в систему стимулов и реакций. Однако как форма социального поведения молчание не только семиотично, но и симптоматично. Получая поведенческий смысл, молчание выходит за пределы "тесной" коммуникации.

Ниже мы коротко остановимся на тех текстах, в которых молчание освобождается от пут коммуникации, — психологическом, религиозно-мистическом и эстетическом. В них молчание становится соответственно симптомом, условием, отказом.

Во всех названных контекстах молчание расценивается как отступление от естественной для человека, наделенного даром речи, речевой практики: дар речи не предназначен для хранения втуне. Только конец жизни оправдывает молчание. Об ушедших из жизни говорят, что они навеки умолкли (замолчали). Речь ассоциируется с жизнью, молчание — со смертью: *Молчат гробницы, мумии и кости, — Лишь слову жизнь дана* (И. Бунин); *В такие минуты глухо молчит души половина, которая ранена насмерть* (А. Белый).

Оправданное индивидуальной ситуацией, молчание воспринимается как отступление от поведенческого стереотипа. Оно рассматривается как симптом внутреннего кризиса: болезни, отчуждения, чувства одиночества, интимных переживаний, принятия трудного решения, тайны, сосредоточенности на сокровенном и т.п.: *И каждый думал и молчал о чем-то дорогом* (М. Исаковский).

Молчание о сокровенном ритуализовано, ср.: *почтить память минувшей молчания; торжественное молчание*. Оно наступает тогда, когда слова неуместны и суетны. Чтобы сделать молчание нормативным, его канонизируют и о его наступлении предупреждают.

В религиозно-мистическом контексте молчание является условием "другого разговора" — общения с Богом и Природой, их прямого познания. Природа говорит у Плотина: "Не вопрошать меня должно, а разуметь самому в молчании, как и я молчу и не имею обыкновения говорить" (цит. по [1, 55]). В такого рода контекстах хорошо видно различие между тремя ключевыми концептами "отсутствия" — молчанием, тишиной и пустотой.

Жизнь в единении с Богом порождает феномен исихазма — отрешения от мирской суеты и суетных речей. Обет молчания приносит речь в жертву безмолвию. В пустыню и пустынь уходят не в поисках пустоты, а ради тишины. Пустота имеет отрицательные коннотации, тишина — обычно положительные. Пустота есть абсолютное отсутствие, тишина — относительное. Она составляет фон и условие восприятия. Это устранение шумов, чтобы внимать звукам.

Тишина есть природный феномен, транспонируемый в мир человека; молчание есть человеческий феномен, транспонируемый в мир природы. В основе транспозиции лежит метафора; ср. *холодное молчание полей и в ее душе царили тишина и покой*. Тишина — на всех одна, молчание —

у каждого свое. Поэтому можно говорить о *двойном молчании* (см. пример выше), но не о *двойной тишине*. Понятие безмолвия синтезирует черты тишины и молчания, мира человека и мира природы. Оно как бы возвышается над этими мирами, и соответствующие ему слова принадлежат возвышенному стилю. В трагедиях *безмолствуют* народы и цари, в повседневной речи и обыденной жизни они *молчат*. Этимологически *безмолвие* связано с миром человека, человеческой речью. Поэтому *безмолвие природы* ощущается как метафора.

Во многих европейских языках молчание и тишина обозначаются одним словом: англ. *silence*, фр. *silence*, исп. *silencio*, итал. *silenzio*. Источник значения этих слов заключен в естественном феномене — тишине.

В русском языке отсутствие природных звуков и отсутствие человеческой речи обозначаются разными словами. При этом тишина ассоциируется с покоем и тихой печалью, молчание — с холодом, отчуждением, тревогой, например: *Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина — лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят* (Л. Андреев. Молчание); *И тут только ощутил он ту глубокую, ни с чем не сравнимую тишину, какая царит на кладбищах, когда нет ветра и не шумит омертвевшая листва. И снова отцу Игнатию пришла мысль, что это не тишина, а молчание* (там же).

Свой призыв к молчанию Тютчев, по-видимому, не случайно обозначил латинским словом *Silentium!* Он звал к той тишине, в которой пронизается сущность мира и душа живет природной жизнью: *Молчи, скрывайся и тай И чувства и мечты свои — Пускай в душевной глубине Встают и заходят оне Безмолвно, как звезды в ночи, — Любуйся ими — и молчи.*

В мире человека молчание и тишина постоянно взаимодействуют; ср. их соединение в наречии *втихомолку*. Они соотносятся как действие и его результат. Молчание создает тишину: когда в комнате замолкают, наступает тишина. Тишина в людских собраниях ассоциируется с целью, молчание — с мотивом, ср.: *В зале воцарилась тишина и В зале воцарилось молчание*. Тишина говорит о внимании присутствующих, их готовности слушать; молчание свидетельствует об удивлении или растерянности. В первом случае ситуация нормативна, во втором — нарушен привычный ход событий.

Молчание и тишина не пусты. Их "непустота", однако, различна. Молчание в силу своей принадлежности миру человека, значимо преимущественно в семиотическом смысле. Поэтому субъектом молчания может стать мысль; ср. рассуждение В.В. Библикина о *молчании мысли, молчащей мысли*, о том, что *мысль молчит* [3, 75—76]. Молчание — это знак стоящего за ним содержания. Содержание слито с молчанием как означаемое с нулевым означающим. Однако означаемое необязательно семиотично. Человек наделен неким естеством, которое проявляется через различные симптомы. Молчание — один из симптомов психических состояний. Принадлежа миру природы, тишина бывает только симптомом состояния среды, ср.: *предгрозовая тишина, затишье перед бурей*. Тишина не может

быть знаком. Она не образует единства с тем, что в ней пребывает: наполнитель тишины привнесен извне. "Звуки небес" слышны в тишине, но не слиты с нею. Молчанье скрывает тайну, у тишины ее нет. Можно проникнуть в тайный смысл молчания, но не в смысл тишины. Молчанье может говорить. Оно способно порождать смысл. Тишина лишена этой способности. Иногда молчанье говорит больше, чем слова; ср. такие сочетания, как *кричащее (красноречивое, говорящее) молчанье*.

Наконец, о молчании говорят в эстетическом контексте. Разговор о нем вызван ограниченностью возможностей языка: *Но льзя ли в мертвое живое передать? Кто мог создание в словах пересоздать? Невыразимое подвластно ль выраженью?* (В. Жуковский). Человек воспринимает больше, чем может выразить язык. За его пределами остается несказанное, невыразимое, непередаваемое, неизреченное, ненареченное: *Ненареченному хотим названье дать* (Он же). Если в мистическом контексте имеется в виду невыразимость прямого познания, то поэт ощущает непередаваемость красоты природного мира, творения. Созерцание исключает слова [7]: *Сия сходящая святыня с вышины, Сие присутствие создателя в созданье — Каков для них язык?.. Горé душа летит, Все необъятное в единый вздох теснится, И лишь молчанье понятно говорит* (Он же). Ср. также у Батюшкова: *Я ближнего люблю, но ты, природа-мать, Для сердца ты всего дороже! [...] Тобою в чувствах оживаю: Их выразить душа не знает стройных слов, И, как молчать о них, не знаю. Язык не только неполон, он изношен и лукав. Слова обетщали от празднословия: "Мысль изреченная есть ложь". Призыв к молчанию в контексте искусства аналогичен призыву, обращенному Л. Витгенштейном к философам, молчать о том, о чем нельзя сказать ясно. Разговор о молчании оборачивается разговором о языке вообще и о языке поэзии в частности. Невыраженность в нем главного вызывает ощущение неадекватности и пустоты слов: говорение становится пустым, молчанье — полным, "чреватым", как выразился о нем А. Белый. Герой "Серебряного голубя" размышляет о русской деревне: "...слов не много у них; да зато у них молчанья избыток; ты к ним приходи — и с тобой они поделятся тем избытком, ты к ним приходи, ты научишься молчать; пить будешь ты зори, что драгоценные вина [...] Жить бы в полях, умереть бы в полях, про себя повторяя одно духометное слово, которое никто не знает, кроме того, кто получает то слово; а получает его в молчанье"*.

Содержание речей и смысл молчанья разделились: "...полевые люди, лесные в слова не рядятся [...] слово их, что ни есть сквернословие... А ты смекай: духовное вино на столе-то перед каждым; и каждый слов несказанных и чувств несказуемых то вино про себя выпивает. Говорит, будто заикается [...] молчит же — диковинное молчанье!"². Речь становится ширмой, за которой скрывается другой смысл — невыразимый. Ему

² У Дарьяльского, героя романа А. Белого, впрочем, есть оппонент — барон Тодрабег-Граабен, который ему возражает: "Вы — несчастный немой молодой человек, как и все теперь молодые люди немые; они говорят о чреватом молчании, потому что не умеют членораздельно выражаться. Когда говорят о несказанном, это опасный симптом; это доказывает лишь то, что человечество впадает в скотоподобное состояние".

соответствует молчанию. Текст раздваивается: он и речь и молчание; ср. начало стихотворения Г. Сапгира "Пролог": *Не говорит я вышел, а молчать*. Принцип отказа выражается в разных литературных манерах [7]. Стиль становится способом говорения с другом. Поэт озвучивает молчание; поэт-постмодернист превращает молчание в речь о другом³.

Итак, в зависимости от контекста молчание может быть приравнено к речевому акту или форме поведения, к поступку — антидействию или противодействию; оно может быть симптомом душевного неблагополучия; его влечет за собой отказ от мирской суеты ради прямого познания; оно может быть вызвано ощущением бессилия слов перед духовной и природной красотой мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
3. Библихин В.В. Язык философии // Путь. 1993. № 3.
4. Кибрик А.А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: Тез. докл. М., 1991.
5. Рахилина Е.В. Отношение причины и цели в русском тексте // ВЯ. 1986. № 6.
6. Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
7. Genette G. Silence de Flaubert // Genette G. Figures I. P., 1966.
8. Stedje A. "Brechen Sie dies rätselhafte Schweigen": Über kulturbedingtes, kommunikatives und strategisches Schweigen // Sprache und Pragmatik: Lunder Symposium 1982. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1983.
9. Valesio P. Ascoltare il silenzio: La retorica come teoria. Bologna: Il Mulino, 1986. (Collezione di testi e di studi: Linguistica e critica letteraria).

А.Г. Грек

О СЛОВАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧИ И МОЛЧАНИЯ В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

В семантическое поле имен и предикатов со значением речевого действия входят лексемы, семантика которых в самом общем представлении сводится к отрицанию признака речевого действия. Они составляют достаточно большую группу с центральным положением в ней лексем *молчание* и *молчать*, *безмолвие* и *безмолвствовать*, *безглагольный*. С именами и предикатами речи их связывают отношения по типу антонимии.

³ Сколь бы глубоким, однако, ни был акт "эстетизованного" и любого другого молчания, у него есть один несомненный дефект: от него ничего не остается. В.В. Розанов писал в статье "О судьбе моих книг": «Мое время не щадит меня, и я не пощажу моего времени [...] Оно меня "замалчивает", а я его "заговарю". Тупое овечьё молчание едва ли будет сильнее человеческого говора. Пройдет 50 лет. И где же будет ваше "молчание" и "замалчивание". И вот, когда вы будете так глубоко молчать, я буду все еще говорить и говорить». Ср. также стихотворение И. Бунина "Слово": *Молчат гробницы, мумии и кости. — Лишь слову жизнь дана: Из древней тьмы, на мировом погосте Звучат лишь письмена.* И.Ф. Анненский заметил как-то: "Есть мудрость в молчании", как говорят, но лучше ей быть в словах (Г. Адамович).

Это со всей очевидностью обнаруживается в словарном определении лексем этой группы, ср.: *молчать* — ничего не говорить, не рассказывать, не говорить о чем-либо (МАС), хотя в других случаях отрицание может иметь формальное выражение в структуре слова, ср. *без-глагольный, без-молствовать*. Антонимические отношения между двумя классами лексем могут служить источником оксюморонных образований типа *язык немотный* или *подслушать молчание*, возможных на основе некоторого семантического тождества при сохранении полярных признаков.

Исключительное место слова *молитва* по отношению к этим двум классам лексем связано с его семантикой, в которой два семантических признака 'речь' и 'молчание' могут утрачивать свою полярность. В особенности это касается молитвы в духовной традиции исихазма (греч. ἡσυχία 'мир, спокойствие, тишина, молчание'). Семантика молитвы, включающая значения речи и молчания, обнаруживает сходство с понятием "внутренняя речь" у Л.С. Выготского, что видно хотя бы из противопоставления внутренней речи внешней и из определения первой как языка смыслов. Впрочем, не менее существенны и различия, из которых здесь укажем лишь на одно: молитва — это речь, обращенная к Богу, тогда как во внутренней речи адресатом выступает сам говорящий [4]¹. Коммуникативная ситуация молитвы, как она засвидетельствована отцами Церкви, включает, по крайней мере, три важных момента: 1) уединенность и тихое произнесение молитвы; 2) отказ от речи и переход к умному деланию молитвы; 3) опыт божественной реальности, сказывающийся затем на смыслах и строе как бы вновь рожденной речи. К этим свидетельствам мы обратимся чуть ниже.

Теперь же в оправдание нашей смелости обращения к богословским текстам скажем, что имеющуюся в них модель семантической связи речи и молчания можно встретить и в текстах, не относящихся к специфически духовным, более того, в текстах ближайшего нам исторического времени, каковым является начало и первая треть XX в. Некоторые из них — представляющие поэтическую традицию и религиозно-философскую публицистику — и будут здесь предметом специального рассмотрения. Их сходство с религиозной традицией, возникшей в Византии и усвоенной Русью во времена Сергия Радонежского, можно объяснить не только ее прямым влиянием на поэзию и публицистику начала века, но прежде всего тем, насколько глубоко и надолго она была усвоена русской культурой, которая у самых своих истоков связана с христианством и, несмотря на известные утраты, ею сохранялась, в том числе и языком как частью культуры и одновременно автономной системой, определяющей некоторые важные параметры этой культуры. Именно так определяет динамическое взаимодействие языка и культуры В.Н. Топоров [11]. Говоря об эпохах смены культурных традиций, пользующихся одним и тем же языком, В.Н. Топоров подчеркивает закономерный характер происходящих при этом в языке перемен, которые не означают утраты старых значений, ср.: " ..старое понятие, кодируемое соответствующим

¹ Однако одним из адресатов внутреннего диалога в поэзии может быть Бог (см., например, анализ типов обращения в лирике в работе И.И. Ковтуновой [9, 97])

языковым элементом, вводится в такой более широкий (или более интенсивный) контекст, в котором оно может изменять (расширять или специализировать) свое значение, ни в коем случае не порывая связи с исходным" [там же, 186]. Такие изменения можно наблюдать и в лексемах, обозначающих молчание, безмолвие и т.п., если сравнивать архаичную религиозную традицию исихазма и ее контексты с поэтической и религиозно-философской публицистической традициями нового времени. Однако нас в первую очередь будет интересовать их связь, сходство, преемство.

Св. Авва Исаия относит молчание к четырем главнейшим добродетелям, которые очищают душу [6, т. 1, 464]. Св. Гр. Синаит в своих наставлениях безмолвствующим описывает шаг за шагом все наиболее важные моменты умной молитвы (тихое устное произнесение молитвы — умное делание молитвы): "...тихо и без смятения надо взывать к Господу, чтобы глас не расстроил внимания ума и не пресёк молитвы, пока ум не навькнет деланию сему и приав силу от Духа, станет крепко молиться сам в себе. Тогда не будет нужды произносить молитву устно, да и невозможно, — потому что достигший сего довольствуется вполне умным деланием молитвы и не имеет желания отставать от ней" [6, Т. 5, 217]. Собственно, умное делание молитвы может рассматриваться как отказ от молитвы-речи, молитвы-слова. Слово, речь как бы приносятся в жертву Богу во имя его познания. Как можно видеть, в ситуации умной молитвы слову *молитва* возвращается его исходное этимологическое значение: *meld^(h) — "молиться, совершая жертву" [5, 803], хотя — воспользуемся выражением А.А. Потебни — это и "преобразованное" этимологическое значение (или "внутренняя форма" слова), возникшее в результате смены более ранних религиозных представлений христианским мирозерцанием. В качестве семантического компонента умной молитвы жертва обнаруживает параллелизм с жертвоприношением в церковном ритуале, где выступает его "центральным и тайным нервом" и как вольная жертва "обеспечивает выход из кризисной ситуации и появление высшей духовной силы" [12, 38].

Связь безмолвия и собирания высших духовных сил настойчиво подчеркивается лже-Дионисием Ареопагитом в его известном сочинении о Божественных именах: "А относительно души известно, что, когда, отвратившись от внешнего мира, она обращается во внутрь себя самой и сосредоточивает воедино свои духовные силы, то тогда она движется кругообразно [...] обретает свободу от множественности внешнего мира. Таким образом, сначала душа собирается внутри себя самой, после чего соединяет воедино объединенные силы единения, дабы, исполнившись единообразия, устремиться к превышающему все сущее Прекрасному — и Благому — Единому, Самотождественному, Безначальному и Бесконечному" [2, 40].

В "Очерке мистического богословия Восточной Церкви" Вл. Лосского подчеркивается особая роль св. Гр. Синаита в восстановлении практики внутренней молитвы, известной под именем "исихазм", на Афоне в начале XIV в. [10, 233]. Отсюда, по ловам Г.П. Федотова, эта мистическая практика распространилась на греческий и южнославянский мир. Показа-

тельно, что в библиотеке Троицкой Лавры есть древнейшие славянские списки Гр. Синаита XIV и XV вв., однако, замечает Г.П. Федотов, этот и другие факторы не устанавливают прямых влияний Греции на религиозность преп. Сергия, с именем которого связана эта мистическая традиция на Руси. Подчеркивая исключительность и загадочность духовной школы преп. Сергия, Федотов высказывает предположение о том, что, связанное с именем преп. Сергия, это духовное движение могло возникнуть без прямого влияния со стороны созвучного ему мистического опыта Греции [14, т. 1, 308—309]. Но вернемся к сочинению Вл. Лосского, где находим такое описание молитвы в исихазме, которое, выражаясь другим языком, представляет собой динамическую структуру. В ней можно выделить в качестве начального элемента, задающего динамику всей структуре, "просительную молитву", в которой есть усилие, поиск, постепенное восхождение к Богу. Следующий элемент структуры связан с тем состоянием молящегося, когда его душа "сосредоточивается, собирается", когда частные просьбы прекращаются, "ибо Бог отвечает на молитву". И наконец, еще один элемент — "когда мы покидаем сферу психического", когда прекращается всякая молитва, а ум, находясь в состоянии молчания или покоя (ἡσυχία), переживает "удивление", "изумление", "восхищение" [10, 231—232].

Теперь обратимся к текстам поэтической традиции, конкретнее — к некоторым из стихов старшего из русских поэтов-символистов, "идеалиста и мистика" (по выражению С.С. Аверинцева) Вяч. Иванова [7]. И начнем поиск интересующих нас смыслов с "Января" из "Римского дневника 1944 г.". Первая строфа представляет собой поэтическое свидетельство несоответствия человеческой речи и "языка" иной реальности, изображает устремленность лирического героя, выступающего здесь от имени *мы*, приобщиться к опыту ее переживания (см. желательную модальность конструкции с *когда*):

Когда б лучами, не речами
Мы говорили, вещей дум
Наитье звездными очами
С небес в неумстующий ум
Гляделось.

Здесь предикат *говорили* одновременно выступает в прямом значении, которое предполагает указание на речь как действие, и в значении, которое прямо отсылает к аскетической практике духовного делания — см. семантическую связь *говорили* с *лучами*, подчеркиваемую почти совпадением их позиций по вертикали. В этом же ряду находятся образцы *неумстующего ума* и *Наитья звездными очами С небес*. Если образ *неумстующего ума* в отличие от *мы* начальных строк обозначает достигнутое состояние покоя через отказ от прежнего знания и опыта, благодаря которому ум оказывается восприимчивым к действию Божественной благодати, то второй образ, семантика которого уточняется словом *глядельось*, начинающим следующую строфу, является по существу изображением действия Божественной благодати, неотчуждаемого от созерцательности, покоя, безмолвия. Не менее выразительна в отношении сходства

двух традиций и заключительная строфа:

Тогда бы твой язык немотный
Уразумели мы, дыша
Одною жизнью дремотной,
О мира пленная душа!

где глагол *уразумели*, подчеркивающий активность лирического субъекта (*мы*) по отношению к *языку небес*, который здесь получает определение *немотный*, отражает новую ступень "синергии двух волей" (ср. толкование *уразумевать* у Даля: постигнуть, духовно усвоить; у него же: *уразумитель Писания*). Следующий за глаголом оборот включает деепричастие *дыша*, напоминающее о естественном опыте призывания Иисуса Христа вместе с дыханием [6, т. 5, 336—337], и признаковое слово *дремотной* в сочетании *Одною жизнью дремотной*. *Дремотный* как лексема входит в семантическое поле *сна*, обозначающего, по мысли Флоренского, "низшую ступень жизни в невидимом" [15, 193], где возникают сновидческие образы, но умирает речь как форма жизни дневного сознания. Оставляя в стороне различия между поэтической и собственно духовной традициями в целом, в отношении данного стихотворения заметим лишь один момент этого различия, выраженный в образе заключительной строки: *О мира пленная душа!* Это различие связано с типом адресата, который уточняется лишь в конце стихотворения, до этого оставаясь в известной степени неопределенным.

Антитезой мира, полного кликов и бряцаний, и тишины, созерцания, неизреченного молчания, молитвы начинается "Молчание" Иванова, обращенное к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал². В рамках его семантической структуры находится целый ряд глаголов действия-движения: *сойдем под своды тишины — Прильнув к божественным весам — Откроем души небесам — Доверим крылья небесам — Порыв доверим безглагольный — предадим порыв безвольный*. Некоторые из них — *откроем, доверим* — вместе с признаковыми именами, включающими отрицание действия, — *безглагольный, безвольный* — не могут рассматриваться в ряду лексем со значением движения за рамками духовной традиции.

Поэтическая формула *голоса Неизреченного молчания*, включающая многократное отрицание речи, следующее за ее утверждением, обозначает конец духовного восхождения, которое так созвучно одному из текстов Ареопагита, поясняющему суть апофатического метода в богословии: "...теперь же, по мере восхождения от дольного мира к запредельным вершинам, речь моя становится немногословной, дабы по достижении конца пути обрести полнейшую бессловесность, всецело растворившись в (Божественном) безмолвии" [3, 8].

Как пояснение, средствами поэтического языка двух методов, двух путей богопознания может быть воспринято стихотворение "Ultimum vale", посвященное И.Ф. Анненскому, отметившему его гармонию и

² Антитеза выражена и оппозицией предлогов *в—от*, последовательность которых в тексте обратна направлению движения лирического субъекта, включающего "я" поэта и внутреннего адресата (см.: *Подруга чистых созерцаний*).

красоту мысли, "такой яркой и глубинно-ласкающей" [1]. Путь через отрицание дан в образе Того, кто о себе говорит словами: *Я есмь, Сам — безглагольный, безответственный, сокровен, кто тайно присутствует в храме пустой*. Второй путь дан через образ, сохраняющий вначале семантику неопределенности, так как соотносится лирическим героем с Тем, кто в ответ на его вопрошания скажет: *"Молчи! Я есмь; и есть иной, Он пел, узнал я гимн заветный — ср. с предшествующей строфой со столь знаменательным молился вслух и славил Святыню имени"*³. Оба пути богопознания оказываются связанными с природой поэтического творчества и обнаруживают параллели с творчеством отдельных поэтов, что следует не только из первой строфы, где слово *поэт* как бы случайно употреблено вместо *молчальник, монах*:

Зачем у келья ты подслушал,
Как сирий молится поэт,
И святотатственно запрет
Стыдливой пустыни нарушил? —

и не только из заключительных строк стихотворения, где лирический субъект, он же автор и поэт, в позиции адресата по отношению к Тому, кто о себе сказал: *"Я есмь"*, назван *беспощадным обнажителем* и получает благословение. Параллелизм обнаруживает себя и в той двойственности центральных образов — *Я есмь* и *иной*, которую со смущением отмечает в своем письме к автору И.Ф. Анненский: *"...еще стыднее говорить о себе в терминах, мистически связанных с "Тем безглагольным, безответным" [1].*

Сложную игру смыслов, проявляющуюся в сближении и отталкивании семантических комплексов молчания и речи, можно наблюдать и в широко известном стихотворении Иванова "Язык", которое начинается с замечательной параллели: *Родная речь певцу земля родная*. Сущность языка определяется здесь через обращение к архаическому сюжету брака земли и неба, как стихия, речь, оплодотворенная духом, проникнутая светом умного огня.

К рассмотренным стихотворениям типологически близки и такие, как "Загорье", "Каменный дуб", "Долина — храм", "Душа сумерек", "Полнота" и др. Оставляя их разбор за пределами данной работы, ограничимся в заключение лишь одним замечанием: в первых двух стихотворениях мы встречаем слово *молчальник*⁴ в составе параллелей: *молчальник — лес и молчальник — я* (тот, кто слагает стихи). Именно это слово окажется в центре нашего внимания при разборе статьи Г.П. Федотова "Тяжба о России" (1936 г., Париж) [14, т. 2].

В начале такого разбора уместно напомнить то, что сказал в своем слове, посвященном памяти Г.П. Федотова, Ю. Иваск: "Георгий Петрович Федотов писал статьи, читал лекции, любил беседу. Но что бы он ни

³ См. Ареопитага: "...по мере нисхождения от горнего мира к дольному и речь моя, соответственно, становилась все более многословной" [3, 8].

⁴ У Даля: М. — кто наложил на себя обет немоты; МАС: 1. Устар. Монах, отшельник, давший обет молчания из религиозных побуждений.

говорил, всегда чувствовалось: невысказанное в его писаниях, чтении, паузы в разговоре — еще значительнее сказанного, написанного" — и назвал его "строгим стилистом и молчалиником" [8].

Слова со значением молчания в статье Г.П. Федотова "Тяжба о России" являют собой пример органичного взаимодействия и синтеза собственно духовного, сакрального и социально-актуального смыслов, и если первые можно определить как архаичные, то вторые связаны с образом советской России и могут рассматриваться как новые. Анализ Федотовым социально-политической, культурной и духовной жизни советской России первых двух десятилетий ее существования строится на подчеркнутом противопоставлении "ночи, окутывающей Россию", надвинувшейся на нее *тьмы и духовности* — той, что "нагнетается до давления, о котором мы, говорящие и болтающие, не имеем понятия". Среди образов ночной России, может быть, самым сильным является этот: "Годы идут, а удушье застенка все сгущается над Россией". Или этот: "Трупным воздухом тянет сейчас из России". Такой России противостоит молчаливая Россия, путь познания которой запечатлен автором на многих страницах. Образ молчаливой России дан в начале статьи, когда Федотов пишет: "Страна молчит, и мы даже не знаем, есть ли ей что сказать, или двадцатилетнее молчание убило уже всякую потребность в слове. Что сказала бы Россия, если бы вдруг кляп выпал из ее рта?" Но наиболее полно он раскрыт на последних страницах, где речь идет не о молчании ненависти или скуки, но о том, "значение которого для нас неведомо", которое можно уловить изощренным слухом, подслушать⁵. За молчанием скрывается жертва. Она разная у каждого молчалиника, вернее, молчалиников, о которых пишет Федотов. Среди молчалиников России первыми он называет *неподписавшихся под очередным иудиним письмом*, а последними — *верующих, "церковников"*, которые "платили и платят за исповедание (тоже, в сущности, молчаливое) своей веры годами, десятилетиями тюрьмы, ссылки, каторги". Именно их автор называет мучениками, чье невинное и вольное страдание, чья слабость и бессилие — во имя Христова⁶, и это делает их носителями святости, которая "на Руси рано стала высшим идеалом, высшей духовной ценностью" [13]. Это о них в первую очередь говорит Федотов в самом конце статьи: «о бессильных ныне и скрывающихся по "пещерам и ущелиям"» советской жизни, о тех, голос которых не доходит до нас, но которых поистине не только Россия, но и "весь мир недостоин". Но и о других молчалиниках тоже. Вернемся к ним.

Неподписавшийся под иудиним письмом лишается возможности занимать ответственные места, вычеркивает себя из списка активных, жертвует годами жизни, губит свое призвание, кончает свою жизнь в потемках библиотеки или в канцелярии советского учреждения — таков неполный список социальных и личных жертв философов, ученых, писателей, людей разного возраста и разных поколений. К благородным молчалиникам Федотов относит "стариков", значение которых усматри-

⁵ В этом контексте *подслушать* семантически близко к *уразуметь*, т.е. 'воспринять со смыслом, понять'.

⁶ См. гл. О Борисе и Глебе в книге Г. Федотова "Святые Древней Руси".

вает в "поддержании внешнего преемства между поколениями", но в их среде особенно выделяет тех людей, "для которых опыт грозových лет не прошел даром. Он очистил и высветлил их культурное и творческое себялюбие, открыл им источники неподозреваемой раньше духовности [...] Им не жаль даже старого, и они живут, поскольку в них сохранилась искра социального служения, лишь верой в воскресение России". Семантику молчаливников этой категории, несмотря на сильный компонент, отсылающий к социальной сфере, определяют духовные смыслы (см. направление смыслового движения в контексте: *опыт грозových лет* → *очистил и высветлил* → *открыл источники духовности* → *вера в воскресение*). Вот почему эти молчаливники стоят ближе всего к молчаливникам-"церковникам". О молодых людях — людях Октября, которые, каждый в своей специальности, "как-то выражают себя. Но не до конца", Федотов замечает: "Может быть, это и не молчаливники в полном смысле слова". Но это "не до конца", как и "разговор за четырьмя стенами, в тесном кругу друзей", не делает духовную жизнь этих как бы и не молчаливников чуждой "той жизни духа, которая связана с Церковью" и не ограничена никаким культурным и классовым кругом.

Голос молчания, подслушать молчание, неподписавшийся вычеркивается — за этими и другими образами, сопрягающими предельно удаленные смыслы, стоит мужественный поиск оправдания России. Чуткий к Истине публицист, знакомый с русской духовной традицией не только профессионально, но и через личный опыт духовной жизни, Г.П. Федотов сумел — воспользуемся здесь старинным словом — уразуметь молчание России и рассказать о нем другим. Он видел и различал связанные с ним жертвы — от прерванной карьеры и хоронящегося слова до мученичества. Он прозрел за молчанием тот духовный путь, то духовное возрастание России, что многим откроется лишь десятилетия спустя, когда наступит время иного молчания и другой молитвы — молитвы о словах, что, как "псы одичалые, воют", и о каждом слове, чтобы явилось "на чернети смерти нашей", "словно камень твердый и прозрачный, со всех сторон огражденным сторожевою тишиною" (С.С. Аверинцев. Молитва о словах. — Лит. газета. 1990. 31 окт. № 44. С. 6).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И.Ф. Письмо В. Иванову от 17 октября 1909 г. // Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л., 1976.
2. Архопагит Дионисий. Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991.
3. Архопагит Дионисий. Мистическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 2.
5. Гамкрелидзе-Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1, 2.
6. Добролюбие. Свято-Троицкая Лавра, 1992. Т. 1, 5.
7. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л., 1976.
8. Иваск Ю. Молчание // Наше наследие. 1988. № 4.
9. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
10. Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991.
11. Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре *—svet- // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

12. Топоров В.Н. О ритуале // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.

13. Топоров В.Н. О русском мыслителе Георгии Федотове и его книге // Наше наследие. 1988. № 4.

14. Федотов Г.П. Судьба и грехи России // Соч.: В 2 т. СПб., 1991.

15. Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П. Статьи по искусству. Р.: УМСА-PRESS, 1986.

М.А. Дмитриевская

ПРИРОДА: ЯЗЫК И МОЛЧАНИЕ (О МИРОСОЗЕРЦАНИИ А. ПЛАТОНОВА)

Для характеристики мирозерцания А. Платонова чрезвычайно важно прояснение его взглядов на положение человека во вселенной, на взаимоотношения человека и природы. Большой материал здесь может дать сравнение раннего и среднего периодов творчества писателя.

Одним из основных признаков, позволяющих говорить о включенности человека в космическую, природную жизнь или же отторгнутости от нее, является способность человека слышать голос природы, понимать ее язык, сообщаться с ней.

Для творчества раннего А. Платонова в значительной степени характерно сознание единства человека и мира. Это мироощущение отражено в ранних стихах и рассказах писателя. А. Платонов ощущает неразрывность человека и вселенной, причем эта связь мыслится в терминах родства: "Я родня траве и зверю / И сгорающей звезде" [3, 35]. Звезда для него — сестра: "Глаз я поцелую сестры моей — звезды" [там же, 17]. Соединение человека с вселенной мыслится Платоновым как брачное единение жениха и невесты, земли и воды: "Мир рожден улыбкой человека, / Он вселенную невестою назвал" [там же, 59]; "Мир стоит, печами озаренный, / Как невесту, человек его обнял" [там же, 17]; "Певец я, странник и жених вселенной, / Для поцелуя ей я шею перегнул" [7, 471]; "Мир тайный — сонная невеста, / Мы — предрассветная роса" [3, 51]; "Ты невеста, душа голубая, / Зацелуем, познаем тебя" [там же, 6].

Любое родство, в том числе и родство с миром, предполагает общение, а общение есть в том числе и говорение, а говорение обратной своей стороной имеет слушание. Окружающий мир есть тайна, но он хочет выговорить себя, и, чувствуя это стремление, человек сам обращается в слух. Каков же язык природы? Что слышит и понимает человек?

Необычность этого языка в том, что он обходится без звучания. Это есть язык тишины, это и есть сама тишина. Человек сливается с миром и в наступившей тишине прикасается к его тайнам. Это есть обретение Бога, или обретение бесконечности. В этой тишине и звучит голос вселенной. Это звучит сама тишина: "Мы твой зов, твой голос всюду слышим, / Тишина и сон твоя душа" [там же, 69]. "Безгласность" мира тождественна его голосу: "В далекой ясности / Есть тишь безгласности

[...] По всей вселенной горят огни. // Их тихий трепет — / мне внятный лепет. / Их колыханье — / Мой исканья, / В небесной бездне мы не одни" [там же, 37]. Для Платонова говорит вся вселенная в целом, говорят и ее части — звезды, облака, солнце.

Обращает на себя внимание характер этого голоса — это музыка, песня по преимуществу. Лирический герой Платонова и герои его ранних рассказов слышат "тихий ливень песни" звезд на "тихих дорогах" [7, 471]; "шорох" облаков, их "тоскующий шелест" воспринимается ими как "тихая вечная музыка" [6, 7]; "в тихие полуночные часы" ночь кажется им "песней звезд" [4, 8]. Та музыка, песнь вселенной, которую герои Платонова слышат извне, звучит одновременно в них самих. Песнь мироздания, звучащая в душе человека, сливается с его чувством удивления перед красотой мира, продолжает его думу о вселенной. Мысль человека превращается в песню: "Голубая песня песней / Ладит с думою моею" [3, 35]; "Когда я думаю, я слышу музыку, / Поют далеко голоса. / И светит солнце слепому узнику, / И песне-мысли нет конца" [там же, 60].

Эта песнь или музыка тоже есть песня тишины и покоя. В единении с природой достигает человек обретение истины, смысла существования, а это равнозначно обретению бессмертия. В раннем рассказе "Тютень, Витютень и Протегален" (1922) Платонов пишет: "*Тишина есть песня истины. И Протегален стоял в земле тишины, очарованный и бессмертный. В душе его пела музыка, и он умирал от безысходной одинокой радости*" [8, 127]. Отметим здесь внешнюю противоречивость: Протегален "умирает от радости", но вместе с тем стоит "очарованный и бессмертный". В описываемом состоянии души, когда достигнуто слияние человека с миром, человек "умирает", потому что исчезают жесткие границы его "я", человек ощущает свою бесконечность и, следовательно, бессмертие.

Здесь мы находим ключ к разгадке всей проблемы: человек, ища контакта с природой, хочет восстановить свою бесконечность, которой он обладал в былом единстве природной жизни. Только слившись с бесконечностью мира, человек может вновь стать бесконечным. Поэтому не случайно, что человек обращает свои взоры вверх, в небесную бездну: небо, особенно небо ночное, усыпанное звездами, ясно свидетельствует о таинственности мироздания и бесконечности мира. Звезды свидетельствуют о бесконечности пространства, но в то же время они замыкают эту бесконечность, возвращают, приближают ее к человеку, делают ее ограниченной¹. Человек может слиться с бесконечностью и почувствовать свое бессмертие. В 1922 г. Платонов писал своей жене, вспоминая, как он ходил на свидание с ней ночью по степи в деревеньку Волошино: "Ночь, бесконечные пространства, далекие темные деревни и одни звезды над головою в мутной смертельной мгле. [...] Все мертво и тихо, все далеко. Если взглядишься в звезду, ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки — так далеко, далеко эта звезда.

¹ Ср. следующее высказывание Л. Виттенштейна: "Созерцание мира sub specie aeterni есть его созерцание как *ограниченного целого*. Чувствование мира как *ограниченного целого* есть мистическое (курсив наш. — М.Д.)" [1, § 6.45].

Можно думать о *бесконечности* — это легко, а тут я вижу, я *достаю ее и слышу ее молчание*. [...] От вздоха в таком просторе разрывается сердце, от взгляда в провал между звезд становишься *бессмертным*" [10, 566].

Человек ждет встречи со звездой, ведь для него это равнозначно встрече с миром: "И человек задумчиво поет, / Он ждет веками дальнюю звезду" [3, 36]. Природа не остается равнодушной к призыву человека. Она тоже не хочет существовать отдельно от человека. Свидетельством этому служит то, что с неба падают звезды: "Слетают звезды с вышины, / И сердце, радуясь, пугается. / Как много в шуме тишины, / Звезда на песню отзывается" [там же, 51].

Здесь встает вопрос о характере этих слов и этих песен, об их соотношении с реальным языком. Что сообщают друг другу природа и человек?

Сразу следует отметить, что с реальным языком здесь нет ничего общего. Это есть чистая стихия чувств, для которой слова как выразители рационального начала являются слишком тесными, неадекватными. В рассказе "Тютень, Витютень и Протегален" Платонов отмечает: "В песне не нужны слова, а нужна радость. Слова Витютень сочинил так, лишь бы что сказать, а пел он душой" [8, 126]. Смысл мира не выговаривается словами обычного языка, поэтому и песня вселенной есть одновременно "песня неспетая", которая тем не менее понятна человеку. Так, в рассказе "В звездной пустыне" (1921) Платонов пишет: "Путь облаков тих, как дыхание, как *неспетая, несложенная песня, слова которой тайне знаешь*" [6, 7]. Образ мира как неспетой песни часто встречается в ранних стихах Платонова. Внешняя парадоксальность выражения (продолжающая парадоксальность отождествления понятий "голос тишины", "песнь безгласности") заключается в том, что в этой неспетой песне звучит песнь мироздания: "В жизни бессмертной, как в *песне неспетой, / Звезды звенят и поют*" [3, 32].

Столь же на первый взгляд противоречивые свойства характеризуют и Каспийскую невесту в "Рассказе о многих интересных вещах" (1923). С самого начала ее появления писатель подчеркивает ее постоянную молчаливость. С другой стороны, Каспийская невеста говорит "чудные, но хорошие слова", непонятные для окружающих [5, 65]. Причина этого в том, что она пытается выговорить те мысли, которые в ней рождает природа: "...Каспийская невеста жила и слушала песню солнца и звезд и выговаривала ее невнятно, но чудодейственно" [там же]. Невнятность слов Каспийской невесты — не что иное, как недосказанность и невысказанность самого мира. В образе Каспийской невесты материализовалась у Платонова красота мира, его внутренняя сущность. "Через нее мы слушаем мир, — говорил сам с собой Иван, — через нее можно со всем побрататься, быть заодно с солнцем и звездами" [там же]. В молчании и тихом достоинстве Каспийской невесты, а также в ее речи, пусть невнятной и неразборчивой, отмечены два на первый взгляд взаимоисключающих способа для природы явить свою сущность человеку. И только в том случае, когда человек слышит тишину мира и одновременно его голос, возможно достижение "братства звезд, зверей, трав и человека" [там же], возможно воссоединение человека и природы.

А. Платонов хорошо понимал всю ограниченность рационального, словесного постижения мира. Это в дальнейшем послужило ему толчком к созданию своего собственного языка, ибо обычный язык для выражения глубинных смыслов оказался непригоден. Сложность словесного выражения мыслей и главным образом чувств была позже раскрыта писателем на примере особенностей мышления его персонажей (см. [2]). Убеждение Платонова в ограниченных возможностях языка и принципиальной невыразимости мира и чувства находит себе параллель в философии XX в. Так, в "Логико-философском трактате" (1921) Л. Витгенштейн размышлял о границах применимости языка: "Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно *показывает* себя; это — мистическое" (§ 6. 522); "...не может быть никаких предложений этики. Предложения не могут выражать ничего высшего" (§ 6. 42). "Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна. (Этика и эстетика едины.)" (§ 6. 421). "О чем невозможно говорить, о том следует молчать" (§ 7). Указанием на невыразимость мира заканчивает и Платонов описание звездного неба в цитированном выше письме к жене: "И все *невыразимо*, и можно вытерпеть всю вечность с великой неимоверной любовью в сердце..." [10, 566].

Жажда единения с природой у героев Платонова тем более велика, что человек уже осознал себя отделенным от нее. Отсюда мотивы восстания на вселенную у раннего Платонова: "Ее надо или уничтожить, или с ней слиться. Стоять отдельно нельзя" [6, 7]. Таким образом, пролеткультуровская тематика у раннего Платонова обнаруживает глубокие связи с основными мировоззренческими вопросами. Цель преобразования и покорения природы — в уничтожении ее отдельности, в слиянии с ней.

К концу 20-х годов мирозерцание Платонова претерпевает изменения. Если в своих ранних произведениях Платонов, понимая невозможность "стоять отдельно" от природы, видел возможность для своих героев слиться с окружающим миром, пусть даже путем его завоевания, то в период создания романа "Чевенгур" (1927) и повести "Котлован" (1930) доминирующим становится сознание отчужденности, выделенности человека из природы, его трагического одиночества во вселенной.

Человек существует отдельно от природы, а природа — от человека. Природа не принимает участия в человеке — она равнодушна и безучастна. В романе "Чевенгур" отмечается, что в природе действует "тихая *равнодушная* жизнь" [9, 220]², небо покрывает "капитализм и коммунизм сплошным *равнодушием*" (464—465) и "своим *равнодушием* обозначает уединенное сиротство людей на земле" (489).

Человек уже не может слиться с миром и найти в этом слиянии разгадку его тайны. Поэтому во всей своей неразрешимости встают перед ним вопросы о сущности мира и о месте в нем человека. Эти вопросы мучают Вощева и терзают Прушевского, героев повести "Котлован". В этом произведении Платонов ясно покажет невозможность овладения миром ни через его преобразование или уничтожение в процессе труда, ни

---

² Далее ссылки на повесть "Котлован" и роман "Чевенгур" даются по этому изданию в круглых скобках просто с указанием номера страницы.

через его научное постижение. На этих путях мир не может быть познан как целое.

В поисках ответа на последние вопросы бытия герои Платонова обращают свои взоры к небу. Но небо молчит, и его молчание подчеркнуто его отделенностью и удаленностью от человека. Если ранний Платонов "видел, доставал бесконечность и слышал ее молчание", то Яков Титыч в романе "Чевенгур", глядя на звезды, думает о том, что "на них происходит нелюдская неиспытанная жизнь, а ему она недостижима и не предназначена" (453). В повести "Котлован" Прушевский смотрит в небо: "Вдалеке, на весу и без спасения, светила неясная звезда, и ближе она никогда не станет" (97). Созерцание неба окончательно утверждает Прушевского в понимании своего трагического одиночества, своей ненужности на земле и порождает решение о смерти.

Герои Платонова — "апокалиптики поневоле". Отчаявшись получить ответ о смысле жизни, они обращаются к небу с вопросом о прекращении хода времени. Но и на этот вопрос небо отвечает равнодушным молчанием: "Воцпв, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх — на звездное собрание и в метровую массовую муть Млечного Пути. Он ожидал, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительной жизни. Не надеясь, он задремал и проснулся от остановки" (135).

В.С. Соловьев в работе "Чтения о Богочеловечестве" писал: "...утвердившись в своей самости, [...] он [человек] находит себя в чужом и враждебном мире, который не говорит уже с ним на понятном языке и сам не понимает и не слушает его слова" [11, 151]. И действительно, платоновских героев окружают "безответная ночь" (275) и "безмолвие поникшего пространства" (298), над ними стоит "вышина безответных звезд" (467—468). Немота окружающего пространства соответствует его пустоте. Над пустыми пространствами царствует тишина, но это уже не тишина как "песня истины", а "сон мира" (166), подобие смерти. В целом ряде контекстов у Платонова слова *безмолвие*, *тишина* встречаются вместе с пространственными обозначениями, такими, как *пустота*, *пустой*, *высота*, *пространство* и т.д., ср.: "Лишь ночь ничего не произносила, она бережно несла свои цветущие звезды над пустыми и темными местами земли" (344); "Она глядела на небо [...] и видела звезды над тишиной ночи. Там было такое *безмолвие*, что в степи, казалось, находилась одна *пустота* и не хватало воздуха для дыхания..." (270).

И чем яснее осознает человек свою отделенность от природы и понимает, что она не услышит его вопросов и ничего не ответит ему, тем сильнее становится у него желание услышать хоть какой-нибудь звук из устоявшейся тишины, из пустого пространства. Этот звук нарушает страшную мертвую тишину и вселяет в человека надежду, что он, возможно, не совсем одинок в мире. В повести "Котлован" Платонов пишет, что жители "ходили по всем открытым местам деревни и старались постоянно видеть друг друга; кроме того, они чутко слушали — не раздастся ли издали по влажному воздуху *какого-либо звука*, чтобы услышать утешение в таком трудном пространстве" (141). Платонов-

ские герои внимательно прислушиваются к окружающему миру. Они слушают "ветер в унылом мире" (124), "долгий скорбящий звук" дождя (137), "скучный звук дерева, страдающего от ветра" (483). Особенно напряжено их внимание ночью, когда все кругом затихает. Тогда герои слушают доносящийся из стели "долгий ночной звук" (524), "разные грустные звуки" (80), "птиц и шаги пешеходов" (98). В этом напряженном вслушивании кроется жажда спасения. Человек не может спастись сам, он ждет спасения извне. Так, Прушевский, чиня в колхозе радио, с неуверенностью думает о том, "предоставит ли радио бедноте утешение и прозвучит ли для него самого *откуда-нибудь* милый голос" (167).

Распавшееся единство человека и природы усиливается у Платонова распадом исторических и социальных связей. Человек, чувствуя свою тотальную чужеродность окружающему миру — как природному, так и социальному, — замыкается в самом себе. Молчание — обычное состояние героев Платонова. Вопрос Сафронова к Чиклину: "Чиклин, что же ты так молча живешь?" (107) — можно адресовать едва ли не каждому платоновскому персонажу. Воцев молчит потому, что не может найти ответа на вопрос о целесообразности мира, ср.: "...один Воцев отделился [от природы] и молчал" (81); "До самого вечера молча ходил Воцев по городу, словно в ожидании, когда мир станет общеизвестным" (85). Молча проживают свою жизнь землекопы, роющие котлован, а также крестьяне — как бедняки, так и середняки. Родина становится для них "чужой", а пространство — "посторонним". Молчание является отличительной чертой жизни в Чевенгуре: "дома в нем стоят непроходимой кучей, а люди живут молча" (489).

Молчание платоновских героев порождено пониманием глубинных основ бытия. Но если в ранний период творчества А. Платонова молчание человека и природы — это молчание истины и смысла мира, то в творчестве писателя конца 20-х — начала 30-х годов это молчание свидетельствует об утрате человеком своего места в мире, о разрушении привычных связей. Это молчание пустоты и обреченности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
2. Вознесенская М.М., Дмитриевская М.А. О соотношении ratio и чувства в мышлении героев А. Платонова // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
3. Платонов А.П. Голубая глубина. Краснодар, 1922.
4. Платонов А.П. Избранные произведения. М., 1984.
5. Платонов А.П. Старик и старуха: Потерянная проза. München, 1984.
6. Платонов А.П. В звездной пустыне // Книжное обозрение. 1986. № 40, 3 окт.
7. Платонов А.П. 10 стихотворений, 4 рассказа, 1 фельетон, 6 статей и 4 рецензии // Russian Literature. 1988. Vol. 23, № 4.
8. [Платонов А.П.] Неизвестные рассказы // Подъем. 1988. № 12.
9. Платонов А.П. Ювенильное море: Повести, роман. М., 1988.
10. Платонов А.П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма. Минск, 1990.
11. Соловьев В.С. Чтение о Богочеловечестве // Собрание сочинений. Брюссель, 1966. Т. 3.

КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ*

Среди факторов, определяющих правила функционирования языка, значительную роль играет понятие вежливости. Что я имею в виду? Существуют целые серии явлений, отвечающих правилам грамматики и лексики, но не отвечающие правилам вежливости. *Так говорить не принято* — слышим мы в таких случаях.

Начну с примера. Разговор между родственниками — мужчиной и женщиной: *Ж. Ко мне Вася приезжал. М. Ты ему старье отдала?*

Казалось бы, ничего особенного не было сказано. Однако ответ прозвучал обиженно: *Как ты можешь так говорить? Я ему хотела помочь. Я ему отдала хорошие вещи.*

В словаре под ред. Д.Н. Ушакова (далее: СУ) слово *старье* толкуется как: "разг. Старые, бывшие в употреблении поношенные вещи". Напомню крик довоенных старьевщиков: "*Старье берем!*" Очевидно, что именно слово *старье* было воспринято как невежливое. Если бы было сказано *старые вещи, старая одежда*, адресат бы не обиделся.

Думаю, что настало время систематизировать факты нарушения вежливости с помощью языка и рассматривать понятие вежливости как специфическую категорию коммуникативно-прагматического характера, регулирующего речевое поведение человека.

Метаязык лингвистической прагматики еще не разработан. Категория вежливости (КВ) применительно к русскому языку почти не изучалась. Имеются лишь отдельные наблюдения, рассыпанные в ряде работ, посвященных естественной разговорной речи. Поэтому я вижу свою задачу не столько в том, чтобы проанализировать большой новый материал, сколько в том, чтобы систематизировать уже отмечавшиеся факты и наметить задачи дальнейших исследований.

С моей точки зрения, КВ целесообразно отграничивать от понятия "речевой этикет". КВ распространяется не только на устойчивые, повторяющиеся ритуализованные формулы типа приветствия, прощания, благодарности и т.п., но на более широкий круг разнообразных явлений.

Почему я считаю, что КВ связана с понятием "речевое действие"? Нарушение правил вежливости является сознательным действием говорящего, облеченным в форму речи. У него есть цель, оно производит определенный эффект, хотя и негативный.

Приведу примеры, показывающие разнообразные сферы действия КВ.

1. В разговорной речи существуют номинации лиц по какой-либо внешней примете, состоящие из имени существительного в косвенном падеже с предлогом типа *в очках, с собакой, с лыжами*. Имя лица в номинации отсутствует. Обычны высказывания такого рода: *В серой шубе не проходила?* В ситуации "очередь" мы постоянно слышим: *С чемоданом за вами?*

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-10962.

А с ребенком отошла что-ли? Однако употребить такую номинацию по отношению к присутствующему невежливо [5]. Никто не скажет: *С чемоданом, вы последний?; В очках, поскорее платите!*

2. Следующая серия фактов: бытовые диалоги — вопрос и ответ. Записи речи носителей литературного языка сделаны в Москве: *Зачем ты Пете эту шапку нахлобучила?; Зачем вы словарь сюда засунули?* Ответы звучали так: *Я не нахлобучила, а надела; Я не засунул, а поставил.*

Коллизия с вежливостью объясняется несколькими факторами. Один из них — то, как говорящий именуется действие адресата. Другой — форма вопроса. Адресат прежде всего реагирует на дескрипцию. Он остро чувствует отрицательную оценку своего поступка говорящим и испытывает явную обиду. Отрицательные чувства говорящего сконцентрированы в глаголе, объект действия поименован нейтрально. Однако дескрипция действия, с точки зрения адресата, неверно и даже оскорбительно называет его поступок. Именно поэтому реплика-реакция адресата содержит переименование действия глаголом более общей семантики, стилистически нейтральным. Адресат убирает всякие спецификации действия (интенсивность, многократность, указание на способ осуществления действия). Ср. *засунуть* и *поставить, положить; нахлобучить* и *надеть*. Если мы обратимся к толкованию таких глаголов в словарях, то увидим, что далеко не все из подобных обидных для адресата слов содержат указание на отрицательную оценку действия или его грубый характер. Так, СУ дает: *"нахлобучить, разг. Надвинуть (головной убор) низко на лоб"*.

Более резко нарушение вежливости обнаруживается в тех случаях, когда действие поименовано просторечным, фамильярным или еще более сниженным глаголом. Такие глаголы обычно содержат указание на интенсивность или итеративность действия: (о ребенке) *Зачем ты ему эту куртку напялила?; Зачем вы столько воды в суп набухали?; Кто это шмякнул полотенце на стул?* Ср. словарные толкования этих глаголов в СУ: *напялить, разг. фам. Надеть что-л. неподходящее; разг. пренебр. Вообще надеть что-н.; набухать, прост шутил. Набросать или налить слишком много; шмякать, прост. Ронять, валить, производя глухой шлепающий звук.*

И в этих случаях адресат реагирует обиженно и переименовывает свое действие: *Почему напялила? Я не напялила, а надела; Я не набухала, а налила; Почему шмякнула? Она спокойно лежит на стуле.*

Как справедливо пишет Т.М. Николаева, «в любой "средней" беседе огромное значение придается точности идентификации объекта речи...» [6, 163]. Наши материалы (и не только приведенные здесь) показывают, что люди самолюбивы и остро реагируют именно на дескрипцию. Дескрипция не только самого адресата, но и совершенного им действия, объекта действия, результата и т.д. воспринимается как обида и нарушение вежливости (см. [4]).

Помимо дескрипции адресата обижает и форма вопроса. Задавая вопрос *зачем?* (= с какой целью?), говорящий оценивает действие адресата как целенаправленное, одновременно считая его нелепым и даже вред-

ным. Ср. разные оценки одной ситуации: *Зачем вы набухали столько воды в суп?* и *Суп получился жидковат*; *Зачем ты напялила ему эту куртку?* и *Эта куртка ему мала/холодна для прогулки/некрасивая...*

Семантика высказываний со значением цели в русском языке рассматривалась в ряде работ. Приведу такие мнения: "Общей для всех словосочетаний, выражающих целевые отношения, является возможность употребления в них только глаголов произвольного действия, что обусловлено самой сущностью целевых отношений [3, 14]; "Цель придает смысл действию" [2, 14].

Очевидно, что в приведенных выше примерах мы имеем дело с косвенными речевыми актами. Говорящий и не стремится получить ответ. Его иллокутивная цель — выразить упрек, порицание, недовольство, вообще негативно оценить поступок адресата.

Соответствие между буквальным смыслом вопроса и тем смыслом, который вкладывает говорящий в свое речевое действие, отсутствует. Когда говорят *Зачем ты Пете эту шапку нахлобучила?*, имеют в виду не то, что шапка надвинута слишком низко на лоб, а то, что надета плохая шапка, не та шапка. Слово *зачем?* не содержит вопроса о цели действия. Цель, которую имел поступок адресата, говорящего не интересует. Он использует прием лингвистической демагогии [6]. Тот факт, что говорящего не интересует *зачем?*, прекрасно понимают третьи лица. Нередко можно услышать такую реакцию со стороны: *Чего ты спрашиваешь зачем? Ну, Катя перелила случайно воды в суп.*

Понятие цели тесно связано с понятиями мотива и причины. Изучению этих важнейших концептов посвящена статья Н.Д. Арутюновой, которая пишет: "...в понятии цели нередко объединены мотив и цель действия. Между тем они не тождественны. Мотив — это побуждение к действию, инстинктивное или осознанное. Побуждение к сознательному действию состоит в желании достигнуть определенной цели" [2, 15]. Возвращаясь к нашим примерам, можно сказать, что при выполнении простых бытовых действий адресат, по всей вероятности, имел какой-то мотив (надеть ребенку куртку потеплее и т.п.), но не ставил перед собой четкую осознанную цель.

Добавлю следующее. Мои наблюдения показывают, что *почему*-вопросы в отличие от *зачем*-вопросов, заданные по поводу простых бытовых действий, чаще бывают подлинными вопросами, чем упреками или порицаниями. Например, вопрос *Почему ты надела белую юбку?* был задан говорящим именно как вопрос. Адресат, однако, воспринял его как квазивопрос и обиделся: *Что же, мне ее беречь прикажешь?* Подобные случаи не редкость (см. подробнее [4]). В таких случаях иллокутивное намерение говорящего прочитано неверно, возникает коммуникативная неудача и вследствие ее обида. Думаю, что подобные явления не относятся к нарушению КВ.

Изучая коммуникативные неудачи, мы пришли к выводу, что слушающий нередко воспринимает прямые функции языковых единиц как косвенные. Актуализация косвенных функций речевых актов, по всей вероятности, объясняется их эмоциональной окрашенностью. Адресат часто реаги-

рует обиженно даже на очень слабый эмоциональный или иной прагматический компонент семантической структуры слова или высказывания [4], обнаруживая высокую степень ожидания обиды, упрека или иного вида агрессии со стороны говорящего. Возможно, это свидетельство психического состояния современного общества.

3. Примеры из сферы официального общения показывают, какие формы в нем приобретает нарушение КВ. Возьмем ситуацию "должностное лицо — клиент", чаще всего это продавец и покупатель. На вопрос покупателя продавец нередко отвечает встречным вопросом. Это явление мы все не раз наблюдали в жизни, а О.Йокояма описала его лингвистически и дала интерпретацию причины возникновения эффекта грубости [7]. Вот ее примеры: — *Молоко, пожалуйста!* — *А где молоко-то?;* — *Что вам?* — *"Огонек" и ... — Где вы "Огонек" видите?*

Интересно отметить, что если жители России сразу понимают такие ответы как грубые и отрицательные (молока нет, "Огонька" нет), то иностранцы, даже очень хорошо говорящие по-русски, нередко встают в тупик и не сразу понимают, что им отказано.

4. Пример употребления местоимений. Общеизвестно, что местоимения *он, она* свободно употребляются для называния человека, но говорить *он, она* о лице присутствующем при разговоре невежливо. Это правило речевого поведения, которым управляет КВ. Этому правилу надо учиться. Не все его знают и ему следуют. Называя присутствующего *он* или *она*, многие не желают его обидеть, они просто недостаточно воспитанны.

5. Последний пример демонстрирует несовпадение норм вежливости у лиц разного возраста, воспитания и индивидуальных вкусов. Употребление в письмах обращений *милый* и *дорогой* (+ имя или имя и отчество), *уважаемый* и *глубокоуважаемый, многоуважаемый* (+ имя и отчество) по-разному оценивается носителями литературного языка (см. [4]). Это объясняется тем, что первые члены этих противопоставлений осложнены целым комплексом разнообразных коннотаций. Прилагательное *милый* более ласковое, нежное, чем *дорогой*. Однако многие (преимущественно люди старшего возраста, но не только они) воспринимают его как менее вежливое, чем *дорогой*. Соотнося его со старым обращением к горничной или иной прислуге (*Милая! Принеси кофе!*), они ощущают в нем налет фамильярности. Так, далеко не старая женщина говорит возмущенно своей знакомой: "Он мне пишет" *Милая Маша!* Будто я его горничная". Другой пример. Муж, увидев письмо аспирантки к своей жене-профессору: "Как она может тебе писать" *Милая Анна Петровна! Невоспитанная она. Ты ей можешь так написать, а она тебе не должна*".

Иную оценку обращения *милый* дает мужчина 60 лет. Он говорит с обидой своей близкой знакомой: "Наташа мне написала: *Милый Иван Петрович!* (с укором) Ты мне так никогда не пишешь. Только *дорогой*".

Можно предположить, что обращение *милый* по отношению к мужчинам менее резко связано с коннотацией 'прислуга'; поэтому мужчины, да-

же пожилые, скорее воспринимают его как ласковое, а не как фамильярное.

Подведу итоги:

1. КВ — влиятельный регулятор речевого поведения. Ее действие охватывает явления разных уровней языка. Нарушение КВ обнаруживается не только в таких очевидных фактах, как ругательства, прямые оценки, передразнивание, обидные прозвища, особое использование *ты* и *вы*, но и в специфическом использовании слов и словоформ различных частей речи.

Значительное место среди проявлений невежливости занимают косвенные речевые акты. Широко употребительны вопросы, имеющие иллюктивную силу упрека, порицания, выражения недовольства, нанесения обиды. Их можно назвать оскорбляющими речевыми действиями.

2. Выделяются два вида нарушений правил вежливости:

а) одни характеризуются непреднамеренностью, нецеленаправленностью. Говорящий не ставит перед собой цель обидеть собеседника, он просто незнаком с постулатами вежливости, плохо воспитан;

б) другие осуществляют коммуникативное намерение говорящего упрекнуть, уязвить, выразить недовольство и т.п. Проявление невежливости в таких случаях является намеренным речевым действием говорящего. По моим наблюдениям, преднамеренное или непреднамеренное нарушение КВ коррелирует с силой проявления невежливости. Понятие невежливости, таким образом, может быть истолковано двояко: как невоспитанность и как грубость. Как правило, намеренное нарушение правил вежливости воспринимается как акция более обидная, более резкая, чем их неосознанное несоблюдение.

3. Целесообразно различать два подвида намеренной невежливости:

а) в официальной обстановке по отношению к незнакомым. В таких случаях обычно (но не всегда) говорящий стремится показать свой более высокий социальный статус, утвердить свое превосходство, власть над адресатом [7];

б) в неофициальной обстановке по отношению к своим. Причины такой невежливости очень разнообразны. Это могут быть мотивы личного характера, чаще всего они касаются взаимоотношений людей и связаны с их психологией, индивидуальными свойствами характера, иногда и с их социальным статусом.

4. Требуется изучения вопрос о том, какие языковые единицы, в каких функциях, контекстах, словоформах действуют как невежливые и должны получать соответствующую помету в словаре (ср. [1]). Например, надо ли при словах *милый*, *уважаемый* указывать, что в функции обращения они могут нести печать фамильярности и вызвать обиду?

А как быть со словами типа *старье*? В определенных контекстах и ситуациях слово *старье* явно вызывает обиду адресата. Напомню первый пример: *Ты ему старье отдала?* Нарушены правила поведения, входящие в картину мира: предполагается, что отдавать надо хорошие вещи, во всяком случае не старье. Однако если бы было сказано: *Ты ему старые вещи отдала?*, фраза не звучала бы обидно. Значит, как обидное

воспринимается само слово *старье*. Ср. также: *Зачем ты надела это старье?*; *Ты принес это старье?* Говорящий не одобряет поведение адресата. Между тем совсем не звучат невежливо фразы: *От старья надо избавляться!*; *Выброси это старье! Зачем нам оно?* Слово *старье* употребляется лишь при негативном отношении к денотату. Если вещь, хоть и старую, оценивают положительно, ее не назовут *старьем*. Ср.: *Надену-ка я старые туфли, они очень удобные.*

5. Подлежит обсуждению такой вопрос: всегда ли невежливость связана с отношением "говорящий — адресат"? Нередки случаи, когда грубость направлена на третье лицо, отсутствующее при разговоре: *И чего она в такую рань приперлась?* — говорит человек о матери собеседника. Очевидно, что в подобных случаях, т.е. когда грубость относится к лицу, входящему в микромир адресата, в зону его сочувствия, обида возникает у адресата, тогда как лицо, непосредственно поименованное, даже не знает о речевом действии, оскорбившем его. О разнообразных случаях обиды адресата при несправедливых, с его точки зрения, дескрипциях его друзей, родных и т.п. см. [4].

Итак, с нашей точки зрения, КВ распространяется только на отношения "говорящий — адресат". Грубые акты речи, не задевающие адресата (например, миролюбивые разговоры между приятелями, уснащенные нецензурной лексикой), в поле КВ не входят.

Задача этой статьи — привлечь внимание к проблематике КВ. Изучение правил языковой вежливости и причин их нарушения лишь начинается. Оно важно не только для лингвистики, но и для психологии и социологии. Рассмотрение КВ дает богатый материал для лингвистической прагматики, теории коммуникации, учит, как не надо говорить, если не хочешь обидеть собеседника.

Рассмотренные факты показывают, сколь резко естественный неофициальный диалог отличается от материалов тех постулатов, которыми нередко оперируют в лингвистических теориях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.А. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
2. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
3. Ермакова О.П. Словосочетания, выражающие целевые отношения, в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
4. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
5. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
6. Николаева Т.М. "Лингвистическая демагогия" // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
7. Yokoyama O.T. Responding with a question in colloquial Russian // Harvard studies in Slavic linguistics. Harvard Univ., 1990. Vol. 1.

УРОВНИ ВЕЖЛИВОСТИ В МЕТАФАРСИ

Под метафарси понимается общее ядро грамматики, лексики и языковой прагматики для современного персидского, таджикского и дари. Материал излагается применительно к языковой ситуации в Иране, однако к нему можно подобрать точные эквиваленты в дари, на которые распространяются закономерности, наблюдаемые в персидском языке. Эти закономерности в редуцированном виде можно проследить и в современном таджикском языке. Поскольку по экстралингвистическим соображениям языковое строительство в таджикском и дари ориентируется на иранский опыт, можно ожидать, что отмечаемые закономерности сохранятся во всех трех языках, по крайней мере в настоящее время носители таджикского и дари хорошо понимают иранскую дифференциацию по уровням вежливости, хотя сами могут использовать ее по-другому или не использовать вовсе.

Рассмотрим в качестве примера проблемы перевода формул приветствия между двумя знакомыми или незнакомыми людьми при встрече в учреждении или на улице.

Европейский вариант

— *Здравствуйте.*

— *Добрый день.*

(На этом в принципе можно приветствие закончить и переходить к делу.)

Иранский вариант

— *salām [aleykum]. Здравствуйте.*

— *salām [aleykum]. Здравствуйте.*

Далее оба собеседника почти одновременно:

hāleiun xibe? У Вас все хорошо?

— *mersi. Спасибо.*

(К другим делам можно переходить только после вопроса о здоровье собеседника, иначе ему будет нанесена обида.)

Таджикский вариант

— *Салом [алайкум]. Здравствуйте.*

— *Салом [алайкум]. Здравствуйте.*

Далее одновременно, не слушая друг друга, в произвольном порядке:

— *Аҳволтон? Как здоровье?*

— *Корҳо читӯ? Как дела?*

— *Дуруст-ми шумо? У вас все хорошо?*

— *Саҳат саломат-ми шумо? Здоровье в порядке?*

(Принято задавать несколько вопросов о состоянии дел у собеседника.)

Афганский вариант

— *salām [alaykom]. Здравствуйте.*

— *salām [alaykom]. Здравствуйте.*

Далее одновременно, не слушая друг друга, в произвольном порядке:

— *jōr astēn* [, *šomā*] ? Вы чувствуете себя хорошо?

— *hub astēn* ? Вы чувствуете себя хорошо?

— *hayriyat* [*ast*] ? У Вас все хорошо?

Задать только один вопрос о здоровье собеседника считается неучтивым. (В свое время переводчик мог получить типичное замечание от начальника: — Я так мало сказал, а ты так много переводишь!)

До настоящего времени наличие вежливого слоя в персидском отмечалось многими исследователями. Однако внутри него и оставшейся части лексики классификация не производилась. Создавалось впечатление, что достаточно употребить в своей речи любой вежливый эквивалент и цель будет достигнута. Как мы увидим в дальнейшем, дополнительно необходимо соблюдать уровень вежливости, иначе можно получить обратный результат, т.е. речь приобретет издевательский оттенок.

Несколько десятков весьма употребительных лексем и фразеологизмов в метафарси маркированы как вежливые формы (несут на себе маркер *вж*). Основной массив лексики и фразеологизмов таким маркером не обладает. Те единицы из этого основного массива, которые помимо того имеют вежливые эквиваленты, маркированы как невежливые (несут маркер *невж*). Иными словами, нейтральная лексика, не имеющая вежливых эквивалентов, невежливой не воспринимается, и, наоборот, нейтральная лексика воспринимается невежливой, если у нее есть вежливый эквивалент. Нейтральный слой, имеющий вежливые эквиваленты, и вежливая лексика составляют трехуровневую иерархию:

(3) Высокий с маркером *вж* (для собеседника, присутствующего третьего лица и отсутствующего, но уважаемого третьего лица).

(2) Нейтральный с маркером *невж* (для отсутствующего третьего лица).

(1) Низкий с маркером *вж* (для себя).

До исламской революции 1979 г. функционировал 4-й уровень с маркером *вж*, который обслуживал шахский двор. Лексика этого уровня подробно рассмотрена в работе [2]. Некоторая ее часть (кроме шахской титулатуры) наследована для обслуживания высшего духовенства; в основном же она сохранялась и получила дальнейшее развитие за счет большого числа слов, введенных в широкую практику после исламской революции для описания жития имамов (раньше этот слой лексики редко покидал пределы мечети, теперь он присутствует почти в каждой газете).

Существует еще один небольшой слой, который функционирует обособленно от описываемой иерархии; он используется при общении с иностранцами европейского происхождения.

Дифференциация по уровням вежливости затронула не только лексику. Поскольку ей подвержена система личных местоимений и парадигма глагольных окончаний, она отразилась и в грамматике. Помимо этого некоторые вежливые обороты имеют различные литературные и разговорные эквиваленты, т.е. параллельно функционируют в разных стилях.

Предложения *ahmad nemidune* — *ahmad nemidunan(d)* досл. 'Ахмед не знает — Ахмед не знают' различаются глагольным окончанием. Для второй формы Б.Я. Островский вводит для дари граммему уважительности [1, 39].

Личное местоимение и 'он, она' является нейтральным, *vey* с тем же значением в современном персидском языке используется для указания на больших начальников (министров, например). При этом местоимении глагол может стоять как в единственном, так и во множественном числе: *vey ezhār-e nazar kardand ke...* 'Он выразили мнение, что...'

Вместо нейтрального (с нашей точки зрения, и так уже вежливого) *šomā* 'Вы' используется лексема 3-го уровня *jenāb-e āli* 'Ваше превосходительство', с которой глагол согласуется во 2 л. мн. ч. Для того чтобы узнать, с кем идет разговор по телефону, зарезервировано слово *sarkār?* 'превосходительство?', которое практически ни для чего другого не употребляется.

В качестве косвенного объекта функционирует *xedmat-etun* (досл. 'Ваша служба'): *fardā xedmat-etun mīrasam* 'Завтра я к Вам приеду'; *in ketabo zud xedmat-etun pas midam* 'Я Вам скоро верну эту книгу'.

Для большинства приводимых примеров характерна симметрия: отнесение лексем к 2-му уровню автоматически означает наличие у него маркера *невж*, а отнесение к 1-му или к 2-му уровню — маркера *вж*. Но в ряде случаев эта симметрия нарушается.

Подобно многим языкам, эквивалентом 1-го уровня для местоимения *šomā* 'Вы' можно считать *to* 'ты' (оба с маркером *невж*).

Вместо нейтрального *tan nevj* 'я' употребляется лексема 1-го уровня *bande vj* 'раб', с которой глагол согласуется в 1 л. ед. ч. Несмотря на семантику, ничего унижительного для себя в употреблении этого слова носители фарси не видят. В некоторых случаях, однако, говорящие избегают его. Например, иранский посол перед иностранцами в своей речи про себя скажет *in jāneb* 'эта сторона' (эквивалент слова *tan* 'я', оба принадлежат к 2-му уровню, но *in jāneb* имеет маркер *вж*, а *tan* — *невж*), с которым глагол также согласуется в 1 л. ед. ч. Про присутствующих при беседе (одного или нескольких) третьих лиц вместо соответствующих *u/ānhā nevj* 'он/они' скажут *išān vj* 'они', с которым глагол обязательно согласуется в 3 л. мн. ч.

Нейтральный глагол *goftan nevj* 'сказать' имеет вежливые эквиваленты 1-го и 3-го уровней: *či farmudid?* 'Что Вы сказали?' — *arz mikonam ke...* 'Я говорю, что...'

Глагол 3-го уровня *farmudan* 'изволить' регулярно заменяет глаголы 2-го уровня: *kardan* 'делать' в сложных глаголах *tavajjoh farmāid ke...* 'Обратите внимание на то, что...'; *dādan* 'давать' — в *ejāze mīfarmāid soāl bokonam?* 'Вы позволите спросить?'; *nešāstan* 'сидиться' — в *čērā šomā nemīfarmāid?* 'Почему Вы не садитесь?' и другие глаголы.

Нейтральные *āmadan* и *raftan* 'приходить, уходить' имеют эквиваленты 3-го уровня — *tašrif āvordan* и *tašrif bordan*: *key tašrif mībarid?* 'Когда Вы уезжаете?' — *fardā miravam* 'Я уезжаю завтра'. Оба глагола имели также эквивалент 4-го уровня *tašriffarmā šodan*. Из них только *raftan* в значении 'уйти' имеет эквивалент 1-го уровня — *bā ejāze-tun moraxxas mišam* 'С вашего позволения я удаляюсь'.

Нейтральный *fahmidan* 'понимать' имеет эквиваленты *moltafet šodan* (1) и *motavajjeh šodan, tavajjoh farmudan* (3): *tavajjoh farmudid?* 'Вы поняли?' — *moltafet šodam* 'Я понял'.

По отношению к уважаемому в прошлом человеку не употребляется глагол 2-го уровня *mordan* 'умирать', он заменяется на глаголы 3-го уровня *dar gozaštan, fot kardan, vefāt kardan*, а при упоминании имамов или их сподвижников еще и добавляется *aleyh-es-salām* 'Мир ему'.

Эквиваленты слова *pesar* 'сын' — *āqāzāde* (3) и *qolāmzāde* (1) (досл. 'рожденный господином' и 'рожденный рабом'); *āqāzāde-as(t)?* 'Это Ваш сын?' — *bale, qolāmzāde-as(t)* 'Да, это мой сын'.

При нарушениях (вольных или невольных) указанных правил происходит следующее:

а) если Вы и по отношению к себе, и по отношению к собеседнику пользуетесь только лексикой 2-го уровня с маркером *nevaj* (нейтральной), то, как правило, никакой заметной реакции не наблюдается (Ваша речь воспринимается суховатой, резковатой, простецкой и т.п., но в пределах допустимого);

б) если же Вы попытаетесь по отношению к собеседнику использовать вежливую лексику 1-го уровня, которую Вы должны употреблять только по отношению к себе, то реакция может оказаться довольно резкой;

в) употребление вежливой лексики 3-го уровня по отношению к себе вызывает смех и свидетельствует о неграмотности говорящего. (В одном из комедийных фильмов есть такая сцена: директор сельской школы дает задание учителю (на 3-м уровне): *emruz dikte befarmāid* 'Сегодня извольте провести диктант'. Он отвечает: *man dikte farmudam* 'Я уже изволил провести диктант'.)

Весьма иронически звучит лексика 4-го уровня по отношению к знакомому, даже весьма уважаемому 3-му лицу.

Внутри каждого уровня лексика оказывается дополнительно дифференцирована по вежливости и стилю, что позволяет широко варьировать оттенки. Возможны различные сочетания вежливой лексики 2-го и 3-го уровней. Например, можно сказать *šomā kojā tašrif mibarid?* (2-й и 3-й уровни) и *jenāb-e āli kojā tašrif mibarid?* (3-й уровень) 'Куда Вы едете' (второе звучит более вежливо, хотя и к первому с точки зрения вежливости не придется). А вот сочетание *jenāb-e āli kojā miravid?* (3-й и 2-й уровни) стилистически неправильно, так как в *jenāb-e āli* «заложено» больше вежливости, чем в *tašrif bordan*. Поэтому второе допускает сочетание с нейтральной лексикой, а первое автоматически требует сопровождения на 3-м уровне.

Если иранец определяет, что он беседует с иностранцем европейского происхождения, то в начале беседы (пока он оценивает степень владения персидским языком) в его речи могут обнаруживаться отклонения от нормы. Свой родной язык он называет не *fārsi*, а *irāni* (некоторые афганцы — носители дари могут назвать свой язык *afyāni*). Легкое замешательство регулярно наблюдается в ходе такой беседы: *šomā irāni midāni(d)?* 'Вы по-ирански понимаете?' — *naxeyr, man fāqat fārsi balad-am* 'Нет, я понимаю только по-персидски'.

Разговорные формы заменяются на литературно-книжные, которые считаются более вежливыми. Производится псевдоупрощение грамматики: с местоимением *šomā* 'Вы' глаголы перестают согласовываться в числе, но продолжают согласовываться в лице — *šomā midāni ke...* 'Вы знаешь, что...'

Люди старшего поколения обращаются к мужчинам на *musyo*, более молодые — на *mister*: *šomā guš kon musyo* 'Вы, слушай сюда, мусье.' Если до 1979 г. дети выпрашивали у иностранцев значки фразой *musyo medāl*, то теперь она звучит как *mister medāl*. Неоднократно приходилось наблюдать, как мамы говорили ребенку: *Подойди к мистеру, скажи ему: "How do you do"*. Если в разговоре с иранцем по отношению к рядом стоящему иностранцу употребить «родное» слово *āqā* 'господин', то он может не понять, о ком идет речь. Женщины и девушек-иностранок продолжают называть *mādām* и *mādmuāzel*.

В Афганистане таких особенностей речевого поведения нет — и своих, и чужих там называют *šaib* 'господин'. В Таджикистане из-за двуязычия сформировался такой тип речевого поведения, когда обращение выбирается в соответствии с внешним видом собеседника. Неоднократно приходилось наблюдать такую сцену: в беседе участвуют иранцы (делегация, прибывшая через Москву), таджики (принимающая сторона) и переводчик-сопровождающий из Москвы. Таджики говорят с иранцами на своем родном языке, иранцы с ними — на своем родном, переводчик и с теми и с другими — по-персидски. Иранцы обращаются с вопросом к сопровождающему по-персидски, таджики (машинально) — исключительно по-русски, и только когда сопровождающий отвечает по-персидски, беседа продолжается в прежнем режиме.

Таким образом, в современных персидском, таджикском и дари в разной степени может быть прослежена имеющая давнюю традицию трехступенчатая система вежливости, которая требует согласования вежливых эквивалентов по уровням.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Островский Б Я* Грамматические значения личных форм глагола дари. М., 1992.
2. *Узина М С*. Социально-стилистическая дифференциация современного персидского языка (на материале формул вежливости) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

Г.Е. Крейдлин

ГОЛОС, ГОЛОСОВЫЕ ПРИЗНАКИ И ОЦЕНКА РЕЧИ *

Производство речи не может осуществляться иначе как с помощью голоса, а потому голосовые характеристики и разнообразные способы их языкового выражения по праву относятся к основным факторам, обуслов-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-10941: "Логический анализ языка: Речевые действия. Истина и истинность".

ливающим и организующим речевую коммуникацию. Наряду с собственно ритмомелодическими особенностями речи свойства голоса в значительной мере определяют физическое и эмоциональное состояние говорящего, отношение его к собеседнику. Голосовые признаки уточняют, а порой и однозначно задают конкретный тип речевого акта в процессе коммуникации. Особенности голоса влияют на восприятие адресатом получаемой информации и на квалификацию передаваемого сообщения, придавая сообщению определенную аксиологическую или экспрессивно-стилистическую окраску. Голос служит мощным инструментом воздействия, убеждения, подавления, им можно выразить самые разные чувства и отношения — нежность и ласку, сострадание и покорность, презрение и ненависть; в голосе можно услышать нотки иронии и насмешку, гордость и злорадство, боль и огорчение. Обладая психологической реальностью, голосовые характеристики сами являются коррелятами чувств, индивидуальных и социальных межличностных отношений, разнообразных поведенческих реакций, причем соответствия эти настолько устойчивы, что образуют в сознании людей стереотипные представления о формах проявления эмоций, о распределении интерперсональных ролей и о структурах поведения в речевой просодике. Подобные стереотипы подлежат фиксации в толковых словарях, а возможные отклонения от них, вызываемые лингвистическими или внелингвистическими факторами, предоставляют важный и интересный материал для грамматического анализа.

Указания на те или иные свойства голоса содержатся в семантике многих единиц языка, и прежде всего в глаголах речи (ср. русские глаголы *рокатать, бурчать, орать, кричать, сипеть, шептать, бормотать, ворковать, чеканить, (про)скрежетать, нудить* и десятки других), наречиях (*сипло, хрипло, шепеляво, скороговоркой, жестко, с расстановкой, несвязно* и др.), в разного рода синтаксических единицах, более крупных, чем слово (ср. *неспешно расставляя слова, сказал чуть мягче, еле слышно, размеренная речь, произнес не без ядовитости* и пр.). Голосовые признаки достаточно сложным образом взаимодействуют с модальностью высказывания и делают отчетливыми многие его референтные характеристики. Наконец, в реально происходящем акте речевой коммуникации параметры голоса часто сочетаются с определенными кинетическими средствами, включающими в себя мимику, жесты, позы, телодвижения. Невербальные признаки поведения участников диалога могут получить в письменном тексте различное словесное оформление, изучение которого вместе с исследованием возможностей его согласования с языковыми обозначениями квалификации и оценки речи, осуществляемыми с помощью голоса, позволит более полно и точно описать инструментарий речевой деятельности, способы его применения и закономерности функционирования в тексте.

Особенно велика семантическая значимость голоса в неконтактных, или разобщенных, диалогах, участники которых не находятся в едином зрительном пространстве. Таков, например, разговор по телефону, диалог людей, находящихся в разных комнатах одного помещения и не видящих один другого, и т.п. В подобных ситуациях голос служит единственным

средством идентификации собеседника (по голосу мы узнаем, различаем, определяем, тот это человек или не тот; голос является знакомым или незнакомым и т.п.), а слово *голос* выступает в переносном, метонимическом, значении, обозначая говорящего. Так, мужчины иногда говорят высоким женским голосом, но предложения *Женский голос произнес: "Слушаю"* или *В трубке раздался незнакомый женский голос* однозначно указывают на пол говорящего. Если же в ситуации неконтактного диалога идентификация говорящего лица уже произошла, то, например, женский голос знакомого мужчины сам по себе едва ли помешает нормальному общению. Точно так же слово *Голос*, написанное с прописной буквы, обозначает 'голос Божий' или, метонимически, 'голос свыше'. Общение с Богом в молитве, в свою очередь, всегда происходит *тихим голосом*. Молитва — это тихая речь при внутреннем безмолвии. Внутреннее безмолвие, по словам митрополита Антония, это "отсутствие всякого внутреннего движения мыслей или эмоций, но... это состояние открытости к Богу" (Молитва и жизнь, VIII). Общение с Богом, как говорил протоиерей А. Мень, это сдержанное внимание голосу Божию, звучащему в тишине, и произнесение текста молитвы вполголоса (из записанной проповеди). Ср: *Тихим голосом зываешь к Нему, ждешь Его отклика* (П. Флоренский); *Маленький "болотный попик" виднеется на весенней проталинке и творит вечернюю молитву; "Вечерняя прелесть увила вокруг него свои тонкие руки". Он тихо молится, улыбается, клонится* (М. Волошин); *И голос молящего тих: "Ранят тело твое пресвятое, Мечут жребий о ризах твоих"* (А. Ахматова). *Тихий голос* — это прежде всего выражение интимности, это задушевная беседа, разговор двух любящих сердец (вспомним пушкинское: *Мой голос для тебя и ласковый, и томный...*). Это голос, близкий к шепоту, шепотной речи. Ср.: *Они шептались в углу* — вовсе не обязательно 'говорили шепотом', но наверняка 'говорили тихим голосом'. *Тихий голос* сродни *голосу лирическому*, тоже предполагающему интимное обращение к адресату: "Стихи создаются для двоих, если это стихи, а не рифмованные лозунги" (А. Найман), — а *лирический голос* подобен *голосу молящегося*. Не случайно З. Гиппиус писала: "Все стихи всех действительных поэтов — молитва".

Тихий голос — это голос веры и тайны, голос почтения и обожания, дружеского совета и увещания; им произносятся слова смирения и уважения, прощения и покаяния. Но *громкий голос* тоже характерен для определенного вида текстов и для определенного типа речевых актов, таких, как воинские команды, плачи и причитания. *Громкий голос* в диалоге, если оставить в стороне физиологические особенности, — это голос резко обозначенной иерархии, голос начальства и власти, недовольства и призыва. И хотя, как писал Ф. Искандер, "в мире нет ничего такого, из-за чего стоило бы громко разговаривать", мы часто сталкиваемся и в жизни, и в текстах с *громкими, зычными, кричащими, визгливыми, властными, командными, приказными голосами, голосами на повышенных тонах, гремящими, громыхающими и орущими*. Мы просим: "Говорите, пожалуйста, погромче", — только если по какой-то причине не можем

разобрать слова говорящего, но реплика "Говорите, пожалуйста, потише" связана не только и не столько с помехами восприятия.

Аналогично несимметричными являются выражения *повысить голос* и *понижить голос*. Повышение голоса передает отдаление от собеседника, стремление занять в диалоге командную позицию, что обычно вызывает ответную негативную реакцию, ср.: *Мужчина, который повышает голос, во-первых, не мужчина. А во-вторых, мужчина, который повышает голос, явно не на своем месте* (В. Макарян). Повышение голоса может быть связано с целым рядом эмоциональных факторов: гневом, раздражением, возмущением и прочими сильными чувствами. *Голос на пониженных тонах* — это голос *потухший, упавший, извиняющийся, просительный, заискивающий*, это говорение *вполголоса*.

Соотнесенность силы голоса с эмоциональным состоянием говорящего отражается и в выборе союза. Допустимы фразы *Он кипятился, но говорил тихо* и *Он кипятился и говорил громко*, но плохо **Он кипятился, но говорил громко*.

Таким образом, хотя громкий голос хорошо слышен, этическая его оценка в условиях нормального диалога нередко отрицательная. Поэтому не случайно такие слова, как *громогласный, громкоголосый, громовой, громозвучный* да и само *громкий*, имеют переносное значение 'чрезмерно торжественный, высокопарный', ср.: *И напыщенными стихами, Набором громозвучных слов Я петь пустого не умею* (Пушкин). Столь же отрицательно оцениваются *громогласные утверждения, громкоголосые заверения, громкие слова и фразы*.

Нанесенное собеседнику оскорбление, сделанное обидное замечание меняют тон и общий характер диалога. В процессе общения люди вообще крайне чутки к малейшим колебаниям в голосе собеседника. Они ловят неожиданные интонации, реагируют на изменившуюся силу, высоту или тембр голоса, фиксируют всевозможные нюансы в голосовой игре. Комментируя речь персонажей, автор текста часто отмечает те или иные свойства голосов и легко создает — по Бахтину — "эффект непосредственного присутствия" читателя при диалоге: — *Слушай, хватит там в прятки играть, а?* — *сказал он вдруг изменившимся голосом.* — *Не хочешь со мной разговаривать, так и скажи, я к этому готов* (Вл. Матлин); *Я не уловила, было это сказано с сарказмом или с горечью* (Вик. Токарева); *Тон его изменился — теперь он говорил просительно, как бы уещевая* (Вл. Матлин).

Громкий голос может срываться как по физиологическим, так и по психологическим причинам. Когда же срывается обычный голос, мотивы для срыва, как правило, чисто психологические. Фразы *Он сорвал голос* и *Не кричи так, сорвешь себе голос* могут быть вызваны происшедшими или вероятными резкими сменами физических параметров голоса в отсутствии каких бы то ни было психических коррелятов. Между тем *срывающийся голос* маркирует внезапный переход в диалоге от одного тона к другому, переход, обусловленный новыми чувствами, возникающими эмоциями. *Срывающийся голос* нередко сопровождается криком, плачем, изменением

ми мимики, неожиданными телодвижениями: *Бабушка кричала: — Кормилец ты наш, на кого ты нас оставляешь! Как странно звучит ее жалкий, срывающийся голос (В. Андреева); Вдруг голос ее задрожал, глаза заблестели, она быстро приблизилась ко мне и сказала: "Как ты смеешь так разговаривать с матерью!" И, глядя на меня заслезившимися глазами, крикнула срывающимся голосом: "Уходи, немедленно уходи!" (С. Левина); Севка сбросил с себя руку Шворца и резко повернулся к нам. Лицо его было искажено, руки дрожали: — Ну и что? Что вы мне здесь доказали? — крикнул он срывающимся голосом так громко, что перекрыл крик толпы. — Что всем здесь заправляет Шворц, так, что ли? (Вл. Матлин).*

Ни то обстоятельство, что речь возникает исключительно благодаря голосу, ни сам факт обладания голосом не нуждаются в специальном языковом обозначении: *У него есть голос* означает 'хороший голос', а предложение *Он сказал это голосом* вообще неправильное. Акцентного или рематического выделения требуют именно голосовые признаки, поэтому при существительном *голос* в функции инструмента лексические распространители обязательны. Прилагательные при слове *голос* определяют его не только по силе, но и по высоте (*высокий, низкий, грудной, тонкий... голос*), по тембру (*густой, мягкий, теплый, сочный голос*), по четкости звучания (*гнусавый, гундосящий, бубнящий, отчетливый, ясный голос*). Они характеризуют голос, обозначая такие его параметры, как динамика (скорость речи, ср.: *щебечущий, воркующий, звенящий, протяжный... голос*, — или особенности (в основном дефекты) произношения: *заикающийся, картавый, вибрирующий, шепелявый голос*. Кроме того, синтаксически связанные со словом *голос* определения могут описывать физическое или психическое состояние говорящего, ср.: *больной, булькающий, хриплый, рыдающий, взволнованный... голос*. Некоторые из таких прилагательных, например *сюсюкающий*, не только передают собственно характеристики голоса, но также синкретично выражают психическое состояние говорящего и его отношение к собеседнику (об этом чуть подробнее ниже). Значения всех этих параметров входят в толкования глаголов речи (*рвкать, гаркать, визжать, зенеть, скрипеть, бурчать, вырваться* и пр.), наречий, часть которых сочетается лишь с речевыми предикатами (*басом, визгливо, угрюмо, резко, спокойно, мягко* и др.), существительных, обозначающих тембр голоса (*бас, тенор, альт, баритон*).

Не все производные от этих существительных могут описывать речь. Следует, видимо, различать виды голоса как источника речевых звуков и виды голоса как источника музыкальных звуков. Музыкальные голоса — это постоянные характеристики человека; их языковые обозначения допускают метонимический перенос по модели "голос — носитель голоса", ср.: *У Евсея оказался альт, учитель взял его в церковный хор (Горький); Из-за ученических столов выполнят дисканты и альты (Чехов)*. Речевые голоса непостоянны, они меняются не только как музыкальные, в зависимости от пола и возраста, но также от характера и содержания сообщаемой информации, от физического или психического состояния

говорящего, его отношения к адресату и к высказываниям адресата в ходе диалога. Так, речевым, а не только музыкальным голосом является *бас* (= бас 2), обозначающий 'результат мутации голоса как проявление (= внешнее свидетельство) взрослости человека', ср.: *Петя уже говорит басом; Смотри, у него уже бас. Бас* как языковое обозначение очень низкого речевого голоса свойствен мужчинам; лишь окказионально — для указания на подобие женского голоса мужскому — он приписывается в речевом контексте женщинам: *Она произнесла эти слова дрогнувшим голосом, а затем низким голосом, почти басом спросила: "Ты в Москве?"* (В. Попов). Речевые голоса, как правило, низкие; из высоких, пожалуй, лишь *фальцет* 'высокий женский голос' способен характеризовать речь. Вполне допустимо сказать: *Мальши присел на левую пятку и сочным баритоном произнес: "Сверчок на печи"* (Стругацкие); можно *пробасить* какие-то слова, но не *протенорить или *просопранить. Уместно замечание: *Попутчик говорит скоро, тонким фальцетом, вздыхает* (В. Слепцов), но имена, называющие женские музыкальные голоса, речь не характеризуют. Плохо не только **Лена уже говорит сопрано* (или *альтом, меццо-сопрано*), но и **Она сказала это сопрано* (при правильном *Она сказала это своим обычным сопрано*). *Баритон* — это 'певческий мужской голос', однако, желая подчеркнуть певучесть или напевный характер речи, автор передает словом *баритоном* саму особенность мелодики: *Говорил он баритоном, медленно растягивая слова* (Ю. Крелин).

Мы уже отмечали различия в концептуализации мужских и женских голосов (в дополнение укажем, что *грудной голос* свойствен женщинам, но не мужчинам, а *отеческий тон* — мужчинам), детских и взрослых. Как недопустимо **Он сказал это голосом*, так плохо и **Он сказал это мужским голосом*, если он — мужчина. В рематической позиции в подобных предложениях должны быть представлены признаки, не соответствующие семантике субъекта, ср.: *Она сказала это низким мужским голосом*. Изменения в возрасте параллельны изменениям голоса: *Я вдруг ясно почувствовал, что голос его изменился, превратился в старческий* (В. Набоков). Прилагательное *старческий* описывает здесь возрастные изменения и выступает в прямом, а не в сравнительном значении ('как у старого человека'). Слово *старушечий* в аналогичных ситуациях еще указывает и на пол говорящего, тогда как пол лица, произносящего фразы *старческим голосом*, определяется лишь по контексту. *Взрослым голосом* всегда говорит ребенок, а *детским* — может и взрослый. В самом раннем возрасте речь неразборчива, и тогда мы говорим, что ребенок что-то *лопочет*, но неразборчивая речь в более зрелом возрасте обозначается как *бормочет, говорит (себе) под нос, бубнит, цедит и говорит непонятно* (не только по содержанию, но и по форме). Выступая в роли субъекта, сочетания *женский, детский и мужской голос* в нормальной ситуации однозначно указывают на пол или возраст говорящего, ср.: *Неожиданно послышались шаги и голоса. Кто-то шел по тропинке к пашке. — Душно! — сказал женский голос. Как, по-вашему, будет дождь*

или нет? — Будет, моя прелесть, но не раньше ночи, — ответил тожно очень знакомый мужской голос (Чехов). В то же время определение *человеческий* — применительно к голосам людей, но в отличие от сочетания *голоса людей* — отмечает либо переход от необычных характеристик к нормальным, ср.: *Вот теперь я слышу человеческий голос* (В. Драгунский), — либо интимную речь, появление "теплоты в голосе", ср.: *И сказал истопник человеческим голосом* (Р. Зеленая).

Физические параметры голоса ориентированы не только на мир человека; они во многом определяют фактуру текста, являясь важным приемом выразительности. Свойства голоса сложным образом соотносятся с коммуникативными намерениями говорящего, со смысловыми элементами сообщения и со способами их языкового выражения. Не любое содержание вводится такими художественными оценками речи, как с *вызовом бросал слова, истекал словами, с явно ощутимым элементом женственности прочла вслух, сладострастно шепчет, начинает лаяться, ронял чугунно-глухие слова, истерически вопила, с грозной яростью произнес, клятвенно заверила, гаркнул не своим голосом*. Приказ несовместим с ласковой речью, просьба — с криком, обычный вопрос — с заискиванием. Напротив, некоторые грамматические показатели, например в одной из словоформ прямой речи, коррелируют с протяжным голосом (*Ухо-ди-и!*), с громкостью (*Молча-ать!*), со скандированием и тем самым длительностью (*у-чи-тель*), ср. неправильное предложение: **Уйди-и! — сказала она быстро*. Бурчание под нос слов-извинений часто воспринимается как неискреннее, а фраза *"Я вас люблю"*, — произнесла Лиза жалобным голосом осознается не столько как признание в любви, сколько как желание вызвать в собеседнике жалость и пробудить в нем ответное чувство, и, быть может, даже содержит в себе упрек.

Едва уловимые, порой не получающие языковых обозначений модуляции голоса позволяют человеку сделать вывод, что его собеседник сегодня в хорошем настроении или, наоборот, не в духе. Неуместная "игра голосом" способна спровоцировать у коммуниканта отрицательную реакцию, реакцию не на диктум, а на модус сообщения, ср.: *Зачем вы так кричите?; Не нужно со мной подобным образом разговаривать! или Скажите это еще раз и по возможности другим тоном*. Впрочем, тут не исключены и ошибки в оценке. Адресат может уловить иронию там, где это вовсе не входило в намерения говорящего. Он способен принять шепотную речь, вызванную физиологическими причинами, например болезнью, за неуместное проявление близости, а быструю речь счесть свидетельством стремления говорящего побыстрее закончить разговор и уйти. Нередко автор высказывания в своих метаязыковых (или, точнее, метатекстовых) замечаниях указывает на изменение голосовых характеристик и обозначает мотивы, приводящие к таким изменениям: *Об этом мне хотелось бы сказать чуть помедленнее, это очень важно; Признаюсь, я начал тихо, так как в зале было очень шумно; Теперь я бы хотел немного "помычать" вот на какую тему, "помычать", потому что внятно я еще не умею говорить об этом* (М. Хомяков, из устного

выступления). Очевидно, что указание причин голосовых трансформаций отражает стремление говорящего эксплицировать свои коммуникативные намерения (о различных мотивах речевого поведения говорящего см. в работах [2; 5]).

Имеются высказывания (даже типы высказываний) — и число их достаточно велико, — в которые определенный вид голоса как бы встроены, т.е. которые можно произнести только голосом с фиксированными признаками: *Да ну?* — протяжным голосом, происходит удлинение конечного гласного; слова *черт побери, черт те что, черт его знает* — произносятся быстро. *Ой!* — высоким или более высоким голосом, *Брысь!* — резким, отрывистым голосом, *Закон есть закон* — разделяя слова. Подчеркнем, что речь здесь идет не об особенностях интонации, а о голосовых параметрах ее выражения, ср.: *Уверенность — это как бы голос, тон, в котором повествуют, как обстоят дела, но из тона нельзя делать вывод, что сообщение оправданно* (Л. Витгенштейн "О достоверности"). Выражение сильных эмоций *перехватывает горло, голос захлебывается*. Пришедший в сильное волнение, чем-то потрясенный человек, человек, испытывающий или только что испытывавший глубокое переживание, *говорит другим голосом, не своим голосом, изменившимся голосом, (как бы) чужим голосом*. Недовольство передается *ворчанием, брюзжанием, бормотанием, фырканьем: Капризная она чрезвычайно. обожаю, говорит, ч'ники. А принесешь ей — фыркает: я, говорит, терпеть не могу фиников, а только винные ягоды* (Горьк.л.). В подобных случаях, в отличие от фраз с частицами *якобы, мол, дескать*, трансляция чужой речи почти с обязательностью предполагает имитацию, возможно даже с нарочитым передразниванием, голоса говорящего. *Ворчание* означает 'выражение недовольства определенным способом'. Это обычно однотонный голос, подчеркивающий, так сказать, говорение одного и того же. В предложении *Отец все, бывало, ворчал, недовольный и едой,² и врачами, и палатой* эффект ворчания усиливается благодаря присутствию перечислительной конструкции, образованной именами объектов, вызвавших недовольство. *Ворчание* выражается голосом невнятным, размеренным и обычно низким (или более низким, чем обычно). В примере: *Тетя Каля... — взмолилась она* (Б. Екимов), — обращение произносится совершенно иначе, чем в предложении: *Тетя Каля... — позвала она*, а пропозиция: *Читал я, — выразительно произнес Каледин* требует иного голосового оформления, чем пропозиция *Читал я* во фразе *Читал я, — ухмыльнулся он*. Ласковое обращение может требовать и другого морфологического оформления по сравнению с обычным, ср. странное ²*Старуха, — вдруг ласково обратился он к бабе Тане* и нормальное *Старуня, — обратился он к ней ласково* (Б. Екимов). Не отвечающая с'держанию или иллюкутивной силе высказывания голосовая оркестровка ведет к коммуникативному провалу диалога: *Я прошу... — Нет, вы не просите, а рычите, как леопард. — Ну хорошо, я прошу вас... — Вот теперь другое дело. Пойдемте*. В этом коротком диалоге анафорическая конструкция

Вот теперь другое дело относится к новому голосовому оформлению: произносящий ее человек только теперь готов отнестись к словам я прошу вас как к просьбе. Подбадривать нельзя заунывным голосом, вопить — шепотом, а утешать — голосом громким. Команды и приказы отдаются четким голосом, отрывисто и резко, а напутствия — голосом мягким и теплым. Фраза У меня срочное сообщение канонически произносится быстро и т. д.

Существуют закрепленные в языке стереотипные, эталонные голоса представителей ряда профессий, родов деятельности, социальных рангов — командирский, дикторский, учительский, менторский, тренерский и др. Такие характеристики голоса показывают как индивидуальное, так и типичное в речевой манере коммуникантов.

Голосом передается не только актуальное внутреннее состояние говорящего, но и отношение его к адресату или к реплике адресата, ср.: сочувственный, издевательский, покровительственный, враждебный, дружеский, почтительный, примирительный, ненавидящий голос. Отдельные голосовые параметры, видимо, могут быть словарно закреплены за указанными определениями: сочувственный голос — это голос, теплый по тембру, ровный и негромкий, ненавидящий — резкий и громкий (или тихий, но шипящий), дружеский — по высоте ниже, чем обычный, и т. п. Согласование или рассогласование семантических элементов отражается на возможности / невозможности сочетаемости слов в предложении или тексте, например глаголов с наречиями (ср. допустимые сочетания воркующе звать, сказать и неправильные *воркующе гаркнуть, орать, упрекать), существительных с прилагательными (можно сказать дружеский призыв или возглас, но плохо *дружеский окрик). В подобных случаях именно голосовые признаки обеспечивают нормальное синтаксическое соединение слов или препятствует таковому.

Отношение говорящего к собеседнику и к его словам может выражаться в предложении разными способами. Так, во фразе "Ловкая работа!" — восхитился он (сказал он с восхищением, с восхищением в голосе) чувство, выраженное голосом и, возможно, какими-то паралингвистическими средствами, в авторском комментарии передается синонимичными или квазисинонимичными единицами. Между тем у автора имеются средства, так сказать, развести по разные стороны отношение говорящего к объектам или событиям, выражаемое с помощью голоса, и истинное отношение. Ср., в частности, использование автором в комментарии таких слов, как натужный, нарочитый, притворный и (в одном из значений) подчеркнутый: "Где ты вчера был?" — с нарочитым безразличием в голосе спросила жена; "И давно это у вас?" — спросил Дмитрий Григорьевич с притворным равнодушием, разглядывая маленькое черное пятнышко у нее под коленом (Ю. Крелян). Безразличие и равнодушие — чувства, имитируемые голосами, — здесь не отражают подлинных (и вполне понятных) интереса со стороны жены и беспокойства врача, ср. неправильные: *с нарочитым безразличием в голосе забеспокоился, *с притворным равнодушием заинтересовался.

Адресату речи важно понять не только, что сказано, но и как сказано. Так, вслушиваются не только для того, чтобы, напрягая слух, расслышать что-либо, но и для того, чтобы услышать, т.е. понять, собеседника, понять не только высказанное, но и недосказанное, и несказанное. Слабые, чуть заметные голосовые модуляции, быстро меняющиеся в ходе общения, мы крайне редко успеваем подвергнуть рациональной (интеллектуальной) обработке. Поэтому, когда мы говорим *Я не уловил, с какой интонацией все было сказано*, это вовсе не то же самое, что *Я не понял, с какой интонацией все было сказано*. Понять что-то, а тем более кого-то, можно, лишь подвергнув всю сумму полученной и имеющейся информации активной обработке разумом и поместив результаты этой обработки в свое сознание (ср. [4, 623]). Однако нельзя *уловить кого-либо, а уловить что-либо в отличие от понять можно также подсознанием. Чтобы уловить, например, намек в голосе, достаточно его зафиксировать, не анализируя разумом, понять же намек (не *понять намек в голосе!) — это не просто его зафиксировать, но и с помощью целенаправленной деятельности ума получить информацию о его содержании. Потому уловить может быть обозначением пассивной деятельности, это скорее воспринять, чем понять. Во фразе: *Его удивляло, что она говорит о молниях, тучах, закате солнца, о богатырях сказок, греческих богах, — он не мог уловить никакой связи во всем этом* (Горький), — речь идет о том, что один из собеседников не мог увидеть даже, есть эта связь или нет, тем более понять, в чем ее суть. Ясно также, почему предложение *Я не уловил, было это ею сказано с сарказмом или с горечью, и только спустя несколько часов понял, что она чувствовала в тот момент* кажется абсолютно корректным, а предложение *По тому, как он это произнес, я понял, что он раздражен, но не мог уловить почему* — сомнительным.

Итак, голос является и органом — источником звуков, и инструментом речи, голос — это надежное средство выражения эмоций и отношений между людьми и их речевыми действиями. В языке эмоции концептуализуются и как 'содержимое' голоса — 'вместилища', и как 'причины' голосовых изменений. В голосе можно услышать радость и печаль, слезы и смех — типичные внешние проявления соответствующих эмоций, но от волнения горло сжимается, гортань немеет и голос становится дрожащим, подчас хриплым, тогда как от счастья, хотя горло не расширяется (в русском языке сочетание *горло расширяется* не используется для передачи эмоций), голос становится высоким и звонким. Пользуясь голосом как инструментом, мы легко выделяем в речевом потоке нужные нам смыслы, слова и более крупные единицы, ср. выражения *выделять голосом, что-либо подчеркивать голосом, говорить с нажимом или без нажима* (в голосе). От природы человеку дан обыкновенный, красивый или некрасивый голос, но плохой голос удается улучшить, если его поставить. Поставленный, или, что то же самое, хорошо поставленный, голос у человека либо с рождения, либо обретается им в результате специальных длительных упражнений; плохо поставленный голос — это исключительно

результат недостаточных усилий со стороны его владельца, в каких-то целях сознательно пытающегося *поставить голос*, и, возможно, некоторых других лиц, например врачей. Хорошо поставленным голосом легко управлять, поэтому утилитарная оценка такого голоса, как правило, положительная. Вместе с тем человек с поставленным голосом не всегда пользуется им в достойных, этически положительно оцениваемых целях; в таких случаях оценка его бывает весьма низкой. Когда мы встречаем в рассказе фразу: *"Будет вам, душа моя, я люблю вас"*, — сказал Николай Петрович своим хорошо поставленным голосом (Е. Харитонов), — как-то слабо верится и в искренность слов утешения, и в истинность чувств Николая Петровича к полюбившей его женщине. Мнение автора об этом персонаже, выраженное в комментариях, явно отрицательное.

Очевидно, что голос относится к тем устройствам или органам, которые способны передавать актуальное эмоциональное состояние лица, но голос не может служить безусловным гарантом точности и подлинности передаваемого состояния. Если человек говорит с собеседником *ласковым, нежным, сердитым, обиженным или спокойным, скорбным, покорным, уверенным голосом*, то это отнюдь не означает, что он испытывает к собеседнику эти чувства или находится в данном состоянии. Поэтому, например, сочетание *говорить сердитым голосом* следует, как нам кажется, толковать с использованием элемента сравнения, т.е. как 'говорить голосом, каким обычно говорят люди, когда сердятся за что-то на собеседника'. Но спросим себя: для любых ли психологических прилагательных, способных выступать в таких конструкциях, будет пригодна подобная дефиниция? Можно ли — не в ситуации сценической игры — *говорить сдержанным или раздраженным голосом*, не будучи в данный момент сдержанным или раздраженным? И можно ли обращаться к адресату *властным голосом*, не испытывая при этом чувства какого-то превосходства над ним? Вряд ли. Видимо, для таких прилагательных толкование должно выглядеть иначе: *говорить сдержанным голосом* значит примерно 'будучи в данный момент сдержанным, голосом выражать это состояние'. Для прилагательных, обозначающих речевые акты (*говорить просительным, извиняющимся, предупредительным... голосом*), толкование строится лишь по несопоставительному типу. Любопытно, что смыслы 'находиться в некотором эмоциональном состоянии' и 'определенным способом выражать такое состояние' могут передаваться синтаксическими конструкциями, внешне очень похожими, ср. *сказать что-л. в раздражении* и *сказать что-л. с раздражением*. Вторая конструкция свободно допускает присоединение *в голосе*, что для первой невозможно; *сказать что-л. с раздражением* означает 'находиться в состоянии раздражения и голосом выразить это состояние'.

Представляется, что сами способы выражения эмоций, в свою очередь, следует отличать от способов их проявления. В частности, имеются органы человеческого тела, которые ориентированы единственно на внешнее проявление испытываемых ощущений — это, например, *щеки*, которые могут *гореть от стыда* или *краснеть от смущения*, *уши*,

пылающие от возмущения, брови, поднимающиеся вверх при удивлении или изумлении (ср. [1, 510], а есть органы, которые приспособлены не только для проявления, но и для выражения эмоций, — голос, глаза, руки. Можно говорить таким-то голосом, можно даже говорить глазами, руками, но нельзя *говорить ушами, лбом, щеками или бровями. Глаза и руки, как и голос, способны выступать в функции инструмента для выражения эмоций, а щеки, уши, лоб и брови — нет, хотя по внешним симптомам мы часто судим о конкретных эмоциях, испытываемых человеком.

Указание на признаки голоса может существенно влиять на интерпретацию речевого акта в составе прямой речи. Рассмотрим два предложения: (1) "Вы знаете его или нет?" — спросил Пуаро и (2) "Вы знаете его или нет?" — раздраженным голосом спросил Пуаро. В (1) представлен обычный альтернативный вопрос: Пуаро хочет знать, известен ли адресату данный человек. Что же касается предложения (2), то мы понимаем, что раздражение сыщика вызвано определенными словами или действиями адресата, и склонны интерпретировать его слова не как вопрос, где все альтернативы изначально равновероятны, как в (1), а как вопрос с гипотезой. Еще из работ А. Тарского известно, что мы употребляем дизъюнкцию пропозиций, только если полагаем имеющей место в действительности ("истинной", по Тарскому) одну из них, но не знаем, какую именно (ср. [3]). Альтернативные вопросы мы задаем в абсолютно аналогичной ситуации. В тех же случаях, когда у нас уже сформировалась конкретная гипотеза, какая из запрашиваемых альтернатив имеет больше шансов получить подтверждение, мы, согласно принципу минимизации усилий и постулатам общения, должны выбрать иной вид вопроса (ср. с выбором одной из форм — Ты идешь на вечер? и Ты не идешь на вечер? — в зависимости от исходного предположения). Но тогда почему в (2) для вопроса с гипотезой выбрана неподходящая форма альтернативного вопроса? Видимо, потому, что это не первое его вхождение в текст, потому, что этот вопрос уже был задан, а точного ответа на него не последовало. Коммуникативный акт потерпел провал, и спрашивающий уже не может опереться на все свои предположения и догадки — он остается в ситуации неведения, какая же из пропозиций истинна, и в полном соответствии с тезисом Тарского выбирает форму альтернативного вопроса. Таким образом, здесь перед нами не прямой, а косвенный речевой акт, и подсказывает нам такое его истолкование текст авторского комментария. Подтверждением могут служить единицы *так и в конце концов*, свободно присоединяющиеся к словам прямой речи в (2) и дублирующие смысл, содержащийся в высказывании. Синтаксически они столь же легко присоединяются и к словам прямой речи в (1), но при этом значительно меняют смысл всего предложения. Дело все в том, что одно лишь простое "желание узнать информацию" хорошо согласуется, например, с "интересом" и "любопытством", но плохо — с "раздражением" или "возмущением".

Голос — это внутренний сколок человеческой души, это "одна из самых загадочных, неуловимых и чарующих ее характеристик" (М. Волошин). Становление голоса сродни становлению человека, а потеря голоса — разумеется, в метафорическом смысле — равносильна утрате дара

речи, утрате себя как человека. В каждодневном гуле голосов мы счастливы различить голоса близких и друзей, голоса, живущие в нас вместе со своими неповторимыми интонациями. Но мы хорошо помним и голоса ушедших, нежность, обаяние и теплоту их интонаций. Теофиль Готье как-то писал, что, когда человек уходит, безвозвратнее всего погибает его голос. Но нам с этим очень трудно согласиться: голоса родных и любимых навсегда оставляют след в наших сердцах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
2. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
3. *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
4. Толково-комбинаторный словарь русского языка (словарная статья "понимать"; автор — И.М. Богуславский). Вена, 1984.
5. *Шмелева Т.В.* Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В.А. Белошапковой, И.Г. Милославского. М., 1988.

Т.А. Михайлова

О ФУНКЦИИ СЛОВ ВО ВРЕДОНОСНОЙ МАГИИ (ИРЛАНДСКИЕ ПЕСНИ "ПОНОШЕНИЯ")

Цель нашей работы — попытаться интерпретировать такое распространенное явление, как речевое воздействие на адресата, происходящее не путем непосредственного обращения к его ментальной сфере (убеждение, угроза и пр.), а путем некоего опосредованного влияния на его психофизическое состояние и, более того, на его судьбу. Данная функция речевого действия будет в дальнейшем называться нами магической.

Действительно, тот факт, что в магических ритуалах практически всех народов на всех уровнях развития словесной традиции речевые действия играют очень большую роль, общеизвестен. Мы попытаемся вскрыть механизм этого явления на ряде конкретных примеров. Безусловно, мы не решаемся утверждать, что в ходе нашего исследования приблизимся к истине, к некоей объективно существующей реальности, поскольку истинные критерии в данном случае лежат далеко за пределами филологии как науки; в нашу задачу входит лишь вскрытие интерпретации механизмов этого явления самой культурой, элементом которой оно является. Как нам представляется, наиболее подходящим материалом для реконструкции в данном случае может послужить культура архаическая, но при этом в достаточной степени развитая, какой была культура средневековой Ирландии.

В первую очередь нам представляется необходимым выделить два типа речевого воздействия, на первый взгляд находящихся на противоположных полюсах.

С одной стороны, нам известно очень много упоминаний о разного рода заклинаниях, волшебных словах и пр., в которых важен порядок сле-

дующих друг за другом элементов, слов или даже фонем. Данное речевое действие иногда может сопровождаться некими дополнительными механическими действиями, но все равно словесная часть данного ритуала остается, как правило, важнейшей. Заклинание может быть сообщено посвященным лицом профану или даже разгадано или подслушано последним, и если затем оно будет воспроизведено верно, то произведет соответствующее воздействие и будет достигнут желаемый результат ("Сезам, откройся!").

Если данное закливание передается профану, который оказывается не подготовленным в нужной степени к оперированию словесными сигналами подобного типа и забывает какую-то его часть или путает порядок следования элементов, речевое действие может оказаться неуспешным, успешным не в полной мере или даже привести к противоположному результату (как, например, в сказках типа "Ученик чародея").

Таким образом, в случае речевого воздействия первого типа оказывается важным, к а к именно произведено речевое действие, правильно ли был оформлен данный словесный сигнал, верно ли был воспроизведен необходимый набор звуков, и не так уж важно, к т о именно совершил это речевое действие.

Обращает на себя внимание и то, что речевые воздействия первого типа часто имеют своим объектом не человека, а некий магический же предмет, некий артефакт, специально запрограммированный на данное речевое действие, на данный акустический сигнал. Более того, к ним отчасти могут быть приравнены и разного рода механические воздействия на артефакты подобного типа, воспроизводимые, как правило, случайно лицом, не обладающим сакральным знанием: Алладин случайно трет волшебную лампу, солдат случайно щелкает огнивом и пр. Однако примеров случайного воспроизведения акустического сигнала мы можем встретить гораздо меньше, что свидетельствует о гораздо большей совершенности языка как кодирующей системы.

Уместным представляется здесь провести параллель между словесным воздействием на магический артефакт и работой компьютера, реагирующего не на нажатие той или иной кнопки, а на набор соответствующей команды или даже на устный сигнал. Ясно, что замена команды синонимом или ее эквивалентом на другом языке также приведет к неуспешному действию.

Вторым типом речевого воздействия может быть названа прямо противоположная ситуация, когда последовательность речевых элементов оказывается не столь важной, но зато акцент делается на том, кем именно произносится фраза, содержащая то или иное пожелание или запрет. Как правило, речь здесь идет о лицах, обладающих магическими способностями. "Встань и иди", — говорит Христос расслабленному, но это не означает, что его слова сами по себе представляют собой некое закливание. Феи желают новорожденной дочери короля счастливого будущего, а злая фея говорит, что в пятнадцать лет она уколетя веретеном и умрет, но нигде не сказано, что при этом все они произносят некие формулы-заклинания, которые могут определить судьбу девочки. Нам важен в данном случае лишь смысл высказывания и то, кем оно было

произнесено. В этом случае речевое действие превращается в речевое воздействие и производит некий магический эффект.

Вовлечение профанного субъекта в ситуации подобного типа, естественно, невозможно, а если это и происходит, то при обязательном участии некоего посвященного лица, создающего определенное "магическое поле". Так, например, в известной сказке о колбасе к двум старикам приходит фея и говорит, что готова исполнить три любых желания. Старик, не подумав, говорит, что хотел бы хорошей колбасы, которая тут же появляется на столе, на что старуха, не понимая, что в данной ситуации каждое речевое высказывание, содержащее хотя бы элементы оппатаива, будет интерпретировано как пожелание, восклицает: "Да пусть она прирастет к твоему носу!" Колбаса тут же прирастает к носу, и бедный старикам ничего не остается, как попросить, чтобы колбаса от носа отпала.

Итак, мы можем говорить, что в текстах фольклорных или литературных, но ориентированных на фольклорную традицию, мы имеем дело с достаточно четко выраженными двумя типами речевого воздействия: в первом важно как как производится речевое действие, во втором — кем оно производится.

С каким же типом речевого воздействия мы сталкиваемся в ирландской эпической традиции и ее продолжении в разного рода поздних нормативных среднеирландских поэтиках? Как это ни странно, ни с тем, ни с другим или со слиянием обоих типов вместе.

С одной стороны, при описании речевого воздействия на психофизическое состояние человека и его судьбу практически всегда говорится, что оно было осуществлено посвященным лицом, носящим в ирландском эпосе наименование "филид" (от индоевропейского *wel-'видеть'), т.е. человеком, обладающим способностью к высшему знанию, внутреннему видению и про-видению.

В текстах саг содержится очень большое число примеров того, как филиды, которые являлись далеко не только эпическими певцами, хранителями псевдоисторической традиции и составителями хвалебных гимнов, пользуются словом для воздействия на другого человека, как правило профана. Это воздействие воплощается в особые сатирические песни, которые обычно вредоносны и приносят гибель тому, против кого они были направлены. Более того, сама угроза спеть подобную песнь оказывается в устах филида оружием более грозным, чем оружие как таковое, поскольку смерть в данном случае считается смертью позорной. Например:

"— Одолжи мне твоё копьё, о Кухулин, — сказал заклинатель.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Кухулин, — у тебя не больше нужды в нём, чем у меня. Мужья Ирландии нападают сейчас на меня, и я бьюсь с ними.

— Я сложу злую песню на тебя, если ты не дашь его, — сказал заклинатель.

— Никогда ещё не бывал я проклят и опозорен за отказ в даре или за скупость" [6, 212].

Отказ в даре, упомянутый в данном примере, был формальным

поводом для исполнения хулительной песни, однако это правило, как мы увидим в дальнейшем, могло толковаться филидом весьма вольно. Кроме того, сатиры, песни поношения и пр. часто использовались и в непосредственных военных действиях. В этих случаях они, естественно, оставались вредоносными, но направлены были уже против врага:

"Накануне битвы отправился он к Дилу, потомку Крега из людей Оспрайге, что жил у Друим Дил. Был он слепым друидом.

— Отправляйся со мной, — сказал Эоган, — дабы петь песни поношения этим людям и осмеивать их" [1, 157].

Или:

"— А ты, о Кайрпре, сын Этайн, — спросил Луг своего филида, — чем в битве нам сможешь помочь?

— Нетрудно сказать, — молвил Кайрпре, — врагов прокляну я и стану хулить да порочить, так что властью своей отниму у них стойкость в сражении" [2, 43].

Список примеров подобного рода можно было бы с легкостью продолжить. Традиционно считается, что первая злая песнь была сложена филидом мифического племени Богини Дану против ирландского короля Бреса:

"Как-то раз пришел ко двору Бреса филид племен Богини по имени Корпре, сын Этайн. Затворился он в сумрачной, тесной, темной каморке, где не было ни огня, ни сидений, ни ложа. Три маленькие черствые лепешки подали ему (отказ в даре. — Т.М.). Поднявшись наутро, недоволен он был. И, проходя по двору, молвил Корпре:

Без пищи, что явится быстро на блюде,
Без молока коровы, в утробе которой теленок,
Без жилья человеческого в темени ночи,
Без платы за песни поэтов пребудет пусть Брес.
Нет отныне силы у Бреса!

И было это правдой, ибо ничего, кроме пагубы, не знал он с того часа. Вот первая песнь поношения, которую сложили в Ирландии" [там же, 37].

Итак, согласно приведенным примерам (а их, повторяем, могло бы быть гораздо больше), ирландскую эпическую традицию в том, как интерпретируется в ней характер речевого воздействия, можно было бы отнести к текстам второго типа, т.е. к тем, в которых акцент делается на том, кем именно данное речевое воздействие осуществляется.

Однако это не так. И в самих сагах, и в поздних поэтиках подчеркивается также важность верного оформления данного речевого действия, являющегося залогом того, что оно произведет желаемый эффект. Песнь поношения должна быть сложена и спета филидом именно потому, что лишь он знает, как она должна быть сложена и при каких обстоятельствах она может быть исполнена. Данная установка отчасти сохранилась и в христианизированной Ирландии, перенесшей на святых многие функции древних языческих жрецов. Ср.:

"В то время сидел Финнахта за игрой в фидхелл.

— Иди поговорить с Адамнаном, — сказал ему клирик.

— Не пойду я, покуда не кончу игру, — отвечал король.

Возвратился клирик к Адамнану и передал ему ответ короля.

— Пойди к нему, — сказал Адамнан, — и скажи, что примусь я читать пятьдесят псалмов и есть среди них один, что лишит королевской власти детей его, внуков и всех родичей" [3, 190].

Наиболее ярким примером, иллюстрирующим важность верного оформления хулительной песни, могут быть названы так называемые "глам дикини" (*glam dicinn*), насмешки, вызывающие на лице того, против кого они были исполнены, фурункулы красного, белого и черного цвета, за чем, как правило, следует смерть или в лучшем случае утрата королевской власти [4, 29].

Формальным поводом для исполнения подобных насмешек был отказ в даре, нарушающий один из важнейших принципов архаического социума — принцип обмена дарами [7]. Так, известен случай, когда за отказ короля Каера подарить его племяннику филиду Неде кинжал тот исполнил против него "глам дикини", от чего на щеках короля появились волдыри и он был вынужден покинуть трон, так как король традиционно не должен был иметь никаких физических изъянов. Из страха перед "глам дикини" соглашается и герой Фердиад вступить в поединок со своим названным братом Кухулином. Жертвой "глам дикини" оказывается и невеста короля Конхобара Луайне: филид Атирне и его сыновья требуют, чтобы она уступила их домогательствам, она отказывается, и "тогда спели они ей три песни поношения, что оставили на ее лице три нарыва — Стыда, Упрека и Позора, что были черного, красного и белого цвета. Тотчас испустила Луайне дух от стыда и позора" [5, 216].

Следует обратить внимание на то, что практически всегда использование филидом своей способности и исполнение песен поношения осуждается составителем текста как несправедливое. Так, в приведенном примере с кинжалом отказ короля Каера был вызван не скупостью, но тем, что на нем лежал гейс (запрет) с ним расставаться. Более того, Неде это было хорошо известно, и он просил у короля кинжал специально, чтобы получить отказ и тем самым повод для исполнения "глам дикини", чтобы затем самому занять трон и жениться на жене короля. Несправедливость Атирне и его сыновей по отношению к Луайне, которая хочет сохранить верность своему жениху, очевидна и самим участникам описанных событий: улады мстят Атирне за погибшую девушку. Тем не менее одна деталь в данном эпизоде должна обратить на себя наше внимание:

"После этого принялся Конхобар оплакивать девушку и чернить перед уладами Атирне. Тогда пошли за ним улады к Бени Атирне и заперли его там с сыновьями и всеми людьми, а потом убили двух его дочерей, Мор и Мидсенг, и сожгли крепость Атирне.

Недобрым делом показалось это филидам Улада (! — *Т.М.*), и тогда сказал Аморген:

— Великая жалость, великое горе славного Атирне гибель и т.д." [там же, 217].

Таким образом, в этой саге, как и в ряде других, отчетливо проявляется характерная для средневековой Ирландии конфронтация между светской и жреческой властью. Благополучие ирландского короля постоянно находилось под угрозой, так как рядом с ним постоянно на-

ходилась филид или друид, который в любой момент мог исполнить против него песнь поношения.

Сила этой песни заключалась не только в том, что она могла быть исполнена лицом посвященным, но и в том, что она должна была быть правильно оформлена, написана нужным размером, исполнена так, как должно ("глам дикини" — криком) и пр. Но посвященность ирландского филида как раз в том и состояла, что он был обучен всему этому, знал технику исполнения подобных (и иных) песен и именно в силу этого обладал некоей псевдомагической силой. В ирландской традиции практически отсутствуют легенды о "меде поэзии"; поэтическое искусство в ней предстает как высшая форма ремесла, а профетический и магический "дары" — как результаты овладения сложными ритуалами, тщательно описанными в позднейших текстах. Так, в "Книге Баллимота" (XIV в.) подробно описана техника исполнения "глам дикини", естественно, как это часто бывает уже на излете традиции, во многом домысленная и гипертрофированная:

"Вот песнь и то, как следует исполнять глам дикини: требуется сначала голодать на земле короля, против которого будет исполнена песнь, и затем, собрав вместе тридцать воинов, тридцать епископов и тридцать филидов, следует составить песнь-насмешку. Затем филид должен отправиться в путь вместе с другими поэтами, ранги которых — фохлок, мак фурмид, досс, кана, кли, анрад, оллам. Оллам идет впереди всех, и к заходу солнца он должен подняться на холм на границе семи земель. И тогда каждый пусть обратится к одной из них, а оллам — к земле того короля, против которого исполняется песнь поношения. Все они должны повернуться спиной к кусту боярышника, растущему на вершине этого холма. Когда подует северный ветер, каждый, взяв в одну руку камень, а в другую — ветку с этого куста, пусть исполнит по одной строфе из глам дикини. Оллам должен запеть первым, а другие за ним по порядку. И потом каждый должен положить камень и ветку возле корней куста. И если они были не правы, земля разверзнется и поглотит их, а если не прав был тот король, то земля поглотит его вместе с его женой, его сыном, его лошадью, его оружием, его доспехами и его собакой. Глам мак фурмида будет против собаки, глам фохлока — против доспехов, глам досса — против оружия, глам кана — против жены, глам кли — против сына, глам анрада — против страны, а глам оллама — против самого короля" [8, 96—97].

В этом описании видно стремление, с одной стороны, усложнить формальную сторону магического речевого действия, максимально застраховав его тем самым от опасности случайного воспроизведения, и, с другой стороны, ввести в него фактор юридической и социальной справедливости и тем самым оградиться от злоупотреблений.

Итак, как же интерпретируется в ирландской традиции сам механизм речевого воздействия?

Можно предположить, что древний ирландец, воспитанный в страхе перед филидами и их песнями поношения, испытывал при их исполнении сильное психическое воздействие, вызывавшее у него реакцию нервно-соматического характера, и что волдыри, появлявшиеся на его щеках, были одного происхождения со стигматами, появлявшимися на теле одер-

жимого после сеанса экзорцизма. Но это далеко не всегда так. В случае использования песен поношения против врагов те могут их и не слышать, но магический эффект при этом все равно будет произведен.

Таким образом, механизм воздействия слова на объект далеко не всегда связан с прямым воздействием на его психику и оказывается гораздо сложнее. Возвращаясь к началу наших рассуждений, вспомним введенное нами понятие некоего артефакта, запрограммированного на реакцию на определенный акустический сигнал. Но, таким образом, в свете особенностей ирландских средневековых представлений, консервирующих в своем маргинальном положении многие архаические черты и сохраняющих, как можно предположить, синкретизм по отношению к механизму речевого воздействия, и сам человек, и его судьба, и окружающая природа также предстают как некие артефакты, запрограммированные на управление Словом.

На фоне сказанного иначе выглядит и механизм пророчества, которое может уже не предвещать судьбу, а, будучи произнесенным вслух, ее определять. Так, аналогичный ирландскому конфликт светской и жреческой власти был описан Пушкиным в "Песни о Вещем Олеге", в которой жрец, оскорбленный князем, мстит ему проклятием, оформленным и понятным князем как пророчество. Множество аналогичных примеров можно встретить и в ирландской традиции, однако их анализ уже выходит за рамки нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Битва при Маг Мукриме // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
2. Битва при Маг Туиред // Там же.
3. Вормы // Там же.
4. *Калыгин В.П.* Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986.
5. Сватовство к Луайне и смерть Атирне // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
6. Смерть Кухулина // Ирландские саги. М., 1933.
7. *Watkans C.* The etymology of Irish DUAN // *Celtica*. 1976. Vol. 2.
8. *Windisch E.* Irische Texte. Leipzig, 1987. Vol. 3, H. 1.

С.Е. Никитина

ПЕНИЕ И ГОВОРЕНИЕ В НАРОДНОМ ВОСПРИЯТИИ*

В одном из псалмов "Животной книги" духоборцев спрашивается: "Что Господь сотворил прежде для себя? — Глаголы и пение. — С кем Господь совет положил человека сотворить? — С глаголом и пением" [4, ис. 2]. В другом псалме (№ 27) говорится, что Господь "творил небеса с пением, утверждал словом".

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, инициативный проект 93-06-10941: "Логический анализ языка: Речевые действия. Истина и истинность". В основу работы легли экспедиционные материалы автора статьи; полевые исследования молоканской культуры проводились совместно с проф. М. Мазо (США).

В этих текстах выражены три важные для нашего дальнейшего изложения идеи: наивысший статус пения и говорения, их равноценность и их нераздельность.

Можно усмотреть здесь особенность духоборского мировидения, однако вся древнерусская культура и русская народная традиция показывают близкое к выраженному выше восприятие пения и говорения, представляют слово и пение тоже как великую ценность и великую силу. Так, в древнерусской христианской традиции, не признававшей инструментальной музыки, музыка и слово были нераздельны. Древнерусское певческое искусство не занималось толкованием символики тонов, оно было искусством толкования слова в песнопении. Природа пения признавалась божественной. Слово осмыслялось как начало пения; таким образом, божественная природа пения реализовалась прежде всего в слове. Пением как высшим актом говорения возносилась хвала Богу.

Певческое искусство состояло прежде всего в выразительном распевании слова. Говорение в церкви нараспев, псалмодирование было также высоким видом искусства. Распевное говорение, кроме православной церкви — синодальной и старообрядческой, является очень важным компонентом богослужебного обряда таких конфессий, как духоборцы и молокане. Так, в каждом псалме духоборцы поют небольшую его часть — несколько "звонков" (строф), остальное читают, и чтение это, представляющее в музыкальном отношении равномерное чередование высоких и низких тонов, словно несет псалом по волнам. Молокане "проказывают" "звонки" перед его хоровым распеванием, и чтение "звонка" есть высокое искусство донесения текста до слушателя, в том числе искусство интонирования, которому долго обучаются. Воспроизведение религиозного текста в каждой культуре происходит своим специфическим способом. Так, у старообрядцев, как правило, нет акцентного выделения отдельных слов и слогов; плавность пения, по их мнению, лучше обеспечивает ясную передачу всего текста; у духоборцев, наоборот, необычайно длительное распевание слогов сопровождается твердым приступом гласных, "атакой", как называют это музыковеды; текст духоборческого псалма становится недоступным для непосвященного, однако узнается "верными", тем самым духоборцы создали тайный язык посредством особого искусства распевания слогов.

Во всех случаях пение осмысляется как богодухновенное и приближает человека к Богу, очищая его разум и душу. Так понимали пение первые христианские мыслители, например Афанасий Александрийский: "Распевное исполнение псалмов показывает не стремление к благозвучию, но служит знаком гармонии помыслов в душе" (цит. по [1]). Через полторы тысячи лет об этом говорит духоборческий псалом: "Пение псалмов — душам нашим украшение. Ангелов на помощь призывать — отжениет тьму, содевает святыню человеку на укрепление ума, заглаживает грехи, подобно есть милости святых; прибавляет веру, надежду и любовь... уста очищает, сердце веселит... человека просвещает, чувства отверзает всякое зло убивает..." [4, пс. 91].

Петь псалмы по-духоборски — это призывать на помощь ангелов В древнерусском сознании, наследующем византийское понимание пения,

передатчиками божественного пения человеку были ангелы. В русских народных духовных стихах, отражающих народное православие, субъектом пения также являются ангелы наряду со святыми и райскими пташками. В духовных стихах, как считает Г. Федотов, отразилась очень высокая оценка народом литургического пения [7]. Ангелы поют в раю и на земле — над гробом Богородицы; святой мученик, невредимый в огне печи, *стихи поет херувимские, он творит молитвы все Иисусовы*. Пение — атрибут рая или пустыни, этически совершенного места, где человек, ушедший от мира, может спастись. Поэтому в пустыне, так же как и в раю, пташки поют *архангельским гласом*. В грешном миру пения не слышно, а звуками ада является не пение, а скрежет зубовой, топанье и хлопанье, т.е. дисгармоничные звуки, шум, антипение.

Итак, пение в народном христианстве в отличие от обычной речи на бытовые темы — это высший тип говорения. Пение и говорение становятся равными тогда, когда говорится Слово Божие, т.е. когда произносятся особый тип текстов — тексты Библии, молитвы или дуборские псалмы. В тех русских конфессиях, где в богослужении не используется всесторонне разработанная в христианстве акциональная и предметная символика, соединяющая миры земной и небесный, слово спетое и сказанное принимает на себя максимальную смысловую нагрузку, являясь единственным средством общения человека с Богом.

В народной культуре — светской или связанной с дохристианскими представлениями — говорение, речь, слово и пение также оцениваются весьма высоко. Умение говорить (*Он умел слово молвити, он умел речь говорити* или *Он поклоны клал по-ученому, говорил он все по-писаному*) — обязательный признак "добра молодца". Магия слова, столь недвусмысленно выраженная в заговорах, основана на вере в созидательную и разрушительную силу слова. Нарекание, называние вещей, элементов мира — ответственный акт, могущий изменить состояние дел в универсуме: героиня баллады, которую выдают замуж за брата, говорит, что ей лучше помереть, чем назвать батюшку свекром, матушку — свекровью, а брата — мужем; Лазарь богатый в духовном стихе о двух Лазарях мучается в аду, потому что своего бедного брата "братом не называл".

В народном исполнительском песенном искусстве существует распределение ролей между членами певческой группы. В южнорусском ансамбле, как отмечают музыковеды, есть ответственные за эмоциональную наполненность пения (часто это верхний голос — подголос), за успешность исполнения песни как коммуникативного акта и ответственный за слово [2]. Именно роль ответственного за слово, за его выпевание, за доведение текста до слушателя является самой значимой; это роль лидера; подголос почти не произносит слов, а только "покрывает" сверху остальных певцов; певец, отвечающий за коммуникацию, должен своим голосом поддерживать баланс партий.

Заметим, что жанр песен без слов не характерен для русской народной культуры; русский глагол *петь* имеет в модели управления семантическое место "о чем", так же как и *говорить*.

Нераздельность текста и напева хорошо проявляется в том факте, что

народный певец часто не может воспроизвести текст отдельно от напева, а сбившись, начинает "с краю".

Интересно, что во многих культурах инструментальная музыка, по крайней мере некоторые ее жанры, тоже воспринимается как говорение. Так, по наблюдениям музыковеда Н.И. Жулановой (устное сообщение), игра на дудках-пылянах в культуре коми-пермяков определяется особыми словами, обозначающими музыкальные формулы: *урейя*, *эруйя* и т.д., и исполнители договариваются о последовательности исполнения примерно следующим образом: — Ты *говори* "эруйя", а я *говорю* "урейя".

Пение обладает сакральной силой во многих народных культурах; исполнение песен "не в срок" ведет к несчастьям. Так, исполнение календарных песен до или после соответствующего периода, по представлению болгар, приводит к чирьям и коросте; если нечестная девушка запоет после свадьбы, то на фруктовые деревья нападет порча (Т. Агапкина, устное сообщение). У уральских старообрядцев был запрет на пение во время цветения ржи: "хлеб позябнет". У коми-пермяков, по наблюдениям Н.И. Жулановой, нельзя причитывать в темноте, а также на обратном пути с кладбища.

Интересно, как у коми объясняется необходимость причитания: причитание — это тоже говорение, но причитание покойники слышат, а обычную речь — нет, т.е. пение, или музыкальное говорение, предстает здесь как более мощное средство коммуникации с потусторонним миром.

Пение способствует благополучию и выполнению нужных дел, совершению важных событий: в Сербии считается, что благополучие сопутствует селу, пока в нем поют песни: у духоворцев существует легенда о том, что когда умирала предводительница духоворов Лукерья Васильевна Калмыкова, то ее преемник Петр Васильевич Веригин приказал хору петь: пока "хор будет петь, суд свершится", но хор не послушался, прекратил пение, высший суд не свершился, и это привело к расколу в духоворческой среде.

В русском языке есть слова и выражения, отражающие связь пений и говорения. Так, былины *сказывают*, весну *кликают* или *закликают* (хотя и в первом и во втором случае поют), по покойнику *причитывают*. Но прежде всего идеи пения и говорения соединяются в слове *голос*.

Этимологически слово *голос* связано со словом *глагол*, *глаголати*, т.е. с идеей говорения, и с древнеисладским *kalla* 'звать' и 'петь' [6, 430]. Слово *голос* семантически очень нагружено, в нем можно выделить большое количество значений; я остановлюсь на употреблении этого слова в русской народной певческой культуре с существенной оговоркой, что не буду различать специфики его употребления в локальных культурах и стилях.

Приводимый ниже языковой материал — лишь малая часть того, что зафиксировано филологами и музыковедами, и еще меньшая часть того, что существует в народном языковом сознании. Здесь мне важно лишь продемонстрировать различия в значениях этого слова. Можно выделить несколько значений.

Голос 1 как инструмент говорения и пения, неотъемлемый атрибут человека. Он расценивается как средоточие силы и души. Лишить

человека голоса, отобрать его — это порча одна из самых страшных. На русском Севере, по наблюдениям Т. Агапкиной (выступление), бытует поверье, что сорвать голос во время венчания означает, что в скором времени умрет один из супругов. Голос 1 неотделим от своего носителя. На вопрос, почему нельзя записываться на магнитофон, было сказано: "Разве можно! Вот Мария Петровна умерла, а голос поет". Записанная на пленку человеческая речь воспринимается в среде старообрядцев старшего поколения как принадлежащая нечистой силе, сидящей в магнитофоне и имитирующей голос определенного лица.

Голос — это божественный инструмент; духоворцы и молокане не признают инструментальной музыки, поскольку инструмент — творение человеческих рук, а человеку дан инструмент самим Господом; он выше всех остальных и предназначен прежде всего для воспевания хвалы Богу.

Голос 1 различается по интенсивности, высоте, тембру, чистоте: он может быть *громким и тихим, глухим и звонким, тонким и толстым/грубым, окатным ('мягкий')* и *шершавым* и т.д. Часто про певицу говорят с восхищением, что голос у нее *как труба* (сильный, низкий и чистый); примерно тот же смысл содержит словосочетание *явный голос*, относящийся и к голосу речевому ('достаточно низкий, чистый, сильный и с отчетливой дикцией'). *Старый* голос уже не выносит, не вытягает. Голос можно *прибавить* и *убавить*.

Громкость светского пения отмечается как его достоинство: на Урале песни *ухают толстым голосом*, наоборот, стихи поют *тонким голосом* и так тихо, что *свечи теплюцца, не колеблюцца*.

Певческим голосом *играют* (меняют разные характеристики голоса и добавляют различные украшения к мелодии), им можно *переливать, водить*.

В переносном смысле голос 1 употребляется для обозначения звучания инструментов.

В народной поэзии постоянный эпитет к слову *голос 1* — *зычный* (примерно то же, что *явный*). Голос можно *разнести буйным ветром*, но в северных причитаниях он обычно катится по земле и по поднебесью, как нечто круглое и хрупкое:

Покатись, мой зычен голос, золотым-то клубочком,
Росшибись, мой зычен голос, на четыре жемчужинки

или

Докатись, мой зычен голос, до столичного города,
Опустись, мой зычен голос, на широкую улицу,
Рассыпсья, мой зычен голос, круглым горошиком.

Голос 2 — это любое музыкальное интонирование, включающее звуковысотные характеристики и способ звукоизвлечения, в частности (в большинстве случаев употребления) *голос 2* — это напев или тип напева. Голос 2 в отличие от голоса 1 отчуждаем от человека, он является компонентом песенного произведения, а человек может быть его воспроизводителем или творцом.

Голос 2, как и голос 1, может быть *веселым* и *грустным*, он бывает для исполнителя *легким* и *тяжелым* (например, *голос у этой песни тяжелый*,

на здым, т.е. со звуковысотным подъемом). Псалмы молокан могут петься на торжественный, просьбенный, прискорбный голос — это эмоциональный характер напева; голос 2 может быть *пологим/отлогим* и *крутым* — это различие в темпе и ритмике.

Поскольку голос 2 отчуждаем, его можно *брать* (из песни, из радио), *передавать* (ученикам или просто желающим); можно *петь на X-ый голос*.

Голос как напев может быть обусловлен регионально: на Гомельщине говорят о *брянских голосах*, молокане вспоминают о *тамбовских голосах* как начале и образце молоканского пения; голос определяется по принадлежности к школе уважаемого певца или к семейной традиции: *петь на Волков голос* (молокане), *на мамин голос*; по принадлежности к конфессии: *мы поем "Умоляла мать родная" на старообрядческий голос* (Восточное Полесье), по социально-временному срезу: *вековечный голос*, *петь на бывалошний или на нынешний голос*; по жанровому признаку: *жмивный голос*, *свадебный голос*; по признаку пола и возраста: *женские песни и женские голоса*.

Голос 2 — это инвариант; его можно узнать и признать даже при некоторых изменениях: можно *петь немножко не так, но на тот же голос*; его можно *украшать* (дополнительными оборотами), *спрямлять* (делать напев более простым). *Разрабатывать* голос — творчески комбинировать разные напевы. Производное от голос 2 — *голосить* (по покойнику) 'плакать, музыкально интонируя, с подобием напева'. В фольклорных текстах голос 2 встречается достаточно часто: невеста поет *песенку, на словах незнакомую да голоском невеселую* или *на словах невеселую, голосочком тяжелую*.

Голос 3 — партия в многоголосии, по значению он близок к голосу 2; он является как бы компонентом голоса 2, однако чаще всего голос 2 манифестируется главной разновидностью голоса 3, а именно *ведущим*, или *первым, голосом*.

Разновидностями голоса 3 являются в народном исполнительском искусстве *подголос*, *дишкант*, *подводка* (в казачьем репертуаре), *бас*, *тенор*, *женский бас*, *второй*, или *средний, голос* и т.д.

Голос 3, будучи компонентом или атрибутом голоса 2, одновременно является параметром певца: *он — ведущий голос, у нее женский бас*; хороший певец может петь *всеми голосами*.

Голосовая песня, или *песня на голоса*, — это песня, где много партий.

Разграничить значения слово *голос* в обычном народном употреблении довольно сложно. *Держать голос* означает одновременно и держать партию, и держать мотив; *покрывать голосом* может означать и партию верхнего голоса 3, и силу голоса 1. *Толстый* и *тонкий голос* также может обозначать и человеческий голос, и тип напева. Когда информаторы говорили про определеннй текст, что если его петь на *толстый* голос, то это будет песня, а на *тонкий* — стих, то здесь тоже совмещаются два значения слова *голос*. В текстах причитаний говорится, что *голосочек не тететца, голосок урываетца*; это одновременно и человеческий голос, и

напев. В семейной народной традиции, где существует, например, *материнский* или *бабушкин голос* [2], это словосочетание содержит слово *голос* сразу в трех значениях: похожий по тембру и другим акустическим характеристикам на материнский или бабушкин (голос 1), напев, на который обычно пела бабушка/мать (голос 2), партия, которую она обычно вела (голос 3).

Кроме слова *голос* в народной культуре употребляется слово *глас*. Гласом в крюковом пении называется определенный тип распева. В церковном пении существует осмогласие, т.е. пение на восемь гласов. В духовных стихах *глас* и *голос 1* употребляются как варианты, при этом *гласом гласят* Бог, Богородица, святые, обычные же люди говорят и кричат *громким голосом*. Ангелы, птицы поют *архангельскими гласами*; здесь совмещаются значения "голос 1" и "голос 2", но пустыня говорит *архангельским гласом*, и здесь глас — голос 1.

Возвращаясь к проблеме пения и говорения, еще раз напомним, что в народном восприятии существует тенденция ощущать пение как высший тип говорения. Однако в некоторых сектантских культурах выстраивается трехступенчатая иерархия: говорение → пение → говорение языками или "на языках духовных". Это глоссолалия (непереводимое говорение "на языках" или ксеноглоссия (говорение "на духовных языках" с возможным переводом). Говорение "на языках" выше пения, ибо пение готовит душу к общению с Богом; говорение же "на языках" есть непосредственное общение со Святым Духом, дающим откровение пророкам [3; 5]. Эти акты говорения происходят в состоянии экстаза и почти всегда стимулируются пением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бычков В. Некоторые проблемы музыкальной эстетики в ранней патристике // Музыкальная культура средневековья. М., 1992. Вып. 2.
2. Иванов А.Н. Об изучении семантики русского народно-лесенного искусства: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1982.
3. Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1907.
4. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В.Г. Бонч-Бруевича. СПб., 1909. Т. 2: Животная книга духоборцев.
5. Топоров В.Н. Об индийском варианте "говорения языками" в русской мистической традиции // Wiener Slavistischer Almanach. 1989. Bd. 23.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
7. Федотов Г. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

А.И. Полторацкий

ПРОБЛЕМА "СЛОВ" И "ДЕЛ" В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШЕКСПИРА

Персонажи Шекспира "живут" в совокупности своих речевых актов. В них сообщается не только о том, что происходило, скажем, до начала пьесы, и не только о том, что имело место за сценой, рассказывают в них не только о своих чувствах, надеждах, опасениях, сомнениях и т.д. "Из

пьес Шекспира можно извлечь отдельные места и, расположив их в определенном порядке, составить словесное изложение всей фабулы. Из речей персонажей ясно, кто они, чего хотят и что с ними происходит. Рядом с непосредственно происходящим на сцене действием идет текст, в котором описано все совершающееся на наших глазах. [...] все вплоть до того, как выглядит в тех или иных случаях персонаж, хотя он находится перед нами на сцене" [1, 235]. Такая театральная условность, столь отличная от театральных условностей нового времени, отнюдь не случайна. В предшествующую эпоху, воззрения которой постоянно и неразноречиво излагают друг другу шекспировские персонажи, жить вообще предполагало также и "жить в слове" [4, 198]. Закономерно отсюда наличие в драматургии Шекспира проблемы "слов" и "дел". Персонажи обсуждают ее среди других, драматург разрабатывает. Она не ставится, ее принимают как изначально данную.

Непосредственным вербальным воплощением этой проблемы является присутствие на более или менее ограниченном протяжении текста двух ключевых для нее слов *word* и *deed* (оба употребляются и в единственном и во множественном числе; если для первого возможна синонимическая подмена, то присутствие второго постоянно). Теснее всего их связывает ключевой же фразеологизм "словом и делом" — "(both) in word and deed" (возможна и перестановка компонентов), например:

(1) Я отплачу тебе за твои благодеяния, вернувшись домой, и словом и делом (Буря 5.01.71)*.

(2) Лучший из государей, милостивый правитель, оказывается недостойным как на деле, так и на словах (Перикл сц. 5.4).

Столь тесное или достаточно близкое соположение в тексте этих двух слов само по себе уже несет идею их некоего противопоставления. В подавляющем большинстве случаев оно проводится по принципу соответствия или же несоответствия слов делам, что и составляет обычно предмет высказывания, например:

(3) О вы, мудрейшие греки, простите мне такую похвальбу (this brag)... Но я предприиму дела, которые будут под стать таким словам (*deeds to match these words*) (Троил и Крессиды 4.07.143).

В чем же именно может состоять это соответствие/несоответствие слов делам?

Наиболее очевидным является здесь исполнение или неисполнение даваемого или ранее данного обещания. В английском языке, как и в русском, "обещание" выступает в качестве одного из словарных толкований (значений) "слова", "слово" регулярно используется как (квази)синоним "обещания", ср. "дать/сдержать/нарушить слово" — "give/keep/break (one's) word". Так, в экспозиции комедии "Все хорошо, что хорошо кончается" ее героиня, Елена, берется излечить тяжелобольного Короля Франции. "Если я помогу тебе, — говорит она, — что ты мне обещаешь?" (2.01.190). Король предлагает ей высказать свое самое заветное желание. Заключается договор. Елена получает право избрать

* Нумерация стихов дается по последнему оксфордскому изданию полного собрания сочинений Шекспира [6].

себе в мужа любого из свободных от уз брака его подданных. В конце сцены Король взывает к ней:

(4) Вот моя рука [...] Так помоги же мне! Если ты это сделаешь, то не менее весомое, чем мое слово, дело мое будет под стать твоему (as high as word my deed shall match thy deed) (2.01.210).

Что и имело место. Король свое слово сдержал – толчок к развитию дальнейшего сценического действия.

Как таковое, обещаемое может в высказывании только подразумеваться. Так, Лаэрт в "Гамлете", сомневаясь в намерениях принца, наставляет сестру:

(5) ...если он говорит, что любит тебя, с твоей стороны разумно лишь настолько верить ему, насколько он может, согласно своему сану и званию, исполнить то, что говорит (give his saying deed) (пер. М.М. Морозова [3, 345]).

Сказанное Лаэртом недвусмысленно подразумевает, что объяснение в любви ("слово") девушке того положения, которое занимает Офелия, влечет за собой готовность вступить с ней в законный брак ("дело"). Однако же выбор супруги наследника престола — о чем идет речь далее — предстоит делать не только ему самому, поэтому сомнения Лаэрта вполне оправданны.

Неисполнение обещанного, что в принципе всегда допустимо как альтернатива, превращает обещание в "слово" без предначертанного ему "дела". Такая ситуация обговаривается, не без некоторого цинизма, и затем разыгрывается в "Тимоне Афинском". К повторно разбогатевшему Тимону снова направляются искатели наживы Поэт и Художник:

(6) П о э т . А что ты собираешься подарить ему?

Х у д о ж и к . На этот раз ничего, только свой приход. Однако я пообещаю ему одну великолепную работу.

П о э т . Мне надо будет сделать то же самое, сказать ему об одном своем намерении, которое ему адресовано.

Х у д о ж и к . Хорошее взамен лучшего! Обещание поистине мелодия нашего времени. Оно открывает глаза ожиданию. Исполнение же обещания как действие всегда скучнее, и — кроме как у людей простых и невзыскательных — само дело, о котором может идти речь (the deed of saying), отнюдь не в ходу. Обещать — это в высшей степени изысканно и модно. А исполнение обещания есть своего рода последняя воля или завещание, которое свидетельствует о глубокой болезненности суждения у того, кто его составляет (5.01.17–30).

Случайно подслушавший Поэта и Художника Тимон награждает в конце сцены обоих вместо вожеленного золота тумачами.

Заслуживают внимания использованные в примерах (5) и (6) практически непере译имые на русский язык компактные по форме и чрезвычайно емкие по смыслу словосочетания: (5) "give... saying deed" (1.03.27) — букв. '(при)дать говоримому дело' и (6) "the deed of saying" (5.01.26) — букв. 'дело говоримого' (конструкция с семантикой родительного принадлежности). Эти словосочетания подчеркивают — в первом случае лексически, во втором грамматически — наитеснейшую связь между их смысловыми компонентами. Такая связь есть своего рода формальное отражение подразумеваемого актом конкретного обещания прямого соответствия/несоответствия "слов" "делам". Произносятся какие-то заявления, и затем совершаются или не совершаются декларируемые или

подразумеваемые. А как в них поступки, причем и те и другие носят единичный характер.

Параллельно в текстах Шекспира проходит серия таких высказываний, где соответствие/несоответствие "слова" "делу" устанавливается и не столь прямо, и не только в разовых действиях, и по иному общему принципу, а именно по их оценке, т.е. "хорош или плох на деле" — "хорош или плох на словах" с различными соотношениями атрибутов: "хорош и в одном и в другом", "плох и в одном и в другом", "хорош в одном и плох в другом" и т.д., например:

(7) О с е л о к . Ах, как бы я хотел, чтобы богя сделала тебя поэтичной.

О д р и . А я не знаю, что такое "поэтичный". Честно ли это на деле и на словах (in deed and word)? Это что-то правильное (букв. 'истинное' — is it a true thing)? (Как вам это понравится 3.05.18).

(8) Дурные дела (ill deeds) усиливаются злым словом (with an evil word) (Комедия ошибок 3.02.20).

(9) Малому количеству его дурных/бранимых слов (bad words) соответствует столь же малое количество добрых дел (good deeds) (Генрих V 3.02.34)

и, наконец, реплика в сторону, которую произносит Король Клавдий в "Гамлете":

(10) П о л о н и й . ...богомольным лицом и благочестивым поведением (pious action) мы можем обсахарить самого дьявола.

К о р о л ь . О это слишком верно! (В сторону) Какой острый удар наносят его слова (that speech) моей совести! Щека проститутки, приукрашенная искусством подмалевки, не более уродлива по сравнению с тем, что ее украшает, чем мои дела (my deed) по сравнению с моими раскрашенными словами (my... word). О, тяжкое бремя (пер. М.М. Морозова [3, 375]).

В подлиннике, т.е. это не случайно, и "дело" и "слово" стоят в единственном числе: "...Than is my deed to my most painted word" (3.01.55). Содеянное Королем, однако, вполне может быть конкретизировано: убийство родного брата, одновременно и цареубийство, кровосмесительный (по крайней мере с точки зрения героя трагедии) брак, узурпация престола и т.д., но все это вместе взятое и есть "my deed". Что же подразумевал тогда Король под "my... word"? Никаких прямых словесных соответствий перечисленным поступкам в речах Короля нет, да и не может и не должно быть. Ответ надо искать в словах из реплики Полония: "with... pious action" (3.01.50) — букв. 'благочестивой манерой поведения'. На протяжении всего сценического действия трагедии нам дано видеть, что впечатление, которое стремится создать о себе в своих публичных заявлениях Король ("слово"), вступает в противоречие с тем, что он действительно собой являет ("дело").

Аналогичная ситуация представлена в "Генрихе VIII". Авторы (Шекспир и Флетчер) обращаются к одному из самых драматичных моментов в истории страны — началу английской реформации. Предлогом послужило расторжение первого брака короля Генриха, что, в свою очередь, стало прелогом для падения и опалы всемогущего кардинала Вулси, канцлера королевства. В сцене отставки Кардинала (принадлежит Шекспиру) Король задает ему, в частности, вопрос, остается ли у Кардинала время на земные заботы, имея в виду заботы о делах государства. Кардинал в изощренных иносказаниях отвечает утвердительно, после чего идет следующий диалог:

(11) К о р о л ь . Ты хорошо сказал (You have said well).

К а р д и н а л . Так пусть же Ваше Величество и впредь всегда неразрывно сопрягает то, что я хорошо поступаю (букв. 'делаю' — А.П.), с тем, что я хорошо высказываюсь (my doing well with my well-saying — подхват реплики Короля с абсолютным лексико-семантическим параллелизмом, реализуемым фигурой хиазма. — А.П.).

К о р о л ь . Опять хорошо сказано (well-said — зеркальный повтор прошлой реплики. — А.П.), а это своего рода доброе дело — высказаться хорошо (and 'tis a kind of good deed to say well), слова, однако, не есть дела (and yet words are no deeds) (3.02.150—155).

Комментариев королевская сентенция не требует. Стоит тем не менее отметить, что речь на протяжении всего диалога шла о соответствии именно "дела" "слову", а не наоборот. Этот порядок сохраняется и далее, в высказывании, следующем непосредственно за предыдущим (примат дела подчеркивается в нем виртуозной игрой с вспомогательным глаголом *do*, в котором оживляется лексическое значение 'делать'):

Отец мой любил тебя. Так он говорил и вместе со своим делом дал тебе в награду свое слово (He said he did and with his deed did crown. His word upon you). А с тех пор, как я стал править... (3.02.155—157).

И до конца диалога в ответ на каждое очередное излияние Кардинала (их общий смысл: "я отдаю всего себя своей стране и лично вам, государь") каждую свою реплику Король начинает все той же оценкой реплик своего партнера, синонимически варьируя, однако, наречия и глаголы: "Fairly answered" (3.02.180), "Tis nobly spoken" (3.02.200). Уходя со сцены, Король предлагает Кардиналу ознакомиться с двумя бумагами, которые, как выясняется, неопровержимо доказывают, что содеянное Кардиналом ("дело") и им "хорошо сказанное" ("слово") расходятся разительнейшим образом.

Для случаев несоответствия "слова" "делу" по качественной их оценке показанное в примерах (10) и (11) закономерно. Чем бы ни было "дело", оно везде и всегда, по самой своей сути, поддается конкретизации. Если даже оно и подразумевает "деятельность вообще", то последнюю возможно разложить на составляющие ее поступки, она дискретна. "Слово" же в подобных ситуациях оказывается чем-то неконкретным. Оно в них расплывчато и туманно, уклончиво и обтекаемо. "Дурным делам" потребен камуфляж.

Что же касается "добрых дел", то они, по-видимому, и не требуют себе от деятеля каких-либо прямых словесных соответствий. Такая мысль присутствует в еще одной параллельной серии высказываний, где "дело" выступает не более и не менее как в качестве "слова". Хотя один раз персонаж Шекспира и говорит, что "высказаться хорошо есть своего рода доброе дело", но это лишь для того, чтобы немедленно же опровергнуть сказанное, ибо "слова не есть дела" (11). Однако обратное соотношение: "to talk/speak in deeds" — "говорить делами" (Лукреция 1348; Трои и Крессиды 4.06.101), — вполне допустимо. Используются здесь и другие обозначения речевых действий, например:

(12) ...за него молят (do plead) тебя его дела (his deeds) (Тит Андроник 1.01.353).

(13) Все, что само себя восхваляет (praises itself), иначе чем на деле (but in the deed), изничтожает (devours — букв. 'пожирает') дело (the deed) в восхвалении (in the praise) (Трои и Крессиды 2.03.156).

Подобные речевые действия можно рассматривать как частные по отношению к более общему (действию?) — "выражать (себя) делами":

(14) он... тот, кто выразил себя во всех своих делах (that hath expressed himself in all his deeds) (Тит Андроник 1.01.419).

(15) Дела пусть выражают то, чем могут быть слова, о них сказанные (Let deeds express / What's like to be their words) (Кориолан 3.01.135).

Этот ракурс проблемы "слов" и "дел" присутствует в "Тимоне Афинском" и "Перикле" как характеристика протагониста, а в "Кориолане" и "Макбете" как сюжетно значимый.

Возможность выразить и высказать себя делами позволяет деятелю никак не говорить о них, оставляя это за другими — подтекст, который выявляется при анализе более доскональном. Но и ни в одном из приведенных выше примеров (12—15) речь не идет о самом говорящем. То же справедливо и в отношении следующего примера, где обнаруживается кажущийся парадокс. Улисс в "Троиле и Крессиде" так отзывается о герое драмы:

(16) Это младший сын Приама, истинный (true) рыцарь. Они зовут его Троил. Еще не совсем созрел, но уже несравнимо тверд в своих словах (matchless-firm of word), говорит делами (speaking in deeds), на языке же у него дел нет (and deedless in his tongue) (4.06.98—101).

С одной стороны, Троил — букв. 'несравнимо твердый (своим) словом', с другой, он — букв. 'делами говорящий' и букв. '*без-дельный языком', т.е., давши слово, он его держит, проявляет себя только на деле и о делах своих не празднословит.

О чем же, наоборот, предписывается говорить шекспировским героям? Хотя это уже иная проблема и рассматривать ее следует на другом материале, стоит привести здесь, как отдельную иллюстрацию потребности в словесном — именно! — выражении, реплику из "Макбета", обращенную к Макдуфу, чей замок был предательски захвачен и чьи жена, дети и слуги были зверски убиты:

(17) Эх, старина, никогда не надо надвигать на брови шляпу. Пусть скорбь даст волю словам (give sorrow words). То горе, что не говорит вслух (does not speak), шепчется с переполненным им сердцем и побуждает его разбиться (4.03.209—211).

Итак, проблема "слов" и "дел" в том виде, в каком она представлена в суждениях о ней разнообразных персонажей Шекспира, сводится к следующему. "Слова" и "дела" могут быть как сопоставлены друг с другом, так и противопоставлены друг другу. Нечто может быть исполнено "и словом и делом". "Слова" и "дела" могут соответствовать или не соответствовать друг другу. Конкретно соответствие/несоответствие "слов" "делам" проявляется в исполнении или неисполнении обещанного. В более общем плане соответствие/несоответствие "слов" "делам" может быть проведено и по критериям их (аксиологической) оценки, чаще всего по крайним точкам шкалы. Присутствует также мысль о том, что "делам" могут быть и не нужны "слова", поскольку "дела" способны "выражать" себя сами. Отсюда метафора "говорить делами" и негласный уговор о том, что "говорить" о каких-то делах не пристало.

Все, что по разным произведениям Шекспира было сведено воедино и

затем подытожено в предшествующем абзаце, в одном из его произведений, "Трагедии о короле Лире", обнаруживается в полном объеме. Проблема "слов" и "дел" положена в основу как ее завязки, так и всего остального сценического действия.

Трагедия открывается сценой взаимных обещаний. Лир и его старшие дочери берут на себя ("словом") определенные обязательства ("дело"). Для одной из сторон, однако, в обязательства входят не только подлежащие исполнению дела, но и произносимые здесь же, на месте, слова. Каждая из дочерей Короля должна сказать отцу, кто его "любит больше" (1.01.51), что старшие дочери и приводят в исполнение. Исходный тезис первой "я вас люблю сильнее, чем это могут выразить слова" (1.01.55), за ним следует цепочка чуть более конкретных гипербол. Исходный тезис второй: "Моя сестра высказала уже именно то, чем я могу выразить свою любовь, но она сказала не все" (1.01.70—72), к этому добавляются еще две гиперболы. Линия сценического действия, которая определяется такой завязкой для данных двух характеров, хорошо известна. В конце первого акта один из присутствующих, Кент, предвосхищает дальнейшее:

(18) Да подтвердятся ваши пространные речи (large speeches) вашими делами (deeds), чтобы из слов любви (words of love) проистекли хорошие последствия (good effects) (1.01.183—184).

Диалог-договор Лира с младшей дочерью проходит по-иному. Его начало — тот редчайший случай, когда поэтический перевод (Б. Пастернака) оказывается буквальным:

Лир.

...Что скажешь ты, чтоб заручиться долей
Обширнее, чем сестрины? Скажи (Speak)!

Корделия.

Ничего, милорд.

Лир.

Ничего?

Корделия.

Ничего.

Лир.

Из ничего не выйдет ничего.

Так объяснись. [5, 365]

CORDELIA.

Nothing, my lord.

LEAR.

Nothing?

CORDELIA.

Nothing.

LEAR.

Nothing will come of nothing.

Speak again. (1.01.86—90)

В семантический состав проблемы "слов" и "дел" вступает, как можно видеть, новый компонент — "слово как молчание", метафора молчания (этот отказ говорить шекспироведы часто так и называют "молчанием Корделии"). Однако если шекспировские персонажи могут "говорить делами", то физически молчать на сцене, "молчать" в буквальном смысле они не могут. Лир продолжает требовать от Корделии объяснений, и она вынуждена их дать. Ее исходный тезис: "я вас люблю, как долг велит, ни больше и ни меньше". Лир поражен: "Так молода и так черства душой!" — "Так молода, милорд, и прямодушна" (там же). В подлиннике здесь прилагательное *true*, что одновременно значит и 'истинный' и 'правдивый'. Корделия не только отказывается лгать, но и поступает по правде, значит, и по истине.

"Истина" становится еще одним семантическим компонентом в рассматриваемой проблеме, ср. также примеры (7) и (16). Все эти четыре компонента: "слово"—"дело"—"молчание"—"истина", были уже совместно

представлены в самой первой из пьес Шекспира, комедии "Два веронца", в реплике брошенной как бы походя:

(19) Джулия, прощай? Как, удалилась, не сказав ни слова (without word)? Что ж, так и должна поступать истинная (true) любовь, ибо истину (truth) красят скорее дела (deeds), чем слова (words) (2.02.16—19).

Как бы проходной характер этого высказывания не снимает всей серьезности его содержания. Это — постулат, который спустя годы Шекспир кладет в основу одного из самых своих глубоких по мысли произведений.

Этимологию упоминавшегося в начале статьи английского фразеологизма "in word and in deed" — "словом и делом" возводят (см., в частности, [2, 834]) к евангельскому изречению:

(20) Дети мои! станем любить не словом (in word) или языком (in tongue), но делом (in deed) и истиною (in truth) (1-е Иоанна 3:18).

Заданы все те же четыре компонента: "слово", "дело", "молчание" ("не... языком") и "истина" — вектор сценического действия Корделии. А оно, в свою очередь, раскрывает зримо-смысл данного завета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникст А. Шекспир: Ремесло драматурга. М., 1974.
2. Куниш А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
3. Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М., 1954.
4. Рабинович В. Исповедь книжечка, который учил букве, а укреплял дух. М., 1991.
5. Шекспир В. Избранные произведения. М., 1953.
6. Shakespeare W. The complete works. Oxford: Clarendon Press, 1988.

С.М. Толстая

ВЕРБАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Понятие "вербальный ритуал" — условное и относительное. С одной стороны, большинство ритуалов имеет то или иное словесное сопровождение или требует значимого отсутствия речи, т.е. ритуального молчания (причем нарушение молчания в этом случае полностью лишает ритуал магической силы). С другой стороны, вербальные ритуалы, как правило, имеют акциональное обрамление. Можно поэтому говорить о некоторой шкале, на одном полюсе которой будут ритуалы "без слов", а на другом — "слова" (тексты) без ритуальных действий. Примерами первого типа могут служить ритуалы выбрасывания хлебной лопаты во двор при надвигающейся градовой туче, выливания воды из всех сосудов в доме в случае смерти, завешивания или обращения к стене зеркала, обычай при выносе гроба трижды стучать им о порог и многие другие действия, совершаемые без приговоров. На другом полюсе окажутся такие акты, как чтение молитвы, заговора, произнесение магической формулы с целью оберега (например, молитвы "Да воскреснет Бог..." или слов типа "Соль тебе в очи, камень в зубы" и т.п.), которые могут не сопровождаться какими бы то ни было действиями.

Однако чаще всего ритуал бывает синкретичным и включает и действие, и слово, хотя и в разной пропорции. Поэтому условно к вербальным можно отнести такие ритуалы, в которых произнесение некоторого текста составляет его семантическое и структурное ядро, а другие компоненты, если они есть, образуют периферию, обрамление. При этом, однако, все компоненты обряда составляют органическое единство, и вопрос о том, как разные субстанциональные составляющие обряда (вербальные, акциональные, предметные и т.п.) соотношены друг с другом содержательно, структурно и прагматически, — это отдельная проблема. В двух словах можно сказать, что текст и действие могут дублировать друг друга: например, женщина выходит навстречу надвигающейся туче, размахивает в сторону тучи топором и говорит: "Машу тебе топором, иди в горы!"; при гадании девушка трясет забор и говорит: "Трясу-трясу забор — где мой милый, отзовись..."; при опахивании села женщины поют: "Мы идем, мы идем, девять девок, три вдовы". Текст и действие могут быть в дополнительном распределении, когда одна часть содержания выражается в тексте, а другая — в действии: например, в обряде сватовства ответом на иносказательный текст сватов типа "У вас товар, у нас купец" может быть и обычно бывает не слово, не текст, а некое символическое действие или даже предмет — зажигание свечи, вынос тыквы и т.п. Наконец, текст может интерпретировать действие или всю обрядовую ситуацию: например, пришедший в дом на Рождество сакральный гость "полазник" бьет по горящему полену в очаге и произносит заклинание: "Сколько искр, столько телят, ягнят, поросят (и т.д.)"; жницы после окончания жатвы катаются по полю со словами "Нивка, нивка, отдай мою силку".

Состав вербальных ритуалов

В фольклористике и этнографии какой-либо классификации или даже просто перечня вербальных ритуалов пока не существует. Есть лишь термины, обозначающие сами произносимые тексты, и некоторые из них могут одновременно служить названиями соответствующих ритуалов. Например, *благопожелание* — это и текст (высказывание) с иллюкутивной функцией пожелания благ, и ритуал произнесения такого текста в определенном обрядовом контексте — в свадебном обряде, на крестинах, при колядовании и т.п. Ответом на этот ритуальный акт может быть другой текст (благодарность) или некое действие, что бывает весьма часто, — обычно подарок, что позволяет и сам вербальный акт считать "даром", а весь обряд — обменом дарами. В терминах, используемых фольклористами, закрепляются (маркируются) и другие признаки текстов. Если в термине *благопожелание* отражена иллюкутивная функция текста, то в термине *приговор* — структурная функция вербального компонента ритуала по отношению к невербальным (*приговор* при некотором действии). *Заговор* по действию *заговаривать* предполагает объект или два объекта — прямой и косвенный: *заговаривать кому что* или *заговаривать кого от чего* ("заговаривать больному зубы, зубную боль" или "заговаривать ребенка от бессонницы"). *Заклинание* или *заклятие*, а

также *клятва, проклятие* — все эти термины, несмотря на совершенно различную прагматическую природу обозначаемых ими актов, восходят к одному "речевому" глаголу *клясть* и объединяются признаком, который также имеет прагматический характер: *клясть* в отличие от *говорить* означает сакрализованную речь, слово, обладающее силой действия.

По своей структуре тексты, создающие вербальные ритуалы, весьма различны. Это могут быть очень краткие формулы типа "чур меня", но могут быть весьма пространные, чаще всего ритмизованные, иногда включающие повествовательные фрагменты тексты и даже диалоги. Ритуальные диалоги как особый вид магических вербальных ритуалов с самыми разными функциями — продуцирующей, охранительной, лечебной — широко распространены у славян. Такой диалог засвидетельствован Саксоном Грамматиком в XIII в. на острове Рюген: из муки нового урожая пеклись лепешки и складывались в большую горку, за которой садился хозяин и спрашивал домочадцев: "Видите ли вы меня?" Ему отвечали: "Видим", на что хозяин говорил: "Пусть на будущий год меня не будет видно" (т.е. пусть будет столько хлеба, чтобы из-за него не было видно хозяина) [4].

Вербальным ритуалом может быть и исполнение таких фольклорных текстов, которые обычно не имеют прагматической функции, например песен, сказок, загадок. Так, в качестве текста-оберега часто используются песни, повествующие о возделывании льна, конопли, хлеба, перца и других растений, в которых подробно излагаются все этапы роста, созревания, уборки урожая, обработки растения. Например, песня "Посеяла я лен, лен на Видов день; вырос мой лен, лен...; полола я лен, лен...; вырвала...; трепала...; пряла...; ткала...; сшила рубаху..." у сербов исполняется в случае стихийных бедствий — мора, засухи, войны — и как бы замещает собой обряд изготовления так называемой магической *обыденной рубахи*, т.е. рубахи, изготавливаемой от начала до конца (от обработки льна до шитья) в один день (повторяющиеся после каждой строки слова *на Видов день* имеют здесь не только формальное значение рефрена, но прямо выражают идею обыденности). У гуцулов подобная песня или рассказ о возделывании льна используется в качестве заговора от болезни, а у лужичан таким подробным рассказом защищаются от нечистой силы (полудницы) при встрече с ней: единственное средство спастись от полудницы — это рассказывать ей возможно больше о работе со льном или о другом каком-нибудь деле; у кого не хватит материала для рассказа, тот погиб, хватит материала — спасен. В последнем случае полудница говорит рассказчице: "Ты взяла у меня мою силу".

Но все это особые случаи. Вернемся к вербальным ритуалам стандартного типа, когда произносимый текст — это род приговора, заклинания, заговора, обычно с эксплицитно выраженной иллюкутивной целью. Их можно классифицировать на основании разных признаков: 1) по их культурной функции, вхождению в те или иные обрядовые комплексы

* Подробнее о подобных магических текстах см. [5]. О религиозно-магической функции сказок см. работу Д.К. Зеленина [1].

(т.е. на этнографической основе); 2) по их формальной структуре и содержанию, т.е. по характерным для них мотивам и темам, 3) и, наконец, по их логической структуре, прагматике и соотношению с речевыми актами.

Вербальные ритуалы и речевые акты

Остановимся кратко только на последнем пункте и попробуем взглянуть на вербальные ритуалы сквозь призму речевых актов, т.е. наложить на них ту понятийную сетку, которая используется при описании речевых актов. Такой подход кажется вполне естественным, поскольку произнесение текста в любом случае есть речевой акт. Вместе с тем ритуальная речь имеет много специфических черт, отличающих ее от обыденной речи. Отличия касаются всех уровней, начиная от самого "поверхностного", т.е. звукового. Ритуальные тексты нередко произносятся особым образом — криком, напряженным, открытым голосом с особым интонированием или, наоборот, шепотом, скороговоркой и т.п. Они часто имеют особую структуру: повторяются трижды целиком или в отдельных фрагментах, имеют рефрены, вставки (например, "гукание"), могут произноситься "наоборот", т.е. от конца к началу. Но более важное отличие состоит в том, что ритуальные тексты не создаются в процессе их произнесения, а воспроизводятся в готовом виде, тогда как речевые акты импровизированы и не имеют в нормальном случае жестко клишированной формы [3]. Есть, конечно, и промежуточные формы — таковы приветствия, формулы прощания, благодарности, извинения и др. Они скорее микроритуалы, чем канонические речевые акты.

То, что так важно для характеристики речевых актов, а именно их деление по прагматическому признаку на сообщения, вопросы и побуждения, здесь, в сфере ритуальной речи (или речевых, вербальных ритуалов), оказывается малозначимым. В самом деле, сообщений среди вербальных ритуалов, по-видимому, нет вовсе. Что касается вопросов (не по форме, а по иллюкутивной цели), т.е. текстов, произносимых с целью получения некоторой информации, то к таковым, вероятно, можно отнести только некоторые типы гаданий (ср.: "Андрею, Андрею, я на тебя лен сею, дай мне знать, с кем мне под венцом стоять"). Такие речевые (и не только речевые) акты рассчитаны на получение ответа (в виде какого-нибудь звука, например собачьего лая, петушиного крика, хрюканья свиньи, мычания коровы; видения во сне или другого какого-нибудь знака). Однако подавляющее большинство вербальных ритуалов — это тексты с прагматикой "побуждения", т.е. тексты, рассчитанные на то, чтобы повлиять тем или иным способом не на собеседника, а на саму действительность.

Еще одно, и может быть самое яркое, отличие вербальных ритуалов от речевых актов — это заложенная в них модель адресата. Если в нормальном речевом акте адресатом речи является собеседник, то здесь собеседника может не быть вовсе: многие приговоры, молитвы, заклинания произносятся в одиночестве и не предполагают реального адресата. Если же реальный "собеседник" присутствует (например, больной, которого заговаривают, или лицо, к которому обращено благопожелание или

проклятие), то он, во всяком случае, не является субъектом тех перемен в состоянии дел, которых ожидает отправитель (исполнитель вербального ритуала). Субъектом этих перемен и тем самым подлинным адресатом ритуальных текстов оказывается некая высшая сила, как бы она ни мыслилась — как Бог, святые, духи, умершие предки или нечистая сила. Формальным адресатом, так сказать, подставным, который обычно называется в тексте, может быть и растение, и животное, и земля, поле, вода, и предмет, и человек. Ср. в гаданиях: "Пояс мой, пояс! Укажи мне жениха и поезди!" или "Кутья моя, кутница, родная сестрица, расскажи всю правду, как я буду жениться"; "Батюшка помело, укажи мне жениха!"; "Гребень, гребенец, чеши косы под венец". Известны обращения к кукушке, к божьей коровке, к дубу, к травам, к болезням и злым силам — туче, дождю, Коровьей смерти и т.д. За всеми этими адресатами стоит некая сила, которая может воздействовать на действительность, а сами они являются лишь ее воплощениями, символическими заместителями или посредниками (ср. обычные формулы в заговорах: "Я со словом, Господь с помощью" — или формулы-приговоры типа: "Не я тебя зову, сам Господь Бог"). Реальные же лица, участвующие в вербальном ритуале, "собеседники", оказываются лишь объектами, в пользу которых или во вред которым произносится текст. Ср. характеристику многочленной иерархической каузативной структуры в работе [2].

Опыт прагматической классификации вербальных ритуалов

Недавно польская исследовательница Анна Энгелькинг предложила опыт классификации вербальных ритуалов по их иллюкутивным целям [6]. Она разделила все вербальные ритуалы на: 1) заклинания — "создающие", или "созидающие" (креативные), цель которых — создать те или иные желаемые положения вещей в мире (богатство и благополучие молодоженов, здоровье ребенка, благодатный дождь, обильный приплод скота, урожай и т.п.); 2) охранительные (обереги), которые, в свою очередь, делятся на ритуалы-табу (ритуалы "избегания" опасных контактов) и ритуалы предотвращения и нейтрализации злых сил, т.е. более активные действия, препятствующие возникновению нежелательных событий или состояний; 3) снимающие порчу (заговоры). Интенция, цель и функция первых — вызвать, создать определенное желаемое состояние вещей; вторых — избежать нежелательного состояния или предотвратить его, проявив определенную активность; третьих — устранить уже наступившее нежелательное положение вещей. Очевидно, что это деление носит весьма общий характер и в таком виде охватывает все логические возможности определения прагматических функций ритуала по его отношению к действительности и оказывается приложимым не только к вербальным ритуалам, но и к ритуалам вообще.

Легко заметить, что такая классификация не дает возможности разграничить, например, молитву и благопожелание, с одной стороны, и проклятие, насылание порчи, болезни — с другой, поскольку и те и другие объединены в одну группу ритуалов, "создающих то, чего нет". Чтобы это преодолеть, необходимо подключить к этой классификации о ц е н к у

тех состояний, которые являются ожидаемым результатом вербальных ритуалов. Тогда каждый из трех типов разделится на два полярных подтипа — "положительный" и "отрицательный". "Создающие" ритуалы разделятся на "создающие нечто хорошее" (благопожелания в буквальном смысле слова) и "создающие нечто плохое" (т.е. наносящие вред). "Предотвращение", если оно предотвращает плохое, — это оберег, а если хорошее — тогда это злокозненное действие, вредительство. Наконец, "устранение" также может быть устранением плохого (тогда это лечение, избавление от порчи, сглаза и т.п.) и устранением хорошего (лишением, порчей). Вопрос, однако, в том, кому принадлежит эта оценка, кто является ее субъектом. Видимо, субъектом оценки провоцируемой ситуации является тот "собеседник", для которого (в пользу или во вред которому) совершается ритуал, т.е. главное "заинтересованное лицо", не являющееся, как правило, логическим адресатом вербального ритуала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленин Д.К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // С.Ф. Ольденбургу": К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932: Сб. статей. Л., 1934.
2. Максакетян А.Г. Каузация: Лингвистические и экстралингвистические аспекты. Ереван, 1990.
3. Толстая С.М. К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // Образ мира в слове и ритуале: Балканские чтения I. М., 1992.
4. Толстой Н.И. Фрагмент славянского язычества: арханчский ритуал-диалог // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984.
5. Толстые Н. и С. Жизни магический круг // Сб. статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992.
6. Engelking A. Rytuwały słowne w kulturze ludowej: Próba klasyfikacji // Język a kultura / Pod red. J. Bartmińskiego, R. Grzegorzczkovej. Wrocław, 1991. Т. 4.

Н.Д.А.

МОЛЧАНИЕ И ЧУВСТВО

Быть может не случайно на этой конференции, посвященной проблемам речевых действий, большое место заняла тема молчания. В самом деле, молчание представляет собой высшую форму коммуникативной деятельности, чистый способ выражения и даже передачи переживаний и чувств, не отягощенный условными значениями префиксов и основ. Здесь уже говорили о молчании и мысли, о молчании и действии, я буду говорить о молчании и чувствах.

В зависимости от источника можно различать два вида молчания: спонтанное, которое коммуникант добровольно налагает на себя, и принудительное, к которому его вынуждает собеседник. Акад. Л.В. Щерба подчеркивал, что наибольший интерес для научного исследования представляют промежуточные и гетерогенные формы, объединяющие признаки противоположных классов. Поэтому мы рассмотрим особый, третий вид молчания — спонтанно-принудительный, когда говорящий по своей воле обрекает себя на молчание, но под влиянием внешних факторов, хотя никто ему не говорит, чтобы он замолк. Эту форму молчания мы будем исследовать в рамках общей проблемы "Роль женщины в речевой деятельности мужчины".

Влияние женщины на речевую деятельность мужчины, так же как и ее воздействие на другие формы его деятельности, носят диалектически противоречивый характер. С одной стороны, женщина всемерно стимулирует мужскую речевую деятельность: известно, что самые лучшие слова в мире были сказаны женщине или о женщине, но и самые крепкие слова были сказаны из-за женщины или женщине. С другой стороны, женщина всячески сковывает речевую деятельность мужчины, постоянно стремясь заставить его замолчать. Ниже будет проанализирована вторая часть этой проблемы; что касается первой, то она может стать предметом особого рассмотрения.

Стремясь пресечь речевую деятельность мужчины, женщина использует ряд методов, которые можно разделить на премаритальные и постмаритальные.

Премаритальные способы не очень разнообразны. По сути дела, женщина использует в этот период постоянно один и тот же прием, но зато этот прием действует безошибочно. Прием этот заключается в том, что женщина заставляет мужчину влюбиться в себя. Как только это происходит, мужчина при виде предмета своей страсти набирает в рот воды, проглатывает язык и не может больше вымолвить ни слова. И это касается не только таких персонажей, как незадачливый мистер Тутс из

"Домби и сына", о котором Диккенс говорит, что стоило ему увидеть Флоренс, как он тотчас погружался на самое дно колодца своего красноречия и не мог уже оттуда выкарабкаться. Это касается и таких признанных специалистов в области речевой деятельности, какими являются выдающиеся поэты. На протяжении всей истории человечества поэты без конца жалуются — на все лады и на всех языках, — что женщины заставляют их молчать.

Уже Катулл, один из основоположников мужской лирической поэзии, говорил две тысячи лет назад:

По мне тот не смертный, а бог безмятежный,
Кто может спокойно сидеть пред тобой
И слышать твой голос пленительно нежный
И смех упоительный твой.
От этого счастья в предвиденьи муки
Мне душу теснит уж испытанный страх.
Едва лишь увижу тебя я, как звуки
В моих замирают устах,
Язык мой немеет, в крови моей пышут
Бегущими искрами струйки огня,
В глазах лишь потемки, а уши не слышат,
Немолчным прибоем звеня...*

"Lingua sed torpet", — писал Катулл ("Только язык коснеет").

И вот проходили годы и столетия, возникали и исчезали страны и народы, разрушались склонения и даже спряжения, но в интересующей нас сфере ничего нового не происходило, и через полторы тысячи лет после Катулла другой поэт, в другом конце Европы, на другом, уже вполне аналитическом языке восклицал:

As an imperfect actor on the stage
Who with his fear is put beside the part...

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, —
Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.

В этом (23-м) сонете Шекспир блестяще показал роль нулевой формы в языке. Он показал, что отсутствие означаемого не всегда означает отсутствие означающего, но, напротив, отсутствие означающего может означать, что означаемое настолько значимо, что для него не находится подходящего означающего.

В самом деле, сила чувства может быть выражена интенсивом: *Она очень хороша!* или *Она удивительно хороша!* Но более сильными явля-

* Примеры приводятся по опубликованным переводам Ф. Корша, С. Маршака, В. Левика, П. Грушко, В. Зоргенфрея. Неточное цитирование и приписывание авторитетному автору своих мыслей — частое явление в науке. Не избежал этого, по-видимому, и автор настоящих заметок. Он приносит свои извинения читателям, переводчику и автору соответствующего цитированного материала.

ются формальные или обобщенные интензивы: *Она так хороша!* или *Как она хороша!* Однако самым сильным будет нулевой интензив, который в данном случае возможен, например, в артиклевом французском языке: *Elle est d'une beauté!*.. — букв. '*Она красоты!*' И я молчу, не зная, что сказать.

Не только сдержанные бритты, но и говорливые галлы не могли преодолеть сковывающего воздействия женщины на их речевую деятельность.

Один из французских поэтов, который был настолько словоохотлив, что даже, согласно преданию, был повешен за свой язык (здесь *за язык* следует понимать в причинном, а не инструментальном значении), жаловался в знаменитой "Балладе противоречий", известной также под названием "Баллады состязания в Блу":

Je meurs de seuf auprès de la fontaine.
Chault comme feu, et tremble dent à dent...

Я, сидя над ручьем, от жажды изнываю,
От счастья плачу я, от горестей смеюсь,
Тот, кто опасен мне, того я не боюсь,
Того ж, кого люблю, упорно избегаю.
Я знаю языки, но слов простых не знаю,
И о любви своей сказать я не решусь
Я с ней наедине мучительно томлюсь.
А без нее, увы, мучительно страдаю.

Здесь Вийон (а это был он) задолго до Хомского показал различие между языковой компетенцией и языковой "перформанцией". *Я знаю языки* — это мертвая компетенция, не приводящая еще к общению; *Но слов простых не знаю и о любви своей сказать я не решусь* — тут речь идет уже о перформанции, обеспечивающей реальную коммуникацию, и для перехода от одной к другой нужен определенный психолингвистический настрой, и именно в этот момент вторгается женщина, делая этот переход невозможным.

Но не только Вийон — другой знаменитый французский поэт, буквально затопивший Францию своими стихами, которые он посвящал Кассандре, Марии, Елене и другим дамам того времени и которые объединил в книги "Les Amours" 'любви' (во мн. числе), даже такой поэт становился жертвой м у т и з м а — внезапного онемения:

Когда одна, от шума в стороне,
Бог весть о чем рассеянно мечтая,
Задумчиво сидишь ты, всем чужая,
Склонив лицо как будто в полусне,
Хочу тебя окликнуть в тишине,
Твою печаль развеять, дорогая,
Иду к тебе, от страха замирая,
Но голос, дрогнув, изменяет мне
Лучистый взор твой встретить я не смею,
Я пред тобой безмолвен, я немею,
В моей душе смятение царит,
Лишь тихий вздох, прорвавшийся случайно,
Лишь грусть моя, лишь бледность говорит,
Как я люблю, как я терзаюсь тайно

Подобно паралингвистическим средствам, сопровождающим акт речи,

существуют парамутические явления, сопровождающие акт молчания. Этот сонет Ронсара примечателен в том отношении, что он раскрывает виды парамутизма — чувства доводимого до онемения мужчины (страх, смятение в душе, неспособность даже посмотреть на любимую женщину), а также явления, сопровождающие уже состоявшийся мутизм: вздохи, бледность, тоскливое выражение лица, шум в голове, звон в ушах, дрожание и другие физиологические феномены, компенсирующие несостоявшийся нормальный речевой акт (см. также выше — Катулла).

Подавляющая функция свойственна всякой женщине. Приведенный сонет посвящен Кассандре, но Мария оказывает на поэта аналогичное действие:

Любовь — волшебница. Готов я целый год
С возлюбленной моей болтать, не умолкая,
Про все свои любви — и с кем, и кто такая,
Рассказывал бы ей хоть ночи напролет.
Но вот она со мной, и я уже не тот,
И мысль уже не та, и речь совсем иная,
То путая слова, то фразу забывая,
Коснеет мой язык, а там совсем замрет.

В этом сонете Ронсар блестяще продемонстрировал взаимозависимость между действительностью, мыслью и языком. Действительность отражается в мысли, которая оформляется языком. *И я уже не тот* — это действительность; *И мысль уже не та* — это мышление, следующее за действительностью; *И речь совсем иная* — это язык, соотносящийся с изменением мысли. Кроме того, задолго до профессора Лурия, французов Экаэна и Ирригаре и других нейролингвистов Ронсар выявил два основных вида речевой афазии: дислексию и аграмматизм. *То путая слова* — это дислексия. *То фразу забывая* — это аграмматизм.

Блез Паскаль говорил: что морально по эту сторону Пиренеев, аморально по ту сторону, и наоборот. Это мы наблюдаем и в интересующей нас сфере. Если французский поэт теряет дар речи, когда его возлюбленная приходит, то испанский замолкает, когда она уходит, о чем свидетельствует сонет Мигеля Эрнандеса, одного из лучших испанских поэтов XX в.:

Mis ojos, sin tus ojos, no son ojos,
Que son dos hormigueros solitarios...

Глаза мои без глаз твоих пустынно:
Они два муравейника разъятых,
а руки-ветви без твоих, крылатых,
мертвы, как две сухие хворостины.
Пригубив робко губ твоих рубины,
я благовещу в сладостных набатах,
а нет тебя — в желаньях распятых
я терю рощу там, где росли жасмины.
Я гложу, когда ты хранишь молчанье,
и путь мой без твоей звезды не сладок,
я без тебя безмолвен, как мертвец

Эти стихи показывают ту великую истину, что для нормального речевого акта необходимы два партнера: если нет говорящего, то нет и слушающего, а если нет слушающего, то не нужен и говорящий. *Я гложу*

когда ты хранишь молчанье — нет говорящего, нет и слушающего; Я без тебя безмолвен, как мертвец — нет слушающего, нет необходимости в говорящем.

Однако лучший способ заставить мужчину замолчать — это уничтожить его. Такое решение (своего рода *Endlösung*) описывает немецкий поэт:

Die Welt mir war nur eine Marterkammer...
Мир для меня был камерою пыток. .

Нет, возьмем в другом переводе:

Мир для меня был пыткой сплошною
В застенке, где ногами вверх висело
Мое вконец истерзанное тело,
Зажатое колодою стальною.
Из губ запекшихся лилася кровь струею,
И я вопил — в мозгу моем кипело;
И девушка, что мимо шла, умело,
Уколом в сердце, кончила со мною.
И вот глядит, как дрожью сводит члены,
Как на губах вскипают клочья пены,
Как высунут язык, немой и липкий;
И слушает, как кровь из раны хлещет,
Как сердце, в муке, все еще трепещет,
И так стоит, с холодною улыбкой.

У Гейне женщина приканчивает мужчину не уколом в сердце, а ударом золотого молоточка (*mit goldnem Hammer*), но результат одинаковый. Этот опыт подтверждает, что если мужчину подвесить вверх ногами, зажать в колодки и ударить при этом молотком, то это действительно может лишить его способности к речевому акту.

Но не только слабосильные германцы и романцы не могли противостоять воздействию женщины. Более выносливые славяне тоже пасуют перед ней, о чем свидетельствует стихотворение великого славянского поэта:

Я размышляю вслух, один бродя без цели,
С людьми — всегда молчу иль путаю слова.
Мне душно, стук в висках, кружится голова,
Все говорят кругом: здоров ли он, в уме ли?
В терзачиях часы дневные пролетели,
Нисходят сумерки, вступает ночь в права,
В постель бросаюсь я, душа полумертва,
Хочу забыться сном, но душно и в постели.
Срываюсь и бегу, мой гнев кипит сильней,
В уме слагаю речь, она звучит сурово,
Звучит проклятием жестокости твоей.
Но увидал тебя — и все забыто снова,
И вновь спокоен я, и камня я немей,
А завтра — вновь горю и тиснет жажду слова.

Мицкевич рассматривает проблему глубже Вийона. Последний говорил о различии языка и речи. Мицкевич же отмечает более тонкую разницу — между внутренней и внешней речью. Сила женщины такова, что даже полностью сложенную внутреннюю речь мужчины, готовую вот-вот излиться, она может пресечь на любом этапе одним своим появлением.

Мы охватили все большие страны Европы: Италию и Англию, Францию, Испанию, Германию, Польшу. Ну а как обстоят дела в России с интересующей нас проблемой? Надо сказать, что русским поэтам свойственны общечеловеческие чувства и ценности, но выражают они их в чисто русском стиле: мы не увидим здесь ни актера на сцене, ни плача у фонтана, ни возвышенных метафор, здесь будут самые простые слова и даже глагольные рифмы, но едва заметное необычное соединение двух слов покажет, что перед нами — высокая поэзия:

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Это — Фет. *Я молча твержу* — это ключ к стихотворению и ко всей проблеме. Этим сказано все.

Но вот в конце концов, несмотря на все трудности, мужчине удается выдать из себя три известных слова (а в языках, где употребление личного местоимения необязательно, достаточно и двух), и после положительного ответа мы из премаритального периода переходим в постмаритальный. Способы, к которым прибегает женщина, чтобы заставить замолчать мужчину, изменяются, и происходит скачок из царства поэзии в царство юриспруденции. Примеры в данном случае приходится заимствовать уже не в сборниках стихов, а в газетной рубрике происшествий. Эти способы могут быть как вербальными, так и невербальными. Вот пример невербального приема:

Першьян, 12 марта. Прошлой ночью в Сен-Фелеи-д'Аваль Лоранс Ж., 54 лет, вылила кастрюлю кипящей воды на голову своего спящего мужа, после чего нанесла ему удары скалкой для белья. Предполагают, что между супругами не все было ладно (On suppose que le couple ne s'entendait pas).

А вот пример использования вербального приема:

Штутгарт. Житель этого города Н. подал в суд иск, требуя развода на том основании, что жена не дает ему возможности говорить. В качестве вещественного доказательства суду была предъявлена магнитофонная пленка с записью беседы супругов, которая длилась четыре часа. В течение всего этого времени непрерывно говорила одна жена; мужу удалось вставить только десять слов. Суд удовлетворил иск о разводе.

В. Г.

SUMMARY

GRAMMAR OF SPEECH ACTS. V. Gak: Illocutionary usage of speech words (*answer, ask, word, etc.*, e.g. *So you say!*; *You may well say so!*) can be considered as indirect speech acts. They have some lexical, syntactical and intonational distinctive features, and acquire special phatic and discursive functions expressing certitude, approbation, etc. **F. Giusti-Fici:** Perfect tense and evidential modality in Bulgarian and Macedonic are expressed by similar forms and may be considered as representing one and the same grammatical category indicating the speaker's attitude (modal, epistemic, emotional) to the event. **Yu. Knjazev:** The article deals with Russian speech act verbs of "immediate" effect (Yu. Maslov), such as *говорить* 'say', *приглашать* 'invite', etc., their peculiarities in different tense/aspect forms, and the applicability of the notions of "result", "effect" and "goal" to those verbs. **M. Kronhaus:** The paper offers a semantic classification of speech verbs. Two major classes are opposed: verbs of text generation and verbs producing changes in the state of affairs. **G. Kustova, E. Paducheva:** Two types of nonperformative use of performative verbs are distinguished — quasi-performatives (*John thanks you for the book*), and those of the perfective state (*They have summoned me to the court*). Quasi-performatives, in contrast to the perfective state, preserve two essential features of performatives: the Present Tense of the verb and the second person of the addressee. **E. Paducheva:** The tense/aspect form of an illocutive verb having a performative use has the same meaning as it has in the context of a sport commentary or in a demonstrator's/conjuror's self-report. The common feature of all those contexts is that the moment of speech behaves as an inclusive time interval, which gives rise to a perfective meaning of the Imperfective. **V. Podlesskaya:** Communication verbs are often used to describe emotive and mental activity, as Rus. *скажем*/Engl. *say* ('for example'). Their grammaticalization may follow two directions: (1) their main communicative meaning makes them markers of quotations; (2) their additional emotive or mental meaning gives rise to their use in anaphoric patterns. **S. Romashko:** The early development (Plato, Aristotle) of the Greek *rhêma* 'the spoken' as a linguistic term was predetermined by (1) the structure of the semantic field "word(s)/utterance" in Greek; (2) the point of view of the speaker on the language in its communicative function. The reanimation of the term *rhêma* in our century is a return of Western linguistics to its sources.

SEMANTICS OF SPEECH ACTS. T. Bulygina, A. Shmelev: Other people's speech acts may be reported either in an "internal" or "external"

perspective. It is important to distinguish these two strategies in cases of evaluative speech acts. **S. Gindin:** Oral and written discourse are described by different linguistic means: a written "speech event", unlike an oral one, is normally named by a verbal-nominal group. The split of written communication into two stages — creative and communicative — is also discussed. **I. Kobozeva, N. Laufer:** The new notion of "an interpretative speech act" (ISA) — the act of verbalizing one's interpretation of the interlocutor's utterance — is presented, and the semantic classification of ISAs and their description in the terms of the speech act theory and Gricean maxims are given. **I. Levontina:** There are semantic differences between the synonyms *разговор, беседа, диалог* ('talk'): *разговор* focuses attention mainly on the topic of speech communication and its contents, *беседа* — on the very course of speech communication, and *диалог* — on its structure. **T. Reuther:** The article deals with verb—noun collocations of two types according to the semantic relations between the operator verb and the noun, e.g., *дать совет vs. высказать мнение*. The use of periphrastic nominations is related to text types (newspaper vs. fiction, official style vs. private conversation). **N. Riabtseva:** The communicative modus differentiates between informative, performative and axiological utterances, and is usually grammaticalized. But it can be lexicalized as well — by metaspeech. Besides explicating the modus, this language faculty of referring to itself provides and promotes the ways of social and mental interaction. **V. Telia:** The connotations of the act of speaking depending on the analogies modify its prototype by introducing features of national culture into it. **T. Janko:** Utterances can be divided into actions and descriptions. Performative utterances, questions, imperatives and exclamations are actions. Unlike neutral narrative sentences they don't have a truth value.

PRAGMATICS OF SPEECH ACTS: CULTURAL CONTEXTS.

N. Arutiunova: Silence is a double-faced phenomenon: it may be considered as a zero speech act and as its description. The article deals with words describing gaps in speech activity: *молчать, промолчать, молчание*, etc. The words of silence contain inner negation: *to be silent* = 'not to speak; not to say anything'. This fact influences the extension of the words of silence: they refer mainly to non-standard situations and inhabitual speech behaviour within the frame of private dialogues and various forms of social activity. **A. Grek:** The article reveals common connotations of silence, speech and praying in Russian poetry and religious philosophy of the beginning of our century. **M. Dmitrovskaya:** The article deals with the interrelations between Man and Nature in A. Platonov's works. It analyzes the abilities of Platonov's characters to understand the language of Nature, hear its voice and communicate with it. **E. Zemskaya:** "Politeness" can be interpreted as an independent category of communicative-pragmatic nature and an important factor in individual speech behaviour. Its influence is manifested on various levels of the language system. Non-observance of rules of etiquette by the speaker may be due to a variety of reasons. **V. Ivanov:** Modern Persian, Tajik and Dari have an ancient three-level system of politeness, according to which patterns of politeness must be chosen and coordinated. That's why "polite" words alone cannot make the speech in those languages polite. **G. Kreidlin:** Voice

features and the means of their expression in written texts influence speech interaction and its interpretation. The correspondence between emotions and voice characteristics is taken up. **T. Michaelova:** The article tells how Irish medieval satire influenced human-aimed objects. Magic speech was of two types depending on (1) why it was pronounced, and (2) by whom. Glam-dicinn's combined the features of both types. **S. Nikitina:** The article examines the functions and value of speaking and singing in Russian folk culture, and shows that the concept of "voice" connects the idea of speech and that of singing in cultural texts and metatexts. **A. Póltoratsky:** This article goes into the relationship between "words" and "deeds" in Shakespeare's plays, for instance, the relations "both in word and deed"; "word vs. deed"; "deed as word", etc., in the plot of "All's Well", "Timon of Athens", and in "King Lear". **S. Tolstaya:** So called verbal rituals should be opposed to non-verbal rituals as well as to non-ritual speech acts, and classified according to their structural, semantic and pragmatic features. Slavic verbal rituals are neither "reports" nor "questions"; practically all of them are of the only illocutive type — "causation", as they are intended to provoke desired changes in the current state of affairs.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	3
-------------------	---

ГРАММАТИКА РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В.Г. Гак. Речевые рефлексы с речевыми словами.....	6
Ф. Джустини-Фичи. Чужая речь (пересказывание) в балканославянских языках	11
Ю.П. Князев. Речевые действия: их следствия и особенности обозначения.....	17
М.А. Кронгауз. Текст и взаимодействие участников в речевом акте.....	22
Г.И. Кустова, Е.В. Падучева. Перформативные глаголы в неперформативных употреблении.....	30
Е.В. Падучева. Вид и время перформативного глагола.....	37
В.И. Подлесская. Непрямые употребления глаголов речи и их грамматикализация.....	42
С.А. Ромашко. Греческое <i>rhêma</i> : язык и языкознание.....	45

СЕМАНТИКА РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелев. Оценочные речевые акты извне и изнутри.....	49
С.И. Гиндин. Речевые действия и речевые произведения.....	59
И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер. Интерпретирующие речевые акты	63
И.Б. Левонтина. Время для частных бесед.....	71
Т. Ройтер. О перифрастических наименованиях речевой деятельности.....	76
Н.К. Рябцева. Коммуникативный модус и метаречь.....	82
В.Н. Телия. "Говорить" в зеркале обиходного сознания.....	93
Т.Е. Янко. Описания мира и речевые действия.....	99

ПРАГМАТИКА РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ: КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Н.Д. Арутюнова. Молчание: контексты употребления.....	106
А.Г. Грек. О словах со значением речи и молчания в русской духовной традиции.....	117
М.А. Дмитровская. Природа: язык и молчание (О мирозерцании А. Платонова).....	125
Е.А. Земская. Категория вежливости в контексте речевых действий.....	131
В.В. Иванов. Уровни вежливости в метафарси.....	137
Г.Е. Крейдлин. Голос, голосовые признаки и оценка речи.....	141
Т.А. Михайлова. О функции слов во вредоносной магии (Ирландские песни "поношения").....	153
С.Е. Никитина. Пение и говорение в народном восприятии.....	159
А.И. Полторацкий. Проблема "слов" и "дел" в произведениях Шекспира.....	165
С.М. Толстая. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре.....	172

ПРИЛОЖЕНИЕ: ЛИНГВИСТЫ ТОЖЕ ШУТЯТ

Молчание и чувство.....	178
Summary.....	184

CONTENTS

Editorial.....	3
GRAMMAR OF SPEECH ACTS	
<i>V. Gak</i> . Speech Formulae with Speech Words.....	6
<i>F. Giusti-Fici</i> . Reported Speech: Evidential Modality in Balkan-Slavic Languages.....	11
<i>Yu. Knjazev</i> . Speech Acts: Their Effect and Expression.....	17
<i>M. Kronhaus</i> . Speech Act: Text and Interaction between Communicants.....	22
<i>G. Kustova, E. Paducheva</i> . Performative Verbs in Non-performative Use.....	30
<i>E. Paducheva</i> . The Tense and Aspect of a Performative Verb.....	37
<i>V. Podlesskaya</i> . Speech Act Verbs: Their Indirect Use and Grammaticalization.....	42
<i>S. Romashko</i> . The Greek <i>rhêma</i> in Language and Linguistics.....	45
SEMANTICS OF SPEECH ACTS	
<i>T. Bulygina, A. Shmelev</i> . Evaluative Speech Acts: an External and Internal Perspective... ..	49
<i>S. Gindin</i> . Speech Actions and Speech Products	59
<i>I. Kobozeva, N. Laufer</i> . Interpretative Speech Acts.....	63
<i>I. Levontina</i> . It's Time for Private Conversations.....	71
<i>T. Reuther</i> . On Periphrastic Nominations of Speech Activities.....	76
<i>N. Riabtseva</i> . Communicative Modus and Metaspeech.....	82
<i>V. Teltia</i> . Speaking and Its Cultural Connotations in Russian	93
<i>T. Janko</i> . Utterances as Descriptions and as Actions	99
PRAGMATICS OF SPEECH ACTS: CULTURAL CONTEXTS	
<i>N. Aruttunova</i> . "Words of Silence": Extension and Distribution.....	106
<i>A. Grek</i> . Words of Speech and Silence in Russian Cultural Tradition.....	117
<i>M. Dmutrovskaya</i> . Nature: Language and Silence (On Platonov's View of Life).....	125
<i>E. Zemskaya</i> . Politeness in the Context of Speech Actions.....	131
<i>V. Ivanov</i> . Levels of Politeness in Metafarsi.....	137
<i>G. Kreidlin</i> . Voice, Voice Features, and Evaluation of Speech.....	141
<i>T. Michaelova</i> . The Function of Speech in Harmful Magic (Irish <i>glam-dicinn's</i>).....	153
<i>S. Nikitina</i> . Folk Culture: Relating Speech to Singing.....	159
<i>A. Poltoratsky</i> . "Words and Deeds" in Shakespeare's Theatre.....	165
<i>S. Tolstaya</i> . Verbal Rituals in Slavic Folk Tradition.....	172
ANNEX: JUST FOR FUN	
Silence and Feelings.....	178
Summary.....	184

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА
Язык речевых действий

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

Руководитель фирмы "Наука — Культура"
А.И. Кучинская

Редактор издательства *В.С. Матюхина*
Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технический редактор *О.Б. Черняк*
Корректор *Л.А. Агеева*

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1312
Л.Р. № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 07.06.94. Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 12,3. Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 1200 экз. Тип. зак. **243**

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Московская типография № 3 РАН
107143, Москва Открытое шоссе, 28

Публикации
ПРОБЛЕМНОЙ ГРУППЫ
"ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА"
(Институт языкознания РАН)

1. Пропозициональные предикаты в лингвистическом и логическом аспекте: Тезисы докладов конференции. М., 1987.
2. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
3. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
4. Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988.
5. Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.
6. Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990.
7. Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы: Тезисы докладов конференции. М., 1990.
8. Тождество и подобие, сравнение и идентификация. М., 1990.
9. Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
10. Действие: Логические и лингвистические модели: Тезисы докладов конференции. М., 1991.
11. Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992.
12. Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993.
13. Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994.
14. Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.
15. Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995 (готовится к печати).

Вышла из печати:

**"ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА:
МЕНТАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ"**

Ответственные редакторы **Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева.**

13 п.л. М.: Наука, 1993.

Книга посвящена семантическому анализу структуры ментального пространства, лексикографическому описанию ментальной лексики, а также представлениям о сфере мышления в индивидуальных философских контекстах — Платона, Декарта, П. Флоренского, А. Платонова, А. Тарского и др. Привлекается широкий лингвистический материал, приводятся конкретные примеры толкований слов ментальной сферы и концептуализации ментальных объектов.

Содержание: Часть 1. *Spatium mentale*: Ю.Д. Апресян. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать*. В.Г. Гак. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля). Г.Е. Крейдлин. Таксономия и аксиология в языке и тексте (Предложения таксономической характеристики). И.И. Максеева. Исторические изменения в семантике некоторых русских ментальных глаголов. Е.В. Муравенко. Еще раз о лингвистических задачах. Н.К. Рябцева. Ментальный модус: от лексики к грамматике. В.М. Труб. Лексика целесообразной деятельности (Опыт описания).

Часть 2. *Verba mentalia*: Н.Д. Арутюнова. Вторичные истинностные оценки: *правильно, верно*. Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Гипотеза как мыслительный и речевой акт. М.Я. Гловинская. Русские речевые акты со значением ментального воздействия. Е.Р. Иоанесян. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений. И.М. Кобозева. *Мысль и идея* на фоне категоризации ментальных имен. Н. Лауфер. *Уверен и убежден*: два типа эпистемических состояний. Е.В. Падучева. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары. В.А. Плуvinя, Е.В. Рахилина. БЕЗУМИЕ как лексикографическая проблема (К анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*). И.Б. Шагуновский. *Думать и считать*: еще раз о видах мнения.

Часть 3. *Linguae mentales*: Б.Л. Борухов. Мышление живое и мертвое. "РАССУДОК" и "РАЗУМ" в философии П. Флоренского (по книге "Столп и утверждение истины"). М.М. Вознесенская, М.А. Дмитровская. О соотношении *ratio* и чувства в мышлении героев А. Платонова. Н.П. Гринцер. Подражание как ментальный акт (К теории языка у Платона). Е.Д. Смирнова. Парадоксы и мышление. Е.Г. Черная. Картезианское *cogito* в семантике возможных миров. А.Д. Шмелев. "Хоть знаю, да не верю".

Foreign orders may be directed to
Nadezhda Riabtseva, Institute of linguistics,
Russian Academy of Sciences, Semashko, 1/12,
Moscow, 103009, Russia. e-mail: nadia@iling.msk.su

Готовится к печати:

**"ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА:
ИСТИНА И ИСТИННОСТЬ В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ"**

Ответственные редакторы **Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева.**

М.: Наука, 1995.

В книге обсуждаются следующие проблемы: "ИСТИНА — ПРОБЛЕМЫ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ", "ИСТИНА И КУЛЬТУРА", "ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА", "ИСТИНА — ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ", "ИСТИННОСТЬ — ГРАДУИРОВАНИЕ И ОБЪЕМ", "ИСТИННОСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ".

Содержание: Н.Д. Арутюнова. Истина и этика. Т.Б. Алисова. Концепт истины у Данте. Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. "Правда факта" и "правда больших обобщений". В.Г. Гак. Истина и люди. М.А. Дмитриевская. "Истина всеобщего существования" (Гносеологические вопросы в творчестве А. Платонова) Х. Куссе. Истина и проповедование: "Живое слово" Архиепископа Амвросия (Ключарева, 1820—1901 гг.) и соотношение между гомилетикой и риторикой. И.Б. Левонтина. "Звездное небо над нами". С.Е. Никитина. Концепт истины в русских конфессиональных культурах. А.Б. Пельковский. Тимнологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины уменьшения значимости. Н.К. Рябцева. Истинность в субъективно-модальном контексте. Е.Д. Смирнова. Истина и смысл. Ю.С. Степанов. "Бог есть любовь", "Любовь есть бог". Отношения тождества — константа мировой культуры. С.М. Толстая. Магия обмана и чуда в народной культуре. И.Б. Шатуновский. Коммуникативный статус истинностной оценки в высказываниях, описывающих действительность. А.Д. Шмелев. Вымысел и коммуникация. Е.С. Яковлева. О семантике экспрессивных модификаторов утверждения. Т.Е. Янко. Выражения со словом "правда" и др.

Заказы принимаются в магазинах "Академкнига"

Магазины "Книга-почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"), 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); 664003 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"), 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 103009 Москва, ул. Тверская, 19а; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 117383 Москва, Мичуринский проспект, 12; 630076 Новосибирск, Красный проспект, 51; 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"), 142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8, 142292 Пушкино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга-почтой"), 443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга-почтой"), 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; 199164 Санкт-Петербург, Таможный пер., 2, 194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4, 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18, 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"), 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане: 420043 Казань, ул. Достоевского, 53